ПИОНЕР

Август

8

Издательство ЦК ВКП(б)

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

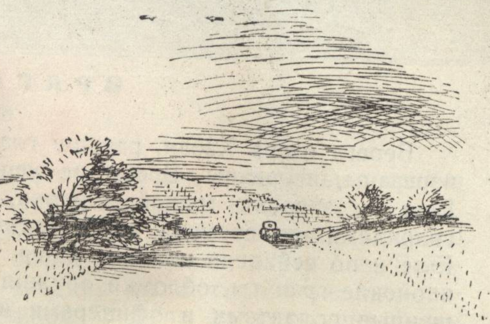
Сад Мичурина.

Рис. Г. Берендгофа

№ 8

Август 1939 г.

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Д О Р О Г А

А. Копштейн

После ливня, после грома
Облака исчезли все.
Чисто вымытое солнце
Отражается в шоссе.
По асфальту мы из школы
Возвращаемся домой.
Я надел свою пилотку
С металлической звездой.
Самолеты пролетают,
Нагоняют ветерок,
А за ними Дальний Запад,
Потому что здесь Восток.
Трактора на черных лапах
По обочинам ползут,
Обтекаемые «ЗИС'ы»
Из Хабаровска бегут.
Вот шофер сидит в кабине,
Без рубашки, налегке,
И поет смешную песню
На еврейском языке.
Я смотрю на самолеты,
На машины я смотрю.
Я с шофером о моторах
Словно взрослый говорю.
Мне рассказывал товарищ —
А слыхали ль это вы? —
Что шоссе от океана
Добегает до Москвы.
Я хотел бы по дороге
Все идти, идти, идти,
Разговаривать с друзьями,
Повстречавшись на пути,
Видеть села, видеть реки,
Из Байкала воду пить
И запомнить все навеки,
Ничего не позабыть.

ВРАГА БУДЕМ БИТЬ

Берега озера Хасан, раньше гладкие, закругленные, теперь изрезаны, изорваны. Время не успело залечить раны земли. Еще не заросли травой воронки, вырытые артиллерийскими снарядами: со времени героических боев прошел только год. Еще и по сей день находят наши бойцы то там, то здесь японские гранаты, обломки оружия, патронташи, ботинки, брошенные солдатами и офицерами императорской армии, когда под сокрушительным ударом красноармейских частей бежали они с советской земли.

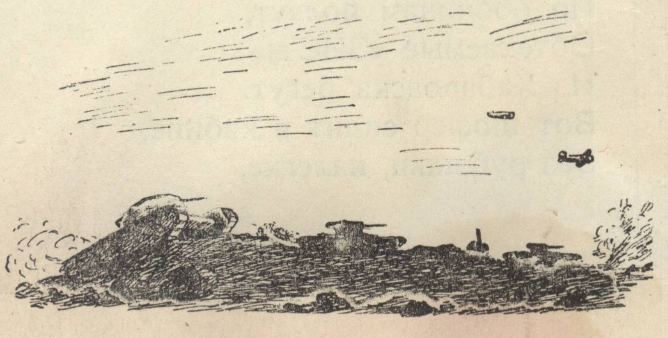
«Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому». Здесь, в этом уголке Советской страны, эти слова товарища Сталина звучат особенно значительно.

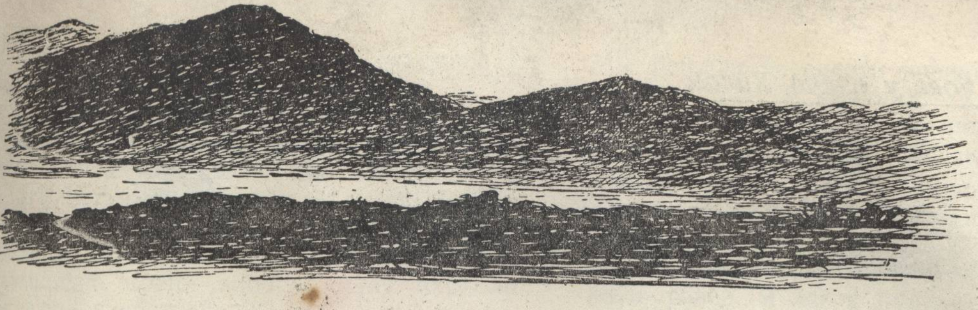
Вот на эту пядь священной советской земли покушались захватчики. Вот на эту сопку, что возвышается за озером, бросили они свои полки и дивизии.

Красная Армия жестоко проучила наглецов. Пулей, штыком и гранатой била врагов наша пехота, метко громила самураев артиллерия, мужественные танкисты в упор расстреливали и давили японские огневые точки, славные соколы-летчики с землей смешали вражеские укрепления.

И на весь мир грозным предупреждением фашистам прозвучали слова маршала Советского Союза товарища Ворошилова: это только цветики, попробуйте, суньтесь, отведаете и ягодок!

Нет и не может быть в мире армии сильней нашей. Ведь за нашей Красной Армией стоит весь стосемидесятимиллионный советский народ. Красную Армию горячо любят все трудящиеся социалистической родины. В дни боев у Хасана десятки тысяч юношей осаждали военные комиссариаты; они настойчиво просили послать их на Дальний Восток, на боевые позиции. К месту боев со всех концов Советского Союза шли посылки с подарками и трогательные письма. Эти письма писали и юные пионеры и рабочие-стахановцы и старики-колхозники. Столько любви, столько тепла было в этих посланиях, что, по-

ПО-ХАСАНОВСКИ

лучая их, бойцы забывали про усталость и руки их еще крепче сжимали винтовки и глаза зорче смотрели вдаль.

Наши границы неприступны. В День Военно-Морского Флота все мы видели, как вырос, возмужал, окреп наш Военно-Морской Флот. В День авиации мы с гордостью любовались успехами соколов-летчиков. В День физкультурника мы видели крепких, закаленных, выносливых советских физкультурников, готовых по первому зову партии и правительства встать на защиту своей родины.

Мы не можем и не должны ни на минуту забывать о том, что творится за нашими рубежами. Там полыхает кровавое зарево второй империалистической войны. От грохота взрывов содрогается китайская земля Третий год великий китайский народ мужественно сражается против японских хищников, защищая свою независимость. Стонет под фашистским сапогом истерзанная Чехо-Словакия. Гремят выстрелы в горах Астурии: там борются с фашистами партизаны-горняки.

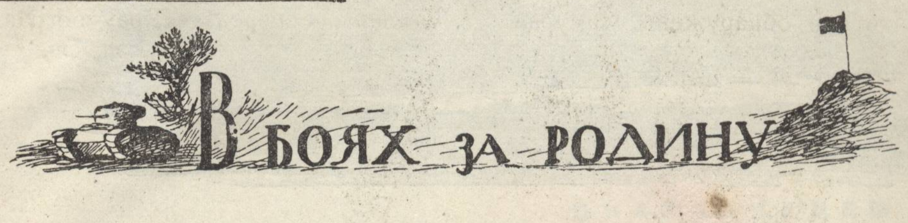
Во всех странах мира у Красной Армии есть друзья и союзники — это трудящиеся. Они не хотят войны, потому что война приносит народным массам неисчислимые бедствия.

В антивоенный день — 1 августа — трудящиеся во всем мире демонстрировали против войны, которую раздувают фашисты. И они приветствовали нашу Красную Армию, армию, защищающую мир.

«Наш народ любит мир, ценит его великие блага и борется за мир во всем мире, — говорил товарищ Ворошилов. — Но он умеет и воевать. И не только умеет, но и любит воевать».

Защищая родную землю, землю, на которой мы своими руками строим прекрасное здание коммунистического общества, советский народ будет воевать так, как не воевал еще ни один народ в мире. На земле, в небесах, на воде и под водой Красная Армия, авиация и Военно-Морской Флот готовы сокрушить любого врага. Готовы бить его там, откуда он придет. Бить по-ворошиловски, бить по-сталински!

Герой Советского Союза майор П. Терешкин

На границе спокойно не бывает. Особенно у нас, на Востоке: ведь каждую минуту можно ждать какой-либо пакости от наших неспокойных и нахальных соседей.

Но до 7 июля на участке границы, который охраняет моя застава, было сравнительно спокойно. А вот 7-го бойцы, выходившие в наряд, донесли мне, что японцы прокладывают телефонную линию к высоте Заозерной.

«Значит, что-то замышляют гады»,— решил я и поехал на место проверить донесение.

Смотрю: действительно прямо к высоте ведут японцы телефонную линию. Два корейца на быках везут столбы, а в корейском поселке Хамуку, что западнее высоты на 500 метров, появилось около семидесяти японских солдат.

Увидав такое дело, мы увеличили свои силы на высоте и стали приспосабливать ее к обороне. Работать было тяжело. Тотчас же за высотой лежит озеро Хасан, вокруг—реки и болота Колья, проволоку, продовольствие — все это приходилось перевозить на небольших лодках через озеро Хасан. Тем не менее каждый из нас работал не покладая рук по десять — двенадцать часов в день, неся службу по охране границы.

Так прошло несколько дней. Смотрим через границу в бинокль, а уж в поселке появились новые жители — японские солдаты (крестьян японцы из села выселили). Правда, японские солдаты переоделись в крестьянскую одежду. Но очень скоро участники этого маскарада сами себя разоблачили. Пошли «крестьяне» купаться на реку, смотрим: все они в одинаковых синих трусиках.

Через несколько дней японцы перестали скрывать свое присутствие у границы. Японские колонны в полной походной форме подходили к границе, располагались на близлежащих высотах, укрепляли их, рыли окопы.

Днем 29 июля лейтенант тов. Махалин сообщил, что на него наступают японцы. Махалин с десятью бойцами находился на высоте Безымянной, недалеко от Заозерной. Пользуясь туманом, две роты японцев по-бандитски напали на маленькую группу пограничников. В неравном бою пали пять доблестных товарищей, среди них и лейтенант Махалин. Остальные были ранены, но продолжали сражаться. Японцам не удалось занять высоту: пришло подкрепление и вышибло бандитов с советской земли.

Ночь прошла неспокойно. Японцы все разведывали подступы к высоте. При этом самурайские разведчики здорово осрамились. Четыре разведчика ползли к границе, и вдруг у них из-под ног, взмахнув крыльями, вылетел фазан, самый обыкновенный фазан. «Герои», забыв от страха все на свете, забыв все правила маскировки, поднялись во весь рост и пустились наутек.

А на следующую ночь завязался бой.

С вечера каждый из нас занял свое место по плану обороны. Ночь надвигалась темная, накрапывал дождь, по всей обстановке было ясно, что сегодня японцы нападут на высоту. На оба фланга выставили разведку.

Пулеметчики в сотый раз проверяли пулеметы. Повар-красноармеец товарищ Кукарин, как ни был утомлен после тяжелой дневной работы, не лег отдыхать, а взял оружие и сам без всякого назначения пришел на пост.

Ничто как будто не нарушало тишину ночи. Но пограничная тишина коварна. Внезапно раздались два взрыва гранат. Это наша разведка обнаружила японцев,

которые перешли границу и заходили к нам в тыл.

Увидав, что они обнаружены, самураи лавиной бросились на высоту. Группа лейтенанта Христолюбова открыла по врагу четкий и спокойный огонь. Бойцы неспеша прицеливались и выпускали обойму за обоймой. Огонь пулеметчиков буквально косил японцев. Они охрипли от криков «банзай», но на высоту так-таки и не взошли. Сколько японцев полегло у подножия сопки, и сосчитать трудно, а на смену уничтоженным подходили все новые цепи.

Через десять — пятнадцать минут японцы повели наступление и на наш фланг. Две группы человек по сорок, стараясь слиться с землей, ползли к границе. Они думали, что мы их не замечаем. До поры до времени мы и не собирались разубеждать их в этом. Вот они подползли к тому месту, где у нас были заранее зарыты в земле фугасы. Я повернул рукоятку аппарата — и мгновенно раздался оглушительный взрыв. Самураи вместе с землей полетели вверх. Уцелевшие бросились за камень, но и там мы предусмотрительно заложили фугас. Второй и третий взрывы уничтожили почти всех наступавших.

Я получил приказание идти на поддержку к Христолюбову. Там масса японцев с трех сторон лезла на высоту, осыпая пограничников пулями и гранатами.

Выбрав позицию, я собрал всех гранатометчиков в одну группу и приказал им пристреляться к склону правее камня. После двух прицельных ударов гранаты начали рваться точно в указанном месте. Когда самураи приближались к камню, я освещал их ракетой, затем следовал залп—и японцы, оставляя убитых и раненых, с визгом и воем катились вниз.

Сколько ни подтягивали японцы все новые и новые силы, но продвинуться вперед не смогли ни на шаг. Стойкость нашей обороны стала понемногу вышибать у них дурь из головы. Оказывается, даже целым полком им не мыслимо было драться с горсточкой пограничников.

Тогда японцы ввели в бой артиллерию и минометы. Снаряды засыпали высоту. Но и тут наша оборона не дрогнула. Мы решили перенести позиции и отбросить японцев. Я крикнул: «За любимого Сталина,— вперед!» «Ура» пограничников заглушило выстрелы и разрывы снарядов.

Пополнив свои ряды свежими силами, японцы вновь полезли на высоту. И тут замолк наш последний «максим»: пулеметчик Тараторин был в третий раз тяжело ранен. Я лег к пулемету. Набитых лент осталась только одна. Но вот уже снайпер Шмаков несет ящик с патронами. С помощью Тараторина он набивает три ленты. Весело заработал пулемет и заставил японцев слиться с землей.

Что-то сильно ударило в левую руку выше локтя. Закончив очередь, я пощупал руку. Чувствую: течет кровь, теплая, клейкая,— значит, ранен. Но бой вести надо, и надо менять позиции. Японцы пристрелялись к этому месту. Говорю об этом Христолюбову и перехожу с пулеметом в сторону, открыв огонь, чтобы прикрыть Христолюбова, который в это время тоже менял позицию.

Последняя лента подходила к концу. Посланный за патронами товарищ Шмаков не вернулся. Впереди разорвался японский снаряд. Осколки вывели из строя мой пулемет. Я ранен в третий раз, раздробило левое бедро.

Обстановка сложилась тяжелая. Большинство бойцов нашей группы выбыло из строя, а шедшая к нам поддержка вела бой с окружавшим ее противником. Я приказал бойцам отходить к озеру Хасан.

Самураи вместе с землей полетели вверх.

Мы ползли по траве. Легко раненые помогали тяжело раненым товарищам.

На высоте, что восточнее Безымянной, заметили людей. Кто это: наши или японцы?

Красноармеец Баторин вызвался проверить.

— Если это японцы, брошу гранату, если наши, приду с ними на помощь,— сказал он.

Иного выхода не было. Мы лежали в густом камыше, с волнением следя за тем, как продвигался вперед Баторин. Но вот он встал и пошел навстречу людям,— значит, наши.

Это были танкисты. По размытым дорогам, через реки и трясины, горя желанием проучить наглых захватчиков, спешили на помощь пограничникам части Первой Особой Краснознаменной армии.

БОЙ ОДИННАДЦАТИ

Отделенный командир Т. Шляхов, награжденный орденом Ленина

Шли проливные дожди. От нагретой солнцем сырой земли поднимались густые испарения. В долинах между сопок клубился туман. На границе было тревожно. Наши часовые видели, что японцы что-то замышляют. В эти дни каждый из нас просился в наряд по охране границы. Никто не хотел оставаться на заставе.

27 июля легли спать не раздеваясь. Заснуть никто не мог. Мы лежали настороженные, каждую секунду ожидая вызова. В 22 часа 55 минут начальник заставы товарищ Быховцев приказал мне поднять отделение. Через пять минут мы быстрым шагом, в полной темноте двинулись к границе.

Прошли с километр и расположились на высоте Безымянной. Наша задача — прикрывать правый фланг высоты Заозерной и не допускать нарушителей на территорию СССР.

Нас было одиннадцать. Старшим наряда был лейтенант Махалин. Мы залегли на гребне сопки и ждали. Прошел час, прошел второй, прошли сутки, начались вторые... Мы не двигались с места. Сменами по три человека вели наблюдение.

В 4 часа вечера 29 июля находившийся на наблюдательном пункте пограничник Кособоков заметил, что примерно в километре от нас пятьдесят — шестьдесят японцев перебегают в направлении границы. Немедленно доложил он об этом лейтенанту Махалину.

— По местам! — раздалась команда.

Мы заняли свои места.

— Огонь вести только по моему приказанию! — предупредил лейтенант.

Самураи приблизились к нам на расстояние 450 метров и открыли огонь из винтовок и пулеметов. Пули падали вокруг нас, сбивали ветки кустарника. Мы направили дула винтовок и пулеметов в сторону противника и, плотно прижавшись к прикладам, терпеливо ждали команды «Огонь!»

Враг от нас в 400—300—250 метрах, а команды «Огонь!» все еще нет. Враг был еще на своей территории. Линия границы проходила только в 200 метрах от нашего окопа.

Японцы пробежали еще несколько метров, и вот они уже на нашей земле. Впереди всех бандитов бежал самурай-пулеметчик. Он первый нарушил священные границы нашей родины.

— Снайпер Бигус, в честь товарища Сталина по японскому пулеметчику огонь! — скомандовал лейтенант Махалин.

— Есть огонь в честь товарища Сталина! — ответил снайпер.

Товарищ Бигус спокойно приложил приклад к плечу, прицелился и с первого выстрела уложил наповал японского выскочку.

Начался неравный бой. Японская банда превосходила наш наряд больше чем в десять раз. Против нас были отборные сол-

даты императорской армии. У них были два станковых пулемета, три — четыре легких, гранаты, автоматические и простые винтовки. Наша сила—одиннадцать человек, девять винтовок и два легких пулемета.

Бой разгорелся вовсю. Наши стрелки и пулеметчики косили врага у подножия горы. Японцы падали как снопы в поле от сильного ветра. Из первой группы мы уложили добрую половину. Но оставшиеся, подгоняемые офицерами, как безумные лезли на нас.

Расстояние между линиями огня сократилось до пятнадцати метров. Самураи пустили в ход гранаты. Если граната падала близко от нас, мы хватали ее и бросали обратно в японцев.

В это время я заметил, что группа японцев обходит высоту Безымянную справа. Нас окружают. В нас стреляют со всех сторон. Три товарища уже вышли из строя: Савиных убит, Поздеев и Шмелев тяжело ранены.

Отдаться живыми в руки поганым самурайским собакам?! Ни за что! Выход оставался один: прорвать вражеское кольцо и ударить по врагу с тыла. Так думал я, так думали пограничники, так думал и лейтенант Махалин.

Лежа на земле, он подал команду:

— Приготовиться!

Мы все поняли, к чему приготовиться. Махалин вскочил с пулеметом в руках и, на ходу расстреливая врагов, крикнул:

Я приложился, и уложил его наповал.

— За родину! За великого Сталина! Вперед!

Мы рванулись вперед. Японцы усилили огонь. Махалин шел первым, за ним мы. Но вот наш лейтенант закачался и упал. Японская пуля навылет пробила ему грудь. Через несколько секунд он умер.

Я принял командование. Способных к борьбе нас оставалось только шесть пограничников, и из них только один Емцов не был ранен. Я приказал ему отползти в сторону с пулеметом и поддержать наш прорыв пулеметным огнем. Емцов пробежал пятьдесят метров, залег за кочкой, установил пулемет, зарядил его и приложился к прикладу. В этот момент вражеская пуля сразила его.

С криками «Ура!», с именем Сталина на устах пошли мы на прорыв. Пограничника Лысняка окружили три японца. Штыком проколол он одному из них горло, другого сбил прикладом. Третий японец замахнулся клинком, Лысняк вырвал из его рук клинок и убил гадину.

На пограничника Кобякова, раненого в грудь, набросилась целая куча самураев. Штыком проложил он себе дорогу, и не успели самураи опомниться, как Кобяков был в десяти метрах от них. Я и товарищ Бигус тоже успешно прорвали вражеское кольцо. Я с телефонным аппаратом залез в камыши и вполголоса говорил с заставой. Чувствую, кто-то тянет аппарат. Поднял голову и вижу, как японец дергает за провод. Я приложился и уложил его наповал.

Прошло только десять минут с того момента, как мы вышли из окружения, но нам казалось, что прошло уже много часов. Вдруг в стороне четко заработал пулемет. Это наши! Мы подняли головы. Около сотни японцев, давя друг друга, бросая оружие и снаряжение, панически удирали с советской земли.

Горе-вояки испугались горсточки бойцов-пограничников. Наши товарищи во главе с начальником заставы Быховцевым снова заняли наши огневые позиции.

Так начались события, которые прогремели на весь мир.

Гибель Антона Слободенюка

Пограничник И. Касьянов

Антон Слободенюк был нашим комсоргом. Командование выдвинуло его на должность отделенного командира. Он хорошо нес службу, учил бойцов, проводил беседы. Когда мы выехали по тревоге на Заозерную, начальник назначил Антона старшиной.

Мы не видели, чтобы Антон когда-нибудь отдыхал. От его глаз не ускользала ни одна мелочь. Тщательно и придирчиво проверяя оружие, он грел бойца за малейшую неопрятность и в то же время заботился о каждом человеке. Мы всегда получали сытную и вкусную пищу, регулярно меняли белье, вовремя имели газеты.

Слободенюк привез боеприпасы, перекладывает гранаты, патроны, и из палатки слышен его веселый голос:

— Хорошие гостинцы, товарищи! От них жарко придется самураям.

Когда начался бой, Антон под градом пуль подвозил боеприпасы и делал это с удивительной быстротой.

Перед рассветом бой закипел с особой ожесточенностью. Самураи открыли стрельбу из орудий. От взрывов содрогалась земля. Снаряд разорвался в нескольких шагах от Антона. Бойцы решили, что старшина погиб, но он как ни в чем не бывало выполз из тучи дыма и земли, с ног до головы осыпанный землей.

Через некоторое время тяжело раненый осколками снаряда Слободенюк, еле держась на ногах, подошел к лейтенанту Христолюбову:

— Не повезло, товарищ начальник, разрешите отправиться на перевязку и после продолжать работу.

Из санитарной палатки Антон уйти не мог: ноги не повиновались ему.

Пограничники переходили на другой фланг. Поочереди переносили они раненых из палатки. Там оставалось лишь трое. Среди них Слободенюк.

В это время нескольким японским офицерам удалось подползти к палатке. Пробравшись в нее и увидав, что там только раненые, они стали над ними издеваться. Четыре раза выстрелили в Слободенюка самураи, а потом в бешеном исступлении начали колоть неподвижное тело штыками. Но тут вернулись за ранеными пограничники и расстреляли мерзавцев на месте.

Антон был еще жив. Умирая на руках бойцов, весь истерзанный, окровавленный, с ненавистью к врагам в угасающих глазах он сказал товарищам:

— Отомстите гадам!

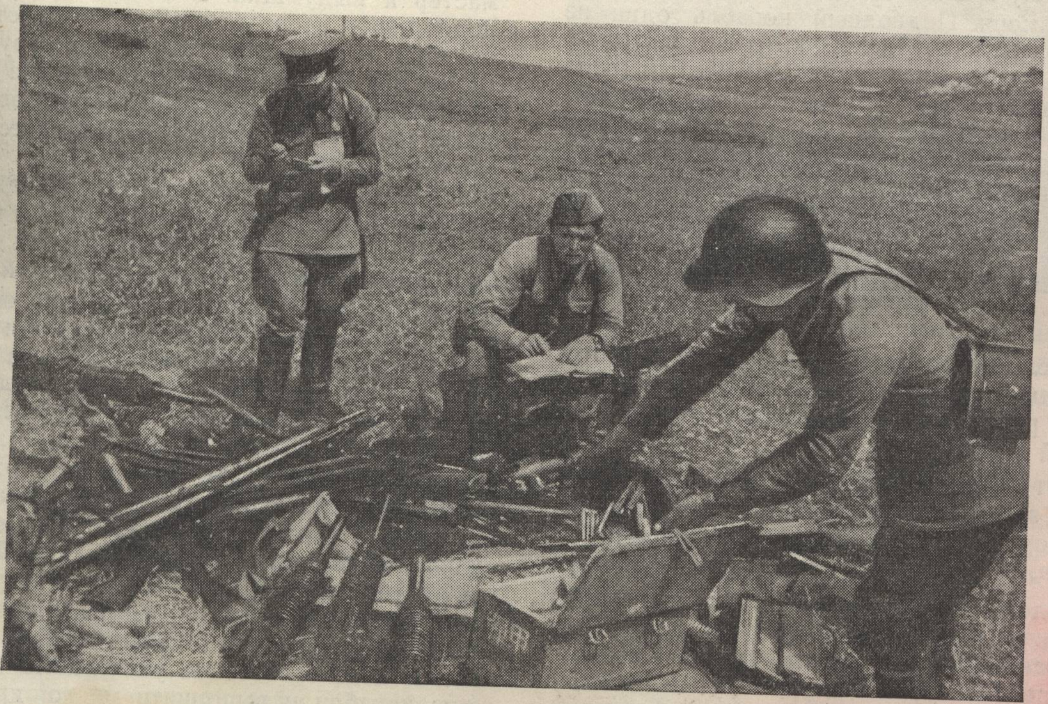
Поочереди пограничники переносили раненых.

Это были последние слова Антона Слободенюка — прекрасного сына прекрасной родины.

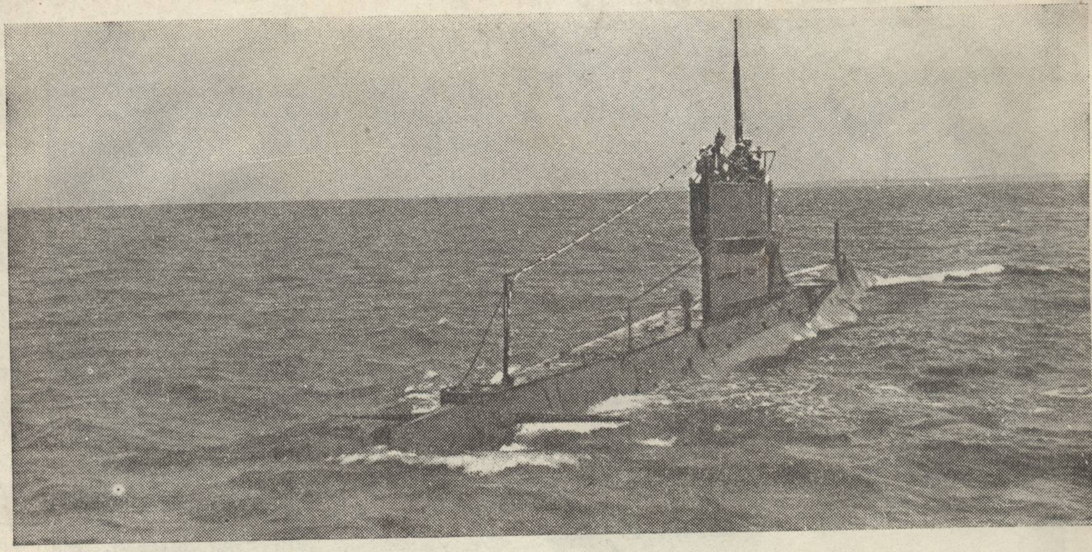
□ □ □

В дни боев у озера Хасан. Вброд через реку везут боеприпасы на передовые позиции.

Все это побросали самураи, когда в панике бежали с советской земли. На поле боя наши бойцы собирают японские винтовки, пулеметы, полевые сумки японских офицеров.

Герой Советского Союза капитан 2-го ранга
Н. П. Египко

Письмо со дна моря

Дорогие мои ребятки!

Пишу вам это письмо на самом дне Черного моря. Подводный корабль один из кораблей соединения, которым я командую, только что погрузился и спокойно лежит на грунте, на глубине 70 метров. Где-то там, в голубом небе, летают наши гидросамолеты, над нами проходят мощные и быстроходные боевые корабли Черноморского флота. Мы отлично слышим шум их винтов и узнаем по шуму, кто прошел над нашей головой: линейный корабль или крейсер, миноносец или тральщик, лидер или подводная лодка.

Если потребуется, мы и увидим и поговорим с каждым из них, несмотря на то что разделяет нас громадная толща морской воды.

От облаков до морского дна мы, моряки, зорко оберегаем покой и работу нашего великого народа от нападения фашистов.

Здесь, на глубине, темно, как в осеннюю ночь. Под лодкой, на дне, скрипит морской песок, подводное течение медленно поворачивает лодку, вокруг нас, наверное, снуют любопытные рыбы. А внутри подводного корабля ярко горят электрические лампы. Апетитно пахнет каким-то особенным блюдом, на которые кок — краснофлотец Синельников — большой мастер и выдумщик. В ожидании обеда подводники собрались в кормовом отсеке. Старшина группы электриков Трусов безустали играет на баяне. Никогда не унывающие краснофлотцы организовали джаз из кружек, ножей, ложек, весело поют и смеются.

Подводная вахта во главе с командирами занята своим делом—чутко следит за всем, что происходит с кораблем: как разворачивает его подводное течение и не грозит ли нашей лодке какая-либо опасность. Море шутить не любит, но и мы не любим шутить с морем. Родина доверила нам чудесные, могучие подводные корабли, и мы любовно и гордо бережем их.

Дорогие ребята! Знаете ли вы, что такое современная подводная лодка? Это— грозное и мощное оружие. Она может уничтожить самый могучий линейный корабль с экипажем более чем в тысячу человек, с громадными орудиями и толстой броней. Сама оставаясь незамеченной, подводная лодка способна уничтожить большие корабли и выполнить много других заданий, какие не под силу никакому надводному кораблю.

Если нужно будет, мы проберемся в гавани противника и пустим на дно корабли фашистов в их собственных водах.

Большевистская партия и советское правительство неустанно заботятся о нашем морском флоте. Советский подводный флот и сейчас уже самый многочисленный и сильный в мире. Он будет непобедим в грядущих боях за человеческое счастье.

Я знаю, ребята, вы любите изобретать, строить всевозможные модели, копаться в сложных механизмах и сами замечательно конструируете их. Так вот я скажу вам: нигде вы не найдете таких прекрасных, сложных и умных механизмов, собранных вместе в таком количестве, как на подводной лодке.

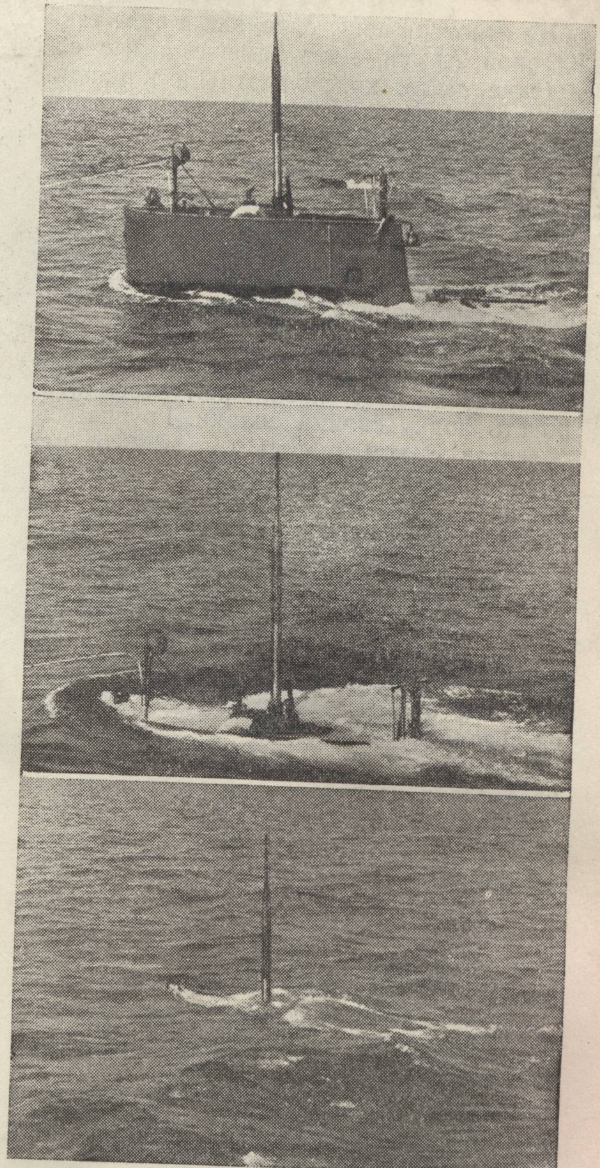
Пройдемтесь со мной по отсекам нашей лодки. Вот торпедные аппараты: это — основное наше оружие. Торпеда так велика, что очень многие из вас не обхватят ее, а вдоль ее стального туловища может выстроиться ваш отряд ребят в двадцать пять.

Торпеда — сама по себе подводный корабль. У нее свои механизмы, рули и винты, со страшной силой толкающие ее вперед, на противника; специальные приборы, которые удерживают торпеду на нужной нам глубине и не дают ей промчаться мимо цели. В зарядном отделении торпеды находятся громадной силы взрывчатые вещества. Выпущенная из торпедного аппарата, торпеда стремительно понесется на корабли фашистов, и не уйти им от нашего смертельного подводного удара. Запомните, ребята, что стрелять по фашистам мы будем не одной торпедой и не из одной подводной лодки.

Вот мощные электромоторы, они двигают лодку под водой. Вот великолепные дизеля, ими мы пользуемся, когда идем над водой и заряжаем аккумуляторные батареи для подводного хода. Вот наши зоркие глаза — перископы. Мы видим в них все, что творится на воде и в воздухе. Там, дальше, в корме, опять торпедные аппараты. На верхней палубе скорострельные пушки.

Приборы всюду. Они как самые лучшие друзья рассказывают нам обо всем: на какой глубине мы находимся и куда идем, какая будет погода, с какой силой давит на нас море, сколько у нас электроэнергии, топлива, пресной воды. Они покажут нам корабли противника и скажут, сколько их. В общем, приборы расскажут нам все, что нужно для того, чтобы ходить под водой так же спокойно, как и по земле.

Эти прекрасные механизмы и приборы сделаны на наших советских заводах вашими, ребята, отцами, матерями, братьями и сестрами. Передайте им от нас, подводников, горячее спасибо!

Подводная лодка погружается. На поверхности моря остается только перископ.

Но основная наша сила, как и сила всей Красной Армии,— это замечательные советские люди, краснофлотцы и командиры-подводники, в совершенстве овладевшие сложной подводной техникой.

Подводный корабль требует самого тщательного наблюдения и неотложного ремонта в случае надобности. Ремонт механизмов подводного корабля сто́ит очень дорого и занимает немало времени. Обычно крупный ремонт подводной лодки происходит на заводе. Но вот осенью прошлого года старший механик лодки товарищ Зельбст предложил отремонтировать лодку своими силами. Группа дизелистов с командиром тов. Бибко откликнулась тотчас же на это замечательное предложение и горячо взялась за дело. Целыми сутками они не покидали лодку, умело и тщательно проверяя каждую деталь мощных дизелей. Они забыли об отдыхе и думали только об одном: как можно скорей подготовить корабль к выходу в море. В шесть раз перекрывали дизелисты нормы ремонта, установленные на заводе.

Вот еще пример. Лодка подходила к базе. Один из винтов двигателя в чем-то запутался. Корабль нервно задрожал. Мгновение — и могла бы произойти авария. Младший командир комсомолец Блохин, не дожидаясь приказа командира, остановил машину. Блохин поступил как настоящий подводник, соблюдая неписанное морское правило: «Все за одного, один за всех». Таких смелых, самоотверженных и находчивых подводников немало в советском подводном флоте.

Многообразна, интересна и даже фантастична боевая жизнь подводников. Мы не только плаваем на поверхности моря и под водой, но, как герои Жюль Верна, можем ходить и по морскому дну.

Беспощадно и мужественно будут громить врагов Советской страны наши краснофлотцы и командиры-подводники, патриоты социалистической родины.

Я кончаю свое письмо к вам, дорогие пионеры! Нашей лодке пора всплывать. Вот командир тов. Стрижак отдает приказание. Краснофлотцы и командир быстро разбегаются по своим местам. Слышны заглушенные сигналы, и, слегка вздрагивая, лодка покидает морское дно. Корабль идет на всплытие, спокойно разрезая морскую глубину. Все светлее вода. Вот в окуляры перископов брызнули солнечные зайчики, по железной палубе лодки перекатываются волны. Еще секунда — и мы на поверхности. Снова над нами солнце нашей родины, на горизонте виднеются дымки боевых кораблей, наших братьев по оружию. Высоко над нами проносятся гидросамолеты Мы опять в дружной семье кораблей Черноморского флота. Мы продолжаем учение. Мы готовимся к будущим боям.

Дорогие ребята! 24 июля мы впервые отпраздновали День Военно-Морского Флота СССР. Наш народ узнал, каких успехов достигли мы, выполняя задание Сталина о создании могучего морского и океанского флотов СССР. И вы, ребята, готовьтесь стать на мостики надводных и подводных кораблей командирами, механиками, штурманами, артиллеристами. Быть краснофлотцем и командиром — что может быть почетнее для молодого человека нашей родины, для комсомольца!

P. S. Все, что вы захотите узнать о подводных кораблях, о жизни и боевой учебе подводников, я вам охотно расскажу. Пишите мне через редакцию вашего журнала «Пионер».

Н. Е.

Халиф на час

Арабская сказка

Перевел и обработал М. Салье

Рис. Ю. Кискачи

Во времена халифа Харуна-ар-Рашида жил один купец, и был у него сын по имени Абу-ль-Хасан-забулдыга. Его отец умер и оставил ему большие деньги. Абу-ль-Хасан разделил свои деньги на две части: половину спрятал, а другую начал тратить. Он стал пировать с военными и детьми купцов, полюбил хорошие напитки и хорошую пищу, и скоро деньги его все вышли. Тогда он отправился к своим друзьям, приятелям и собутыльникам и пожаловался им на свои затруднения. Но никто из них не обратил на него внимания и ничем не помог. С разбитым сердцем вернулся Абу-ль-Хасан к своей матери и рассказал ей о том, что с ним произошло, и как несправедливо поступили с ним приятели. Мать ответила ему:

— О Абу-ль-Хасан, люди все таковы: если у тебя есть деньги, они с тобой дружат, а если у тебя ничего нет, они тебя отталкивают.

Абу-ль-Хасан пошел к тому месту, где была спрятана остальная часть денег, взял их и зажил хорошей жизнью. Он дал клятву, что не станет впредь водить дружбу с теми, кого знает, и будет дружить только с чужеземцами, да и то лишь на одну ночь, а когда наступит утро, он не будет больше узнавать их. Каждую ночь он садился на мосту и смотрел, кто проходит мимо, и если видел чужеземца, то приглашал его в свое жилище. Там Абу-ль-Хасан пировал с гостем всю ночь до утра, а затем отпускал его и больше уже не здоровался с ним, и не подходил к нему близко, и не приглашал его.

Он поступал так в течение целого года. И вот однажды, когда он сидел по своему обычаю на мосту, ожидая, пока кто-нибудь пройдет, вдруг прошли мимо него халиф

Харун-ар-Рашид и Масрур, его меченосец, как всегда, переодетые. Абу-ль-Хасан встал на ноги и сказал, не узнав их:

— Не желаете ли вы войти в мой дом, поесть того, что придется, и выпить того, что найдется? У меня есть плотно замешанный хлеб, вареное мясо и процеженное вино.

Халиф отказался, но Абу-ль-Хасан стал его упрашивать и сказал:

— О господин, пойдем со мной. Ты мой гость сегодня вечером, не откажи мне.

Он до тех пор приставал к халифу, пока тот не согласился. У ворот дома Абу-ль-Хасана халиф оставил своего слугу и вошел. Абу-ль-Хасан принес ему кое-какой еды, и Харун-ар-Рашид начал есть, а Абу-ль-Хасан ел с ним, чтобы еда была ему приятна. Потом он убрал скатерть, они вымыли руки, и халиф снова сел, а Абу-ль-Хасан принес сосуды с вином и сел с ним рядом. Халифу понравилось его благородство и прекрасные поступки.

— О юноша,— сказал он.— скажи мне, кто ты, чтобы я мог вознаградить тебя за твою милость.

Абу-ль-Хасан улыбнулся и ответил:

— О господин мой, не вернется то, что прошло, и я не встречусь с тобой никогда больше.

— Почему это, и почему ты не хочешь рассказать мне о себе? — спросил халиф.

— Знай, о господин,— сказал Абу-ль-Хасан,— что моя история удивительна и что всему этому есть причина.

— Какая же? — спросил халиф.

— Эта причина с хвостом,— ответил Абу-ль-Хасан, и халиф, услышав его слова, засмеялся.

— Я поясню тебе это рассказом о бродяге и поваре,— сказал Абу-ль-Хасан.— Один бродяга, у которого ничего не было, заснул и спал до тех пор, пока не стало его припекать солнце и у него на губах не показалась пена. Тогда он поднялся и пошел, не имея ни одного дирхема, и прошел мимо лавки повара. А этот повар выставил на улицу свои котлы, в которых плавал прозрачный жир и благоухали пряности. Он только что вытер свои весы, вымыл миски и подмел лавку, обрызгав пол водою. Бродяга подошел к повару, пожелал ему мира и сказал:

— Отвесь мне на полдирхема мяса, на четверть дирхема пшеничной каши и на четверть дирхема хлеба.

Повар отвесил ему все это и поставил перед ним еду. Бродяга съел все, вылизал миску и продолжал сидеть в недоумении, не зная, как поступить с поваром и как расплатиться за то, что он съел. Он оглянулся вокруг себя и вдруг заметил опрокинутую лохань. Подняв ее с земли, он увидел под ней свежесрезанный конский хвост, с которого еще капала кровь. Тогда он понял, что повар подменяет говядину кониной. Узнав об этом, бродяга обрадовался, вымыл руки, кивнул повару и вышел. Когда повар увидел, что бродяга вышел и ничего ему не дал, он закричал:

— Ты ешь мясо, кашу, хлеб и приправу и уходишь как ни в чем не бывало, не заплатив денег!

— Ты лжешь, о сын рогатого! — закричал бродяга.

Повар схватил его за шиворот, крича:

— О мусульмане, он съел мое кушанье и ничего мне не дал!

Бродяга возразил:

— Я дал тебе дирхем прежде, чем вошел в лавку.

— Клянусь Аллахом,— закричал повар,— ты мне ничего не дал! Ты только съел мое кушанье!

Они вцепились друг в друга, и, когда люди увидели это, они спросили:

— Что это у вас за драка, какова ее причина?

— Клянусь Аллахом,—сказал бродяга,— причина есть, и эта причина с хвостом.

Услышав эти слова, повар вдруг сразу успокоился и сказал:

— Вот сейчас я вспомнил о твоем дирхеме. Да, он дал мне дирхем и после уплаты осталась еще четверть дирхема. Вернись и возьми сдачу.

Повар понял, в чем причина, когда бродяга упомянул о хвосте. И у моей истории тоже есть причина, как я тебе уже сказал.

Халиф засмеялся и воскликнул:

— Это очень хороший рассказ. Расскажи же и ты, какова твоя история и в чем причина.

Абу-ль-Хасан рассказал халифу, как он лишился своих денег, пируя с друзьями и собутыльниками, и как они отвернулись от него, когда деньги его кончились, и прибавил:

— Тогда я дал себе клятву, что буду пировать с кем-нибудь только одну ночь, а потом не стану с ним здороваться и не буду обращать на него внимания. Поэтому-то я и сказал тебе: не вернется, что прошло,

— *О господин, пойдем со мной.*

и я не встречусь с тобой никогда после сегодняшней ночи.

Услышав это, халиф громко рассмеялся и сказал:

— Теперь я знаю причину и знаю, что причина эта с хвостом. Но только я тебя не покину.

— О мой собутыльник,— воскликнул Абу-ль-Хасан,— разве я не сказал тебе: не вернется, что прошло? Я ведь ни с кем не встречаюсь больше одного раза.

Потом Абу-ль-Хасан поднялся и принес халифу блюдо с жареными гусями и каравай белого хлеба. Он начал отрывать куски мяса и класть халифу в рот, и они ели до тех пор, пока не насытились, а затем он принес таз, кувшин и щеток, и они вымыли руки. После этого Абу-ль-Хасан зажег три свечи в трех подсвечниках и разостлал скатерть вина [1]. Он принес очищенное, процеженное, выдержанное вино, благоухающее мускусом, и, наполнив кубок, сказал:

— Пей во здравие и благополучие. Вино прекращает болезни и заменяет лекарство!

И они пили и пировали до полуночи.

— О брат мой,— спросил халиф Абу-ль-Хасана,— нет ли у тебя желанья, которое ты бы хотел исполнить, или печали, которую ты бы хотел прогнать?

— Клянусь Аллахом,— ответил Абу-ль-Хасан.— Я хотел бы получить власть, чтобы сделать то, что у меня на уме.

— О брат мой,— воскликнул халиф.— Скажи мне, что же у тебя на уме?

— Я желаю,— сказал Абу-ль-Хасан,— отомстить моим соседям. Здесь по соседству есть мечеть, а в ней живут четыре шейха. Когда ко мне приходит гость, они всячески бранят меня и грозят пожаловаться халифу. Они очень притесняют меня, и я желал бы иметь власть хотя бы на один день, чтобы дать каждому из них четыре сотни ударов перед мечетью, потом провести их с позором по городу Багдаду и заставить глашатая кричать перед ними: «Вот награда тем, кто ненавидит людей и портит им радости!» Вот чего я хочу.

— Да пошлет тебе Аллах то, что ты просишь, — сказал халиф.— Выпьем еще раз, в заключенье, и позволь мне уйти: утро уже близко. А вечером я у тебя отобедаю.

— Не будет этого! — воскликнул Абу-ль-Хасан.

Но халиф налил чашу и, положив в нее кусок критского банджа [2], протянул Абу-ль-Хасану со словами:

— Прими эту чашу из моих рук, о брат мой, и выпей ее.

— Хорошо,— сказал Абу-ль-Хасан,— я выпью ее из твоих рук.

Он взял чашу и не успел выпить, как голова его оказалась впереди ног, и он упал на землю, словно убитый. Тогда халиф вышел и сказал своему слуге:

— Войди к этому молодцу, хозяину дома, возьми его и принеси во дворец.

И халиф ушел, а Масрур вошел в дом, взвалил Абу-ль-Хасана на плечи, принес во дворец и, смеясь, положил его перед повелителем правоверных. Харун-ар-Рашид послал за своим визирем Джафаром Бармакидом и, когда тот явился, сказал ему:

— Запомни этого юношу и, когда увидишь, что он сидит на моем месте, не удивляйся. Прикажи эмирам и знатным людям, вельможам моего царства и всем моим приближенным прислуживать ему и исполнять то, что он прикажет, и сам, если он скажет тебе что-нибудь, делай это. Слушайся его и не перечь ему весь завтрашний день.

Когда Джафар ушел, халиф отправился к своим невольницам и сказал им:

— Завтра, когда этот спящий проснется, целуйте перед ним землю и служите ему. Оденьте его в мою одежду и поступайте с ним так, как поступаете с халифом. Не удивляйтесь ничему, что бы он ни сделал, и говорите ему: «Ты халиф».

Он подробно указал им, что говорить Абу-ль-Хасану и как поступать с ним, а потом ушел в потайную комнату и там лег спать, опустив перед собой занавеску.

Вот что было с халифом. Что же касается Абу-ль-Хасана, то он до тех пор спал и храпел, пока не наступило утро и не взошло солнце. Тогда к нему подошла одна из служанок и сказала ему:

— О повелитель правоверных, проснись.

Абу-ль-Хасан, услышав слова служанки, засмеялся и открыл глаза. И вдруг он увидел, что находится во дворце, потолок которого усеян точками из червонного золота, стены покрыты золотом и лазурью, а вокруг—двери комнат, занавешенные шелковыми занавесками, расшитыми золотом, и везде стоят золотые, фарфоровые и хрустальные сосуды, лежат ковры и циновки и горят свечи из амбры. Комната была полна рабынь, невольников, слуг, прислужниц и мальчиков. Абу-ль-Хасан смутился и по-

[1] Скатертью вина называется кожаная скатерть или поднос, на котором расставляют фляги с вином и чаши, а также плоды и цветы, составляющие непременную принадлежность каждого пира.

[2] Банджа — сильное снотворное средство.

думал, что видит сон. Он зажмурил глаза и хотел опять уснуть, но невольницы подошли к нему и посадили его прямо. Он увидел, что сидит на постели, возвышающейся от земли на целый локоть и набитой одним шолком. Его подперли подушкой, и тогда он оглядел комнату, которая показалась ему огромной. А увидев слуг и невольниц, которые стояли у его изголовья, он засмеялся сам над собой и воскликнул:

— Клянусь Аллахом, похоже, что я не сплю!

Не зная, что думать, Абу-ль-Хасан укусил себя за палец. Ему стало больно, он охнул и рассердился, а халиф смотрел на него так, что Абу-ль-Хасан его не видел, и смеялся. Абу-ль-Хасан подозвал одну из невольниц и спросил:

— Скажи мне правду, невольница: я в самом деле повелитель правоверных?

— Да, ты сейчас повелитель правоверных,— ответила она.

Абу-ль-Хасан не поверил и закричал:

— Ты лжешь, о негодная!

Он кликнул раба, и тот подошел и поцеловал перед ним землю со словами:

— Я здесь, о повелитель правоверных.

И Абу-ль-Хасан спросил:

— Кто же это повелитель правоверных?

— Ты,— ответил раб.

Тут у Абу-ль-Хасана помутился разум. Он закричал:

— За одну ночь я стал повелителем правоверных! Еще вчера я был Абу-ль-Хасаном-забулдыгой, а сегодня я халиф!

Невольницы и слуги окружили Абу-ль-Хасана. Один из невольников протянул ему сапоги, расшитые парчой и зеленым шолком и украшенные червонным золотом. Абу-ль-Хасан схватил их и надел на руки, но невольник закричал:

— О господин мой! Это сапоги, обувь для твоих ног, а ты надеваешь их на руки!

Абу-ль-Хасан смутился и, сбросив сапоги с рук, надел их на ноги, а халиф помирал со смеху.

Невольники и невольницы одели Абу-ль-Хасана в одежды халифа и дали ему в руки халифский меч. Потом они повели его в покои суда, и Абу-ль-Хасан сел на престол халифата. Он увидел занавески, и сорок дверей, и поэтов и собутыльников халифа, и обнаженные мечи, и вельмож, и золоченые лезвия, и натянутые луки, и персов, и арабов, и турок, и простолюдинов, и эмиров, и визирей, и военных, и вельмож. Он сел на престол халифата и положил на колени меч, и все стали подходить и целовать перед ним землю, желая ему долгого века и вечной жизни. Визирь Джафар Бармакид приблизился к нему, поцеловал землю и приветствовал его.

Абу-ль-Хасан закричал:

— О пес из сыновей Бармака, ступай сейчас же вместе с правителем города в такой-то квартал и такую-то улицу, и дай сто динаров матери Абу-ль-Хасана-забулдыги, и передай ей от меня привет. А потом схвати четырех старцев из мечети и дай каждому из них по четыре сотни палок. Посади их на верблюдов задом наперед, обойди с ними весь город и вели глашатаю кричать: «Вот награда тому, кто много говорит, беспокоит своих соседей и мешает им наслаждаться, есть и пить!» А потом прогони их вон из города.

Джафар выслушал приказание, отправился в город и сделал то, что было ему приказано, а Абу-ль-Хасан продолжал быть халифом, приказывал и запрещал, и веления его исполнялись до конца дня. А затем он дал присутствующим позволение, и эмиры и вельможи разошлись от него по своим делам. К нему пришли слуги и проводили его в покои халифа, где его встретили невольницы. Они принесли ему большой стол с самыми лучшими кушаньями, и Абу-ль-Хасан ел, пока не насытился, а потом он кликнул невольниц, велел им петь, и они запели на разные голоса, и стены комнаты откликались на их пение, и свистели свирели, и играли лютни. Абу-ль-Хасан забавлялся и радовался и награждал рабынь деньгами за их пение, а халиф смотрел на него и хохотал.

Когда же наступила ночь, халиф приказал одной из невольниц бросить в кубок с вином кусок банджа и напоить Абу-ль-Хасана. И как только Абу-ль-Хасан выпил кубок, его голова обогнала ноги, и он уснул. Халиф, смеясь, вышел из-за занавески, кликнул слугу, который принес Абу-ль-Хасана, и сказал ему:

— Отнеси этого человека на его место.

И слуга отнес Абу-ль-Хасана в его дом, положил его там и тихонько ушел.

Абу-ль-Хасан крепко спал до утра, а утром проснулся и закричал:

— Эй, Туффаха, эй, Рахат-аль-Кулуб, эй, Тухфа!..

И кричал до тех пор, пока его мать не услышала, что он зовет каких-то чужих невольниц, и не вошла к нему. Она подошла и сказала:

— О господин мой! Это сапоги, обувь для твоих ног, а ты надеваешь их на руки!

— Чего ты кричишь, о сын мой? Ты видишь сон?

Абу-ль-Хасан открыл глаза и увидел около себя старуху. Он удивился и спросил:

— Кто ты такая?

— Я твоя мать,— ответила она.

— Ты лжешь! — вскричал Абу-ль-Хасан.— Я повелитель правоверных!

Его мать испугалась и закричала:

— Молчи, мы пропадем с тобой! У нас отнимут все наше имущество, если кто-нибудь услышит твои слова и донесет халифу!

Абу-ль-Хасан встал и увидел, что он находится в своей комнате, а мать стоит рядом. Он растерялся и долго думал, а потом сказал:

— А ведь я и впрямь Абу-ль-Хасан-забулдыга, и то, что я видел, было лишь во сне. Мне снилось, что меня сделали халифом, и я судил, приказывал и прощал. Он снова задумался и потом сказал:

— Нет, я уверен, что это не сон и я все-таки халиф.

— О дитя мое, у тебя помутился разум,— сказала ему мать.— Смотри, ты попадешь в больницу и прославишься на весь город. То, что ты видел, был сон, и больше ничего.

Абу-ль-Хасан еще подумал и сказал:

— Да, наверное, это был сон, а я попрежнему Абу-ль-Хасан-забулдыга.

— Не думай о снах,— сказала ему мать,— лучше порадуйся нашему счастью. Вчера приходил визирь Джафар Бармакид и побил четырех шейхов из мечети, а потом их провели с позором по городу и выгнали, и глашатай кричал: «Вот награда тому, кто портит жизнь своим соседям!» А мне халиф прислал сто динаров и привет.

— О скверная старуха! — закричал Абу-ль-Хасан-забулдыга.— Ты еще споришь со мной и говоришь, что я не халиф. Ведь это я приказал Джафару Бармакиду побить шейхов, и я же прислал тебе эту сотню динаров и привет. Я халиф, а ты лгунья!

Он вскочил и принялся колотить свою мать палкой из миндального дерева, и она закричала. Люди услышали ее крик, пришли и увидели, что Абу-ль-Хасан бьет ее, говоря: «О скверная старуха, разве я не халиф?»

И все люди сразу сказали:

— Он бесноватый!

Его схватили, связали ему руки и отвели в больницу. Надзиратель больницы спросил:

— Что это за юноша?

— Это бесноватый,— сказали ему

Но Абу-ль-Хасан закричал:

— Они лгут на меня! Я не бесноватый, а халиф!

— Сам ты лжешь, бесноватый! — сказал надзиратель.

Он снял с Абу-ль-Хасана одежду, надел ему на шею тяжелую цепь, привязал его к высокому окошку и бил его днем два раза и вечером два раза. Так продолжалось десять дней. Наконец, к нему пришла его мать и сказала:

— Дитя мое, образумься.

— Я уже образумился, о матушка,— ответил Абу-ль-Хасан.—Я раскаиваюсь в том, что сказал. Освободи меня, пока я здесь не погиб.

Мать пошла к надзирателю и освободила сына, и он вернулся домой. После этого прошел месяц, и Абу-ль-Хасан-забулдыга начал жить попрежнему: приглашал к себе чужеземцев и пировал с ними ночью.

И вот однажды он вышел к мосту и сел, ожидая прохожего, и вдруг мимо него прошел халиф. Абу-ль-Хасан не поздоровался с ним, но халиф сам подошел к нему и сказал:

— О брат мой, я обещал, что я к тебе вернусь, и вот я вернулся.

— Мне нет дела до тебя! — воскликнул Абу-ль-Хасан.— В тот день, когда ты пришел ко мне, меня заколдовали, и я очень пострадал от этого.

Халиф улыбнулся и, сев подле него, стал ласково с ним разговаривать.

— О брат мой,— сказал он,— когда я вышел от тебя, я оставил дверь открытой. Может быть, к тебе вошел шайтан?

— Зачем же ты оставил дверь открытой? — рассердился Абу-ль-Хасан.— Из-за этого со мной произошло вот что.

И Абу-ль-Хасан-забулдыга рассказал халифу обо всем, что с ним случилось, и халиф сказал Абу-ль-Хасану, скрывая смех:

— Я рад, что твои несчастья прекратились и я вижу тебя здоровым. Войдем к тебе и будем пировать, о брат мой. Я твой гость, не прогоняй же гостя!

Абу-ль-Хасан привел его в комнату и предложил ему еды. Он завел с ним ласковые речи и еще раз рассказал халифу обо всем, что с ним случилось, и халиф так смеялся, что чуть не потерял сознание. Потом Абу-ль-Хасан убрал скатерть с едой и принес вино. Они пили и пировали, а по-

Халиф тотчас же встал и сказал своему слуге: — Неси его!

том халиф украдкой бросил кусок банджа в чашу Абу-ль-Хасана и сказал ему:

— Ради моей жизни, выпей эту чашу.

— Я выпью ее из твоих рук,— сказал Абу-ль-Хасан, и выпил, и упал как убитый.

А халиф тотчас же встал и сказал своему слуге:

— Неси его!

Слуга понес Абу-ль-Хасана во дворец и положил перед халифом. Халиф приказал невольницам и рабам окружить Абу-ль-Хасана, а сам спрятался в таком месте, где Абу-ль-Хасан его не мог видеть. Абу-ль-Хасан проснулся и услышал звуки лютни, бубна и свирели и пение невольниц. Он открыл глаза и увидел себя во дворце, а вокруг него стояли невольницы и слуги. Один из слуг подошел к нему и сказал:

— Сядь, о повелитель правоверных, и посмотри на твой дворец и на твоих рабынь.

Тут Абу-ль-Хасан совершенно растерялся и воскликнул:

— Ответь мне: я действительно повелитель правоверных, или вы все лжете? Ведь вчера я не был халифом, а только выпил и заснул, а сегодня я опять халиф.

Абу-ль-Хасан вспомнил обо всем, что случилось у него с матерью, и о том, как он попал в больницу; он увидел на себе следы побоев, которые нанес ему надзиратель больницы, и не знал, что подумать.

Потом он подозвал одну из невольниц и спросил:

— Кто я такой?

— Повелитель правоверных,— ответила она.

— Ты лжешь, негодная! — воскликнул Абу-ль-Хасан.—Если я повелитель правоверных, укуси меня за палец.

Невольница подошла к нему и сильно

укусила его за палец, и Абу-ль-Хасан закричал:

— Хватит!

А настоящий халиф так хохотал, что лишился чувств, а придя в себя, он вышел к Абу-ль-Хасану и сказал ему:

— Горе тебе, Абу-ль-Хасан! Ты убил меня, так я смеялся!

И халиф приказал Абу-ль-Хасану жить у него во дворце. С этого дня Абу-ль-Хасан стал приближенным халифа и близким к нему человеком и часто проводил дни с халифом и с его женой Зубейдой.

Он женился на ее казначейше, которую звали Нузхат-аль-Фуад. Они жили хорошо, и ели, и пили, пока не кончились все их деньги. Тогда Абу-ль-Хасан сказал жене:

— Эй, Нузхат-аль-Фуад! Я хочу сделать с халифом хитрость, а ты сделаешь хитрость с госпожей Зубейдой. Мы возьмем у них в один час двести динаров и два куска шолку.

— А что же ты сделаешь? — спросила жена.

И Абу-ль-Хасан-забулдыга отвечал:

— Мы оба притворимся мертвыми, в этом и будет наша хитрость. Я умру раньше тебя и растянусь на столе, а ты покрой меня шолковой салфеткой, разверни мой тюрбан и свяжи мне пальцы ног, а на грудь положи ножик и немного соли. Потом распусти волосы, разорви одежду и иди к своей госпоже Зубейде. Она спросит тебя: «Что с тобой?», — а ты скажи ей: «Абу-ль-Хасан умер». Тогда она опечалится, велит казначею выдать тебе сотню динаров и кусок шолку и скажет: «Иди, обряди его и похорони», — а ты возьми сто динаров и кусок шолку и приходи сюда. Когда ты придешь, я встану, а ты ложись на мое место, и я пойду к халифу и скажу ему: «Нузхат-аль-Фуад умерла», — разорву на себе одежду, и выщиплю бороду. Халиф опечалится и скажет своему казначею: «Дай Абу-ль-Хасану сто динаров и кусок шолку», — а мне скажет: «Ступай, обряди ее и похорони», — и тогда я вернусь к тебе.

Нузхат-аль-Фуад обрадовалась и сказала:

— Это отличная хитрость!

Она закрыла Абу-ль-Хасану глаза, сделала все так, как он сказал ей, а потом разорвала на себе одежду, распустила волосы и вошла к госпоже Зубейде, крича и плача. Когда госпожа Зубейда увидела ее в таком состоянии, она спросила:

— Что с тобой случилось? Почему ты плачешь?

И Нузхат-аль-Фуад, плача и крича, сказала ей:

— О госпожа, мой муж Абу-ль-Хасан-забулдыга умер.

Госпожа Зубейда опечалилась и сказала:

— Бедный Абу-ль-Хасан-забулдыга! — и поплакала над ним немного, а потом приказала выдать Нузхат-аль-Фуад сто динаров и кусок шолку и сказала: — Ступай, обряди его и схорони.

Нузхат-аль-Фуад взяла сто динаров и кусок шолку и пошла домой веселая. Абу-ль-Хасан, увидев ее, поднялся и заплясал от радости. Он спрятал сто динаров и кусок шолку, а потом положил Нузхат-аль-Фуад на стол, разорвал на себе одежду, выщипал бороду, растрепал тюрбан и побежал к халифу, ударяя себя рукой в грудь.

— Что с тобой, о Абу-ль-Хасан? — спросил халиф.

Абу-ль-Хасан заплакал и сказал:

— О господин мой, Нузхат-аль-Фуад умерла.

Халиф всплеснул руками от горя, а потом начал утешать Абу-ль-Хасана и велел казначею выдать Абу-ль-Хасану сто динаров и кусок шолку на похороны Нузхат-аль-Фуад. Абу-ль-Хасан взял все это и весело отправился домой. Он вошел к Нузхат-аль-Фуад и сказал ей:

— Подымайся! То, что мы хотели, совершилось!

А халиф пошел к госпоже Зубейде, чтобы утешить ее в потере ее невольницы, и увидел, что она сидит и плачет.

— Умерла бедная Нузхат-аль-Фуад! — сказал халиф.

А Зубейда воскликнула:

— О господин мой, она жива! Утешься после смерти Абу-ль-Хасана, умер-то ведь он!

Халиф улыбнулся и сказал своему слуге:

— О Масрур, как глупы женщины. Скажи, не приходил ли сейчас Абу-ль-Хасан?

А госпожа Зубейда воскликнула в гневе:

— Оставь шутки! Довольно того, что умер Абу-ль-Хасан, а ты еще хоронишь мою невольницу!

— Это Нузхат-аль-Фуад умерла! — вскричал халиф.

А госпожа Зубейда воскликнула:

— Нет, умер Абу-ль-Хасан!

Тут халиф рассердился и закричал Масруру-меченосцу:

— Ступай, пойди к Абу-ль-Хасану-забулдыге и посмотри, кто из них умер!

Масрур побежал бегом, а халиф сказал госпоже Зубейде:

— Побьемся об заклад.

— Хорошо, побьемся,— сказала она.— Я говорю, что умер Абу-ль-Хасан.

— А я,— сказал халиф,— бьюсь об заклад, что умерла Нузхат-аль-Фуад. Я ставлю мой «Сад развлечений», а ты — свой дворец.

Они стали ждать, пока вернется Масрур с новостями.

В это время Абу-ль-Хасан сидел у окна и вдруг увидел, что по переулку бежит Масрур.

— О Нузхат-аль-Фуад,— сказал он,— похоже, что халиф пошел к Зубейде, чтобы утешить ее, а она тоже стала утешать его, и они поспорили, и халиф теперь послал Масрура-меченосца посмотреть, кто из нас умер. Ляг на стол, чтобы Масрур увидел тебя.

Нузхат-аль-Фуад растянулась на столе, а Абу-ль-Хасан прикрыл ее изаром [1] и сел у изголовья плача. Масрур вошел в дом и увидел, что Нузхат-аль-Фуад лежит на столе мертвая.

Он вернулся во дворец и сказал:

— О господин, Абу-ль-Хасан здоров, а умерла только Нузхат-аль-Фуад.

— Пропал твой дворец, проиграла ты его! — сказал халиф госпоже Зубейде и стал над ней издеваться.

Госпожа Зубейда сильно рассердилась и сказала:

— Твой раб смеется надо мной! Я сама пошлю и посмотрю, кто из них умер.

— Хорошо, пошли,— сказал халиф, и госпожа Зубейда кликнула старуху-управительницу и послала ее в дом Нузхат-аль-Фуад посмотреть, кто умер.

Абу-ль-Хасан увидел ее издали и сказал жене:

— О Нузхат-аль-Фуад, похоже, что госпожа Зубейда тоже прислала посмотреть, кто умер.

И Абу-ль-Хасан растянулся на столе, а Нузхат-аль-Фуад прикрыла его и завязала ему глаза и ноги и сама села у изголовья плача. Старуха вошла, а Нузхат-аль-Фуад, увидев ее, закричала:

— Посмотри, что со мной случилось! Умер Абу-ль-Хасан и оставил меня одну!

Она стала вопить, рвать на себе одежду и говорить старухе:

— О матушка, какой он был хороший!

[1] Изар — плащ, в который завертываются арабские женщины, выходя на улицу.

И старуха сказала ей:

— Да, тебе простительно горевать. Ты ведь привыкла к нему, и он привык к тебе.

И старуха заплакала вместе с ней, а потом подошла и открыла Абу-ль-Хасану лицо и увидела, что глаза у него завязаны. Она снова прикрыла его и бегом побежала к госпоже Зубейде. Она рассказала ей все, что видела и слышала, и госпожа Зубейда со смехом воскликнула:

— Скажи это халифу, который говорит, что я глупая!

— Старуха врет! — сказал Масрур.— Я видел, что Абу-ль-Хасан здоров, а Нузхат-аль-Фуад лежит мертвая.

— Это ты врешь и хочешь поссорить халифа с госпожей Зубейдой,— сказала старуха.

И Масрур закричал:

— Никто не врет, кроме тебя, скверная старуха! А твоя госпожа тебе верит, и она слабоумная.

Тут госпожа Зубейда закричала на него и заплакала, а халиф сказал:

— И я лгу, и мой слуга лжет, и ты лжешь, и твоя служанка лжет. Самое лучшее, по-моему, нам всем вчетвером пойти и посмотреть, кто из нас говорит правду.

И все четверо вышли из дворца и пошли к дому Абу-ль-Хасана.

Абу-ль-Хасан увидел их издали и сказал жене:

— О Нузхат-аль-Фуад. Похоже, что старуха пошла и все рассказала своей госпоже, теперь они все четверо пришли к нам: и халиф, и Масрур, и госпожа Зубейда, и старуха.

Нузхат-аль-Фуад соскочила со стола и спросила:

— Как же нам быть?

И Абу-ль-Хасан воскликнул:

— Притворимся мертвыми оба и растянемся на столе.

Они зажмурили глаза, притаили дыхание и прикрылись плащом. Халиф с Зубейдой, Масруром и старухой вошли в дом Абу-ль-Хасана-забулдыги и увидели, что он лежит вместе с женой, оба мертвые. Госпожа Зубейда заплакала и сказала:

— Вы столько говорили о смерти моей невольницы, что она действительно умерла. Но я думаю, что ей стало тяжело после смерти мужа, что она умерла от этого.

— Нет,— сказал халиф,— она умерла первая. Очевидно, ему нелегко было, что умерла его жена, и он умер после нее. Я выиграл и заберу твой дворец.

— Я умер первый, о повелитель правоверных!

Тут они опять начали спорить и браниться, и, наконец, халиф сел у изголовья умерших и сказал:

— Я дам тысячу динаров тому, кто скажет, кто из них умер первый!

Абу-ль-Хасан, услышав слова халифа, быстро спрыгнул со стола и сказал:

— Я умер первый, о повелитель правоверных! Давай тысячу динаров!

Нузхат-аль-Фуад тоже поднялась. Зубейда была рада, что ее невольница жива, и стала упрекать ее и сказала:

— О Нузхат-аль-Фуад, ты могла и без этого попросить у меня, чего хочешь. Ведь ты меня очень опечалила!

— Мне было стыдно просить, о госпожа,— сказала Нузхат-аль-Фуад.

А халиф чуть не лишился чувств от смеха и сказал:

— О Абу-ль-Хасан, ты настоящий забулдыга и выделываешь чудеса и диковины!

— О повелитель правоверных,— ответил Абу-ль-Хасан,— у меня вышли деньги, которые ты мне дал, а мне было стыдно просить у тебя еще, и я устроил эту хитрость, чтобы взять у тебя сто динаров и кусок шолку. А теперь дай мне тысячу динаров, которые ты обещал.

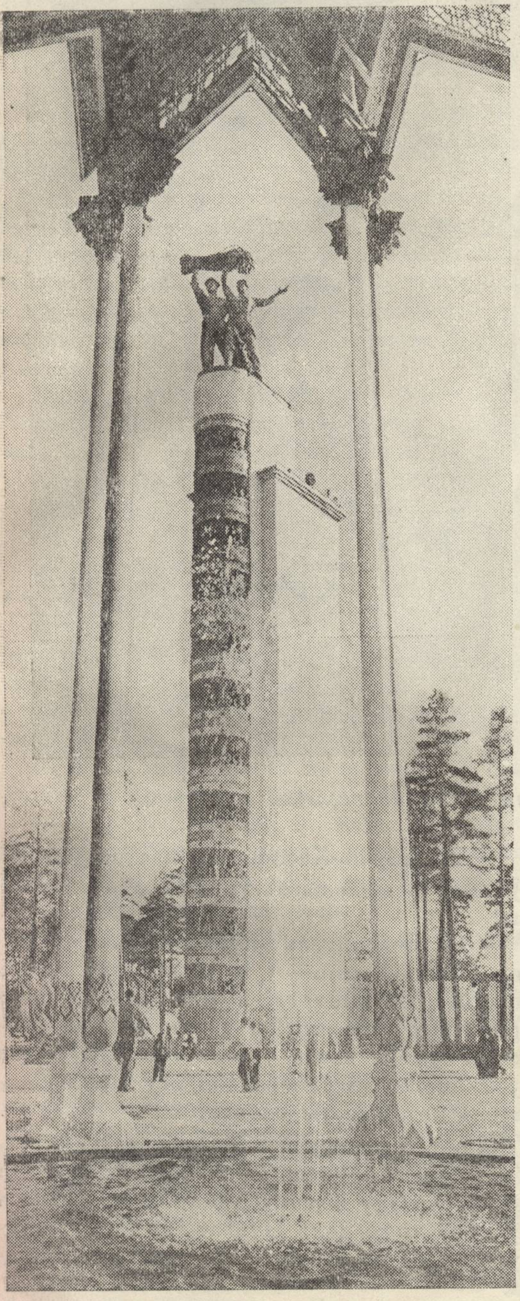
Халиф с госпожей Зубейдой засмеялись, и все они вернулись во дворец. Халиф дал Абу-ль-Хасану тысячу динаров, и госпожа Зубейда тоже дала Нузхат-аль-Фуад тысячу динаров по случаю спасения их от смерти.

И с этих пор Абу-ль-Хасан с женой жили в радости и счастье, пока не пришла к ним смерть.

★ ★ ★

Маленькая выставка на большой

А. Турновский

Центральная башня выставки. На ней установлена эмблема выставки — тракторист и колхозница со снопом.

История изобретений в царской России — это история анекдотов, горьких обид и отчаяния. Мысль — это большая сила. И царские чиновники прекрасно это понимали. Всякая новая, передовая мысль внушала им страх, как бы это новое не опрокинуло многовековую власть царей, угнетателей. Гениальные изобретатели тщетно пробивали стену чиновничьего равнодушия, недоброжелательности, недоверия к новому и часто погибали в нищете и безвестности.

А сейчас зайдите на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, и вы увидите в сотнях прекрасных павильонов результаты труда 230 тысяч советских изобретателей и новаторов; каждый экспонат выставки — настоящее изобретение, нечто новое, небывалое в сельском хозяйстве.

И кто же эти изобретатели? Рядовые колхозники, рабочие, ученые, вышедшие из народа, дети рабочих и крестьян — все те, кому в царское время были «заказаны» пути к изобретательству и новаторству.

Один из самых интересных павильонов выставки — это павильон юннатов. Сотни тысяч юных натуралистов и техников работают в нашей необъятной стране. И вот тут, на небольшом пространстве, собрано все, что изобретают и над чем работают ребята. Прежде всего радует то, что они решают проблемы государственного значения. И второе: нет ни одной, даже самой мелкой отрасли сельского хозяйства, в которой ребята не придумали, не изобрели нечто новое.

Вот группа колхозников — экскурсантов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки — никак не хотела поверить экскурсоводу, что существует суходольный рис.

— Рис обязательно должен расти в воде, на то он и рис,— говорили колхозники.

Экскурсовод повел их в павильон юннатов и показал снопы риса и фотографии сухого рисового поля.

— Это юннаты 2-й койсугской школы, Ростовской области, Ваня Дащенко, Павлуша Радченко, Алеша Голиков и другие за три года так перевоспитали одно из древнейших культурных растений, рис, тысячелетиями привыкший расти на по-

Товарищи Молотов и Димитров приветствуют участников выставки в день открытия — 1 августа.

лях, залитых водой, что он дал богатый урожай на сухом поле. Койсугские юннаты доказали, что рис можно разводить и там, где мало воды. Теперь ученые рекомендуют колхозам сорта риса, выращенные юннатами...

В скромном павильоне юннатов и на его участке собраны работы только 3500 юных натуралистов и техников. И все же выходишь из павильона, пораженный размахом работы ребят. Тут как бы устроена уменьшенная модель всей большой выставки. И модель не простая, а действующая.

Большой павильон Механизации—сердце выставки. В нем показано, как ученые, инженеры и стахановцы изобретают новые машины, облегчающие труд человека. В зале механизации павильона юннатов показано, как юные техники тоже работают над механизацией сельского хозяйства.

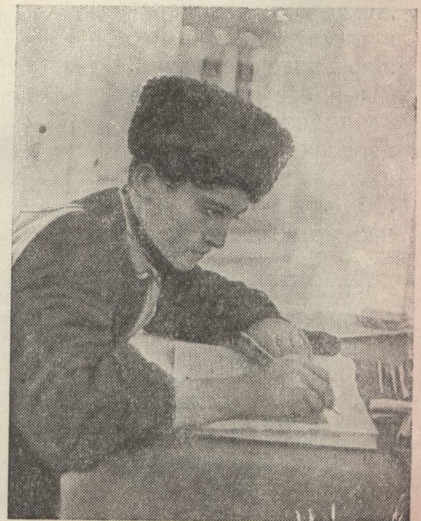
Вот модель трактора «ХТЗ», построенная ребятами Волчанской детской технической станции. К маленькому трактору можно прицепить маленький плуг или сеялку и обрабатывать землю. Комбайн ребят ДТС завода «Ростсельмаш» сделан из тех же материалов, из которых делается настоящий комбайн, и может убирать хлеб. Рома Клещинский (из Красногвардейской ДТС в Ленинграде) любую модель пускает в ход, не подходя к ней. Махнет рукой перед моделью мельницы Мелумова, Саввова и Чумака (из Симферополя) — и мельница сейчас же приходит в движение и на ваших глазах превращает зерно в муку. Взмах руки пересекает пучок невидимых инфракрасных лучей, действующих на фотоэлемент. Рома снимает телефонную трубку с рычага и командует: «Старт!» — и сейчас же начинает работать молотилка. Рома командует: «Стоп!» — и молотилка останавливается. Рома набирает на диске телефона номер «один» — и вот уже слышен шум молотилки.

Юные техники не только конструируют любые современные сельскохозяйственные машины: они пытаются заглянуть в завтрашний день сельского хозяйства.

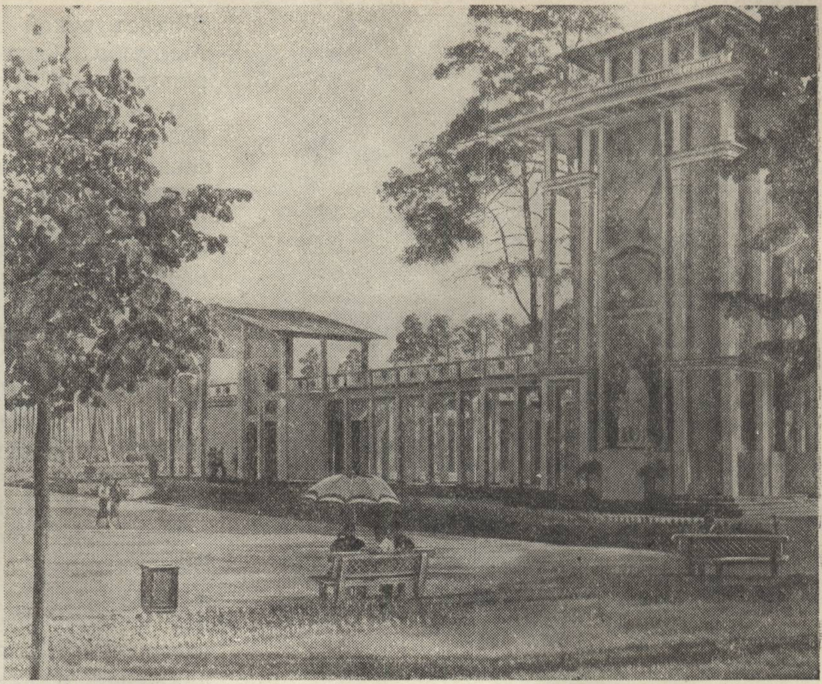
Вам дают в руки небольшой прожектор. Вы подходите с ним к трактору, у которого в радиаторе сделаны два отверстия— два «глаза». Едва луч прожектора коснется этих «глаз», трактор приходит в движение и как дрессированная собака послушно следует за вами. Вы могли бы увести его из павильона, если бы предусмотрительные техники не посадили его на «цепь» — шпинек. Этот светоориентирующийся трактор сконструировал Саша Осипов из Ленинграда.

Очень возможно, пройдет несколько лет, и на полях мы увидим такую картину. На поле два трактора; один самый обыкновенный, и ведет его тракторист самым обыкновенным образом, а сзади другой, светоориентирующийся. От перво-

Баразби Хамгоков делает первую запись в книгу посетителей павильона юннатов.

го трактора, от прожектора, падает свет на второй, на фотоэлементы, установленные в щелях светоориентирующегося трактора. Лишь только первый трактор начнет поворачивать, свет скользнет в сторону и один фотоэлемент не будет уже освещаться. Но тогда начинает действовать особый механизм, и трактор поворачивается за лучом света, пока оба фотоэлемента не поймают его. Таким образом светоориентирующийся трактор идет следом за обыкновенным трактором, и один тракторист может одновременно вести два трактора.

Внешний вид павильона юннатов.

Вот на высокой металлической башне горит прожектор. Подойдите к нему — и прожектор поворачивает к вам свой холодный электрический глаз и не спускает его с вас, куда бы вы ни пошли. Это электрический «сторож» колхоза.

Один из конструкторов его, Алик Комендантов, объясняет, как этот «сторож» действует:

— Поля колхоза окружены несколькими башнями с прожекторами, испускающими невидимые инфракрасные лучи. Вы идете по полю и не подозреваете, что пересекли этот невидимый пучок света. Но прожектор сейчас же получил об этом сигнал и быстро поворачивается к вам. Как только вы попали в поле его зрения, мощный поток света заливает вас — и вы, ослепленный, останавливаетесь. А в это время в дежурной комнате звонит звонок. Дежурный подходит к большому плану колхоза и видит, как на одном из участков вспыхивает лампочка. Значит, в этом месте есть кто-то, кому не следует быть на колхозном поле, и дежурный сейчас же посылает туда охрану.

О всех чудесах зала юных техников не расскажешь. Тут и говорящие часы для колхоза, которые дают сигналы на работу и отдых, включают во время обеден-

Юные пчеловоды на показательной пасеке участка юннатов.

ного перерыва радио, ночью стерегут колхоз; и электрофлюгера, показывающие направление и силу ветра; и прибор для измерения роста растений, и т. д.

Великий преобразователь природы Мичурин писал:

«Человек может и должен создавать новые формы растений лучше природы...»

Советские ученые Лысенко, Цицин, Кизюрин, Державин, следуя завету Мичурина, преобразуют природу. Их ученики и последователи — юные мичуринцы, лысенковцы, кизюринцы — не отстают от своих учителей.

Будто буря пронеслась над одной частью юннатского сада и повалила на землю усыпанные яблоками деревья. Это яблони омских юннатов — кизюринцев. В Сибири, на Севере плодовые деревья вымерзают. Но Кизюрин заметил, что в тундре растут карликовые деревья, стелющиеся по земле. Зимой снежный покров спасает их от мороза. Почему бы не заставить так расти и плодовые деревья? Кизюрин вывел яблони и вишни, которые стелются по земле и легко переносят жестокие сибирские морозы. Юннаты Омска помогают Кизюрину делать опыты. Они испытывают, под каким углом наклона к земле лучше сажать деревья.

В колхозе «Победа труда», Рязанской области, пшеница вырождалась. Зерна все больше и больше теряли всхожесть: посеют много, всходит мало. С самоопыляющимися растениями это происходит потому, что каждый колос опыляется собственной пыльцой. Академик Лысенко открыл способ борьбы с вырождением растений: еще до цветения надо удалить пыльники цветков колосьев. Такие колосья опыляются с других колосьев, происходит перекрестное опыление, и зерно получается тяжелым, снова молодеет.

Пионерское звено Ани Давыдовой занялось перекрестным скрещиванием, собрало для колхозов много хороших семян. С полей,

Наверху — Люба Филимонова (Даниловский район, Пензенской области) показывает ребятам, как надо резать картофель на глазки.

Справа — юннаты Киевской агро-биологической станции измеряют карликовую яблоню.

Внизу слева — дружное семейство: кошка, крыса и кролик, воспитанные юннатами Рыбинска. Справа — юннатка рыбинской ДТС поит крольчат молоком.

засеянных этими семенами, колхоз получил с гектара на 4 центнера больше урожая чем с других.

Когда вы проходите по участку и оранжерее юннатов, у вас глаза разбегаются от тысяч растений, с которыми работают юннаты. Каждое растение, которое попадает к ним в руки, они стремятся улучшить, разгадать его и развить в нем те качества, которые нужны человеку.

1 августа товарищ Молотов перерезал алую ленту, преграждавшую вход в Главный павильон выставки. И в это же время были перерезаны такие же ленты в дверях всех павильонов. Ленту в павильоне юннатов перерезал Баразби Хамгоков, награжденный орденом «Знак почета» вместе с восемью другими пионерами за шефство над молодняком.

Баразби одним из первых начал воспитывать для родной Красной Армии быстрых, выносливых, горячих коней. Сейчас уже сотни бывших пионерских подшефных возят орудия, мчат тачанки, носят на себе буденновских кавалеристов. В павильоне юннатов можно увидеть снимки красавцев-коней, которых сейчас воспитывают ребята для Красной Армии. Леля Богомолова (Волчанск) в своем дневнике день за днем рассказывает, как она воспитывает жеребенка:

«20 ДЕКАБРЯ. Жеребенка я назвала «Пулей». Пуля сразу очень полюбила меня. Я взяла Пулю и повела на прогулку в сад. Я очень была удивлена тем, что когда ей ветка преградила путь, она быстро перепрыгнула ее и пошла дальше.

После этого я научила Пулю прыгать через барьер по команде. Для барьера я беру обыкновенную лавочку. Бывают иногда случаи, когда она и обойдет барьер, и тогда она сахару уже не получает, пока все же не прыгнет.

27 ДЕКАБРЯ Утром заплела Пуле коски и вплела в них красненькие веревочки, а когда вечером коски расплела, то уже волос стал курчавый и блестел на солнце разными цветами.

5 ЯНВАРЯ 1937 ГОДА. После прогулки занималась с Пулей на манеже. Через барьер она прыгала так. Сначала Пуля разгоняется, а когда близко подбежит к препятствию, то подгибает передние ноги, а задние вытягивает и так перепрыгивает барьер. Но иногда я Пуле не даю разгоняться, тогда она сразу подгибает передние ноги и прыгает не хуже чем с разгоном.

7 ЯНВАРЯ. Водила Пулю на вожжах. На вожжах Пуля хорошо ходит, и я смогла покататься на лыжах за лошадью.

24 ЯНВАРЯ. Пулю фотографировали, чтоб фотокарточки послать в Москву с рапортом товарищу Ворошилову. Пуля стояла смирно и смотрела в фотоаппарат...»

Из прорези в окне павильона вылетают пчелы. Эти пчелы живут в стеклянном улье, так что можно видеть все, что они делают. Выведены они новосибирскими юннатами и сейчас собирают мед с растений всего Советского Союза, посаженных на участке юннатов: с высокогорных цветов альпийской горки, с северных роз Фроловой, растущих целой кистью, с груши, привитой Гайдуковым (Тула) на рябине, и с других чудес растительного царства, созданных руками юннатов.

Мы показали вам только часть работ ребят, собранных в павильоне. Работы эти прекрасны и разнообразны!

И в капиталистическом мире есть ребята-изобретатели, ребята-новаторы. Но их там ничтожно мало: единицы, десятки. Они даже не мечтают о том, что когда-нибудь для показа их работы могут построить павильон, вызвать их на выставку. Только в нашей стране возможен такой расцвет творчества и всех способностей ребят. У нас партия и правительство так заботятся о ребятах, как ни в одной стране мира. Вся страна любит и уважает ребят. За замечательную работу правительство награждает ребят орденами, академики дают им научные задания и темы для опытов, съезды партии, товарищ Сталин аплодируют представителям пионерской организации.

Партия и комсомол воспитывают новое поколение строителей коммунистического общества. В капиталистических странах ребята-изобретатели думают только о себе, о своем личном интересе и славе. Изобретение в капиталистическом обществе— только путь к личному обогащению и эксплоатации других людей. У нас дети трудящихся своими изобретениями прежде всего стремятся принести пользу родине, колхозу, тому коллективу, в котором они живут и работают. Свои открытия и изобретения они не таят от других, а передают во всеобщее пользование.

□ □ □

Луганцы

П. Гаврилов

Рис. В. Щеглова

Гундоровское дело

1

Ворошилов слово свое сдержал: то, что доставалось интервентам, уже не было Луганском.

Гартмановский завод лежал как мертвец. В пустынные, гулкие цеха врывался ветер, без помехи носился из помещения в помещение, как будто хотел проверить: неужели так все, до одного человека, и ушли? Может быть, есть какое-нибудь живое существо? Оказалось, есть...

Мастер Краузе, засунув руки в рукава пиджака, бродил по цехам, он подсчитывал, сколько станков и механизмов взяли с собой луганцы, и все больше горбился: взяли почти все ценное. Нет, не пустить завод на прежний ход! Не завод — разоренное гнездо, а птенцы улетели. Проклятые, проклятые...

В механическом цехе, перед выведенным из строя краном, на котором раньше работал Ворошилов, Краузе остановился и, бормоча ругательства, погрозил кулаком:

— Нету ненавистнее тебя...

Покинутый своими, Луганск угрюмо ждал. По безлюдным рабочим улицам гулял ветер, бродил из дома в дом, тоскливой волынкой свистел в дырявом чугунке, брошенном хозяйкой, и, ожидая непрошенных гостей, накрывал столы в домах скатертями из пыли...

К полудню, заняв Алчевск и не останавливаясь в нем, германские войска вышли на путь к Луганску и нависли над последними шахтерскими отрядами, прикрывающими отход эшелонов. Немецкие батареи работали без отдыха, подготовляя дорогу пехоте. Шахтеры обессиливали от потерь, от жажды. Но страшней всего мучила едкая и глухая тоска. Прощай, родимый Донбасс!

Весна еще не пришла, но ласковый апрель уже можно было узнать в нежных запахах оживающей степи. В редкие минуты передышки шахтеры мяли в грубых пальцах первые клейкие травинки, переглядывались, без слов понимая друг друга. И у многих убитых, если бы разжать еще не остывшую ладонь, можно было б найти пахучие весенние стебельки.

Проходил час за часом. Атака, контратака. По расчетам командиров шахтерских отрядов, луганские эшелоны давно должны были быть в безопасности, но никаких приказаний об отходе отряды не получали. Наконец-то, прискакал вестовой.

— Тю на вас, скаженные!—закричал он, осаживая коня. — Чего вы тут топчетесь? И Луганск пустой, и эшелоны ушли, а вы тут играетесь? Давай, отходи!

Последними покидали Луганск конники Марквина. А меньшевики, воспользовавшись отступлением красных, принялись хозяйничать в городе. Тюрьма была полна. Около стены лежали расстрелянные рабочие. Из окон театра эсеры и меньшевики открыли по конникам лихорадочную стрельбу. Не останавливаясь, конники швырнули в окна театра гранаты. Стрельба прекратилась.

Разогнав тюремную стражу, Марквин ворвался во двор и, стреляя в воздух, хрипло прокричал:

— Кто с нами, выходи! Коней хватит! Скорей, товарищи!

Тюрьма опустела.

Над Луганском разорвался первый немецкий снаряд.

Захватив по дороге немецкое орудие, конники Марквина догнали эшелоны.

— Ворошилов здесь? Все ушли? — спросил Марквин у первого попавшегося луганца.

— И Климент Ефремыч туточки, и мы все с ним ушли,—ответил луганец, непривычным движением подкидывая на плече винтовку.

2

И вперед и назад не видно было конца поездам. Разделив степь надвое, от края до края ее, стояли эшелоны с бойцами, с артиллерией, с дорогими станками, с рельсами, с продовольствием, со шпалами, с каким-то железом и костылями и опять с орудиями.

И всюду, даже на платформах с рельсами, разместились люди. На вагонах развевалось по ветру выстиранное детское белье, латанные штаны.

Из дверей вагонов телята высовывали потешные свои морды и мычали. Сзывая кур, звонко кричал, взобравшись на орудие, деловитый петух. Сердитая бабушка Ниловна вынесла в фартуке наседку и цыплят, пустила их под вагон и стала на страже с палкой, ревниво охраняя свое хозяйство от коршунов и ребятишек.

На веревке, протянутой от одного орудийного дула к другому, висело яркое лоскутное одеяло. Молодая миловидная шахтерка Гарпина старательно выбивала из одеяла пыль. Сын ее Васютка, привязанный за пояс веревкой к орудийному колесу, чтобы не свалился за борт платформы, лопоча что-то свое, ребячье, скидывал вниз щепки.

От вагона к вагону, как бывало в Луганске из дома в дом, хозяйки ходили поглядеть, как кто устроился, а кстати уж и посудачить. Возились, смеялись и плакали ребятишки.

Яким Снесаренко, ведя за собой на веревке белого с рыжими подпалинами хорошенького телка, подошел к вагону, где разместились татары, и сунул в дверь любопытный свой нос:

— Как ваша жизня?

Молодой татарин Гариф, сидя посередине вагона на корточках, чистил винтовку.

— Заходи, пожалуйста, знаком. Чай пить будем!

— Нет, сынок, — ответил Яким, уныло скребя подбородок. — Чайку нам теперь не попить, шалишь! Мы со старухой только было приспособились, паровоз как дерганет — куды чайница, куды сахарница, а самовар об пол! Чуток пожар не произошел. Сказал бы нам Ворошилов, не берите, мол, черти, самовары-то...

— В Царицыне чай пить хорошо будем! — сказал Гариф, показывая крепкие зубы и щелкая затвором.

— Вам хорошо, молодым, у вас делю есть: из винтовок палить, — ответил Яким, дергая теленка за веревку, — а нам что без самовара прикажешь делать? Вот гуляю тут с телком, как дурной барин с собачкой на цепке! Оставить бы его дома. Да не было приказаний за телят, чи их брать, чи не брать...

Гариф хитро прищурился.

— Самовар пить нельзя, теленкам гуляй скучно... Зачим брала самовар, зачим брала теленок?

— Чудак ты человек! — вдруг рассердился Яким. — Ты же подумай: пришел немецкий генерал в Луганск, и прямо в мою хату. Вот он, уставши, кричит денщику: «Подать сюда самовар; желаю побаловаться чайком!» «Нету, ваше благородие, самоваров: луганские их с собой увезли!» «Тогда,—кричит,—подать сюда телячью коклетину! Я ее хочу скушать!» А коклетка, вот она, со мной на веревочке! Я тебя спрашиваю, ну? Клима нам уважить нужно али нет? Он что приказал? Немецким генералам, чтоб ни синь-пороху! Ну, стало быть, и чайку им в Луганске не испить...

Яким опять дернул теленка за веревку, помолчал, о чем-то раздумывая, и спросил у Гарифа:

— Так говоришь, сынок, до Царицына потерпеть с самоваром-то?

В Царицын решено было идти вскоре после победного родаковского боя. Ворошилов да и никто из командиров не сомневались в том, что немцы, как только оправятся от поражения, опять примутся затягивать мешок, в котором находились вооруженные силы красных.

Вопрос был решен в штабном вагоне. Не снимая бекеши и уронив крупные свои руки на колени, Пархоменко любовно следил за Рудневым. Начальник штаба ловко

и быстро раскладывал на столе карты и хмурил брови, видимо, волнуясь в ожидании начала совещания.

— Ну, товарищи командиры, — начал Ворошилов, глядя на всех командиров поочереди, — первая наша задача выполнена. Задержав противника, мы дали возможность Луганску эвакуироваться. Луганску — это не совсем точно сказано. Похоже на то, что с нами уходит весь Донбасс. Так или иначе наши люди и груз огромной ценности в эшелоны погружены благополучно. По приблизительным подсчетам, это составляет три тысячи вагонов и более чем сто паровозов...

Все взглянули на Ворошилова, думая, что командарм шутит. Кулик сощурил глаза и, подсчитав в уме, сказал:

— Приближенно... верст на двадцать растянемся?

Пархоменко тихонько присвистнул. Руднев восторженно глядел на командарма. Ворошилов сказал:

— Товарищ начальник штаба, доложите обстановку.

Покраснев и страшно досадуя на это, Руднев начал:

— С севера мы отрезаны. Надо полагать, что противник приложит все усилия для того, чтобы отрезать нас также и с юга. Очевидно, что находящийся в районе Сватово отряд Венедиктова будет легко разбит противником и немцы займут Чертково. Таким образом, чтобы выйти из мешка, нам остается вот этот путь,—Руднев показал на карте,—на Миллерово и оттуда на станцию Лихая. Станция эта, кажется, оправдает свое название, по крайней мере... для нас.

— Думаешь, тут навалятся? — приподнялся Пархоменко.

— Противнику очень удобно будет уничтожить... попробовать уничтожить нас,— поправился, кусая губы Руднев,—именно у станции Лихой. Пожалуй, больше ему и не представится такого случая. Я утверждаю: именно у Лихой германское командование и захочет завязать мешок.

— То побачимо, — пробурчал Кулик.

— А по-русски сказать: накося выкуси! — в тон Кулику добавил Пархоменко.

Рудневу и самому хотелось сказать: конечно, пробьемся, товарищи! — но он был начальником штаба и дело складывалось уж не так-то просто. Вот и по лицу Ворошилова видно, что не так просто.

— После трудного боя у Лихой, — продолжал Руднев, — перед нами ляжет одна лишь дорога...

— На Царицын, — перебил Ворошилов начальника штаба и провел по карте длинную линию от Лихой до Царицына.

Все командиры подошли и склонились над картой. Некоторое время было слышно лишь их взволнованное дыхание.

— Нипочем не дойти! — ахнул кто-то. — Это ж такая дорога... конца ей нет. Немцы, казаки... гроб!

— На Царицын! — твердо повторил Руднев. — Кстати сказать, все дороги, в том числе и та, что на Царицын, для того лишь и существуют, чтобы по ним проходили.

— Так верно ж! — улыбнулся Пархоменко, дотрагиваясь плечом до плеча Руднева. — А то на кой же шут, Коля, они и дороги!

— Кроме того, — сказал Ворошилов,— большевики никогда не боятся трудностей. Продолжайте, товарищ Руднев. Впрочем, я сам объясню товарищам командирам. Прошу внимания. Необходимо понять одно: мы вернемся. Мы сознательно отдаем врагу часть нашей земли, уступая его военно-техническому превосходству. Мы вернемся! Отойти к Царицыну — это значит сохранить Пятую армию, вооруженные отряды шахтеров Донбасса и всех, кто идет с нами. Иными словами, сохранить для победоносной пролетарской революции часть ее живой силы. Итак, решено: на Царицын! Возражения есть?

Возражений не было.

— Продолжайте, товарищ начальник штаба! — спокойно приказал Ворошилов.

Руднев откинул со лба прядь мягких волос:

— Путь, только что выбранный нами, это четыреста верст дороги по одной железнодорожной колее. Мосты. Очень большой и высокий через Дон. Очевидно, все мосты, кроме донского, будут испорчены или взорваны противником. Степь. Водокачки. Очевидно, они будут приведены в негодность противником. И непрестанные, утомительные бои...

— Не привыкать, — сказал Алябьев. — Нам не привыкать к боям. Ответим!

Ворошилов положил руку на плечо Алябьева.

— Тут вот сейчас, — сказал он, — упомянули о немцах и казаках. Немцы отцепятся от нас сейчас же после Лихой или немножко дальше. Им выгоднее будет предоставить нас на съедение казачьим

Ворошилов и Руднев молча наблюдали за бесконечным движением тяжело нагруженных составов.

генералам. И я хочу предостеречь вас, товарищи командиры, что, кроме того оружия, которым немецкие генералы наградят белогвардейцев, у казачьих генералов будет оружие, куда опасней германских пушек, — я говорю о классовой ненависти. Она выразится и в кровавых открытых схватках и в ударах в спину. В отравлении колодцев. например, в издевательствах над ранеными, над нашими семьями, не обойдется дело и без провокаторов. Иными словами, мы, командиры, не должны будем закрывать глаз до самого Царицына...

— А в Царицыне-то что, товарищ командарм? — спросил кто-то.

— В Царицыне Красная Армия.

— Точка. Веди, Клим! — сказал Пархоменко, надевая папаху.

3

1 мая эшелоны двинулись со станции Миллерово к Каменской. Ворошилов и Руднев на конях нарочно отъехали подальше и молча наблюдали за движением тяжело нагруженных составов, в этом бесконечном движении таилось какое-то живое упорство.

«В каждом вагоне своя жизнь, этих жизней тысячи, и они послушно идут за ним», — думал Руднев, сбоку глядя на спокойное обветренное лицо Ворошилова.

Конь забеспокоился под Ворошиловым. Две полевых мыши, проскользнув под ногами коня, испугали его. Крепкая рука натянула повод.

Резким движением Ворошилов повернулся к Рудневу. Лицо его было воодушевлено. Ворошилов последнее время брил усы и от этого казался совсем молодым. Он кивнул в сторону эшелонов.

— Ведь это весь Донбасс движется на колесах, революционный и вооруженный Донбасс! Все, что партия копила, сколачивала, берегла, растила,—все тут! В этом, Руднев, огромная, несгибаемая сила. — Ворошилов помолчал. — Кстати, товарищ Руднев, распорядитесь, пожалуйста, чтоб к вагонам сделали лестницы. Прыгают люди, неудобно. Особенно женщинам и старикам.

— Меня беспокоит положение со станицей Гундоровской... — начал было Руднев, но его перебил далекий гудок переднего паровоза.

С первого дня похода как-то само собой все стали регулировать жизнь по паровозным гудкам, как прежде по заводским. И сегодня, после трехверстного пути, поняв по гудкам паровозов, что едва ли эшелоны скоро тронутся дальше,

люди высыпали из вагонов. Кто-то крикнул: «Встали! Готовь обед!» И женщины захлопотали. Бойко затрещали и задымили костры. Пахло пеленками и подгорелой пшенной кашей.

Вдруг снова загудел невидимый передний паровоз. Ему ответили остальные. Над степью поплыл многоголосый тревожный стон: на эшелоны шли немецкие самолеты.

Первая бомба упала недалеко от паровоза. Машинист высунулся из окошка, погрозил кулаком самолетам. Бойцы быстро и ловко перебросили пулемет на крышу вагона, легли на теплое железо крыши и, задрав дуло пулемета, открыли огонь.

Закричала женщина, громко заплакал ребенок. Яким Снесаренко погнал теленка под вагон, и многие бросились за Якимом. Люди в ужасе метались, падали, опять бежали, не зная куда. Не узнавая своих вагонов, карабкались в чужие.

Вооруженные отряды выстраивались у вагонов. Прискакал Ворошилов:

— Спокойно, товарищи! Гарпина, ну чего ты вопишь? Васютка твой около тебя, сама ж привязала, теперь ищешь? Прячь курей, Ниловна! Не хвались перед немцем, он и без того наворовал немало. Спокойно! Не бойтесь паршивцев. Прилетели — улетят!

Самолеты и на самом деле, не сбросив второй бомбы, сделали круг над эшелоном и улетели. Паника улеглась. Гарпина смущенно отвязывала Васютку от орудия. Хозяйки из-под вагонов спешили обратно к кострам.

К Ворошилову подскакал верховой. Он хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная на песок:

— Товарищ командарм! Какое там беляки происшествие устроили! Ой же, что придумали, гадюки!

Первым, кого увидели Ворошилов и Руднев, примчавшись к головному эшелону, был дед Ивась.

Узнав, что с эшелонами идут специальные железнодорожные бригады, организованные Ворошиловым для непредвиденных случаев в дороге, дед Ивась пристроился к одной такой бригаде.

Дед и Алешу Кирпичева переманивал к себе.

— Ты винтовку-то сымай,— уговаривал он парнишку, — да к нам в бригаду переходи. Мы чего будем делать? Полотно класть, мосты наводить — дело инженерное, научишься — человеком будешь...

Но Алеша нипочем не хотел снять винтовку с плеча, он, кажется, и спал с ней и все разнюхивал, куда бы пристроиться, чтобы в разведчики или к командарму поближе. Дед Ивась махнул на него рукой: «Военная у парня походка, секрету нету».

— Давай, ходи веселей!— кричал теперь дед Ивась на рабочих бригады, и без его окрика быстро тащивших новые рельсы.

Впереди метров на тридцать путь был разобран. По свеже взрыхленной между шпалами земле нетрудно было догадаться, что путь разобрали недавно. Длинные борозды по откосу и по степи показывали, куда казаки увезли рельсы.

— Это гундоровская работа такая складная! — кричал дед Ивась, показывая Ворошилову казачью, с красным околышем фуражку, видимо, забытую в спешке.

— Может, и каменских казаков,—сказал один из рабочих, сбрасывая на землю костыли для шпал. — Они, гады, заколотили в амбаре тридцать человек наших и живьем сожгли. Самих бы их, живодеров, на костыль!

Не отвечая, Ворошилов спрыгнул с коня и принялся помогать. Больше разговоров не было. Клали новые рельсы, молотки звонко стучали по костылям. Торопя людей, паровозы раздраженно шипели паром.

Не дождавшись конца работы, Ворошилов приказал Рудневу найти Пархоменко, Щаденко, Алябьева, Кулика и поспешил в штабной вагон.

4

Весь этот район—Гундоровская, Лихая, Зверево — до прихода Пятой армии Ворошилова удерживали красные части Ефима Щаденко. Положение красных со дня на день становилось все безотраднее. Генерал Гусельщиков, имея штаб в Гундоровской, открыто собирал белых казаков. По ночам шла глухая резня, днем по всему горизонту маячили конные.

Приход Ворошилова освободил отряды Щаденко, численность и вооружение Пятой армий увеличилось. Но стягивали свои силы и белоказаки. По станицам только и разговоров было, что об оружии, товарах, машинах и золоте, которыми будто бы были полны эшелоны. Богатые станичники деловито налаживали возы, ждали, как великого праздника, разгрома эшелонов.

Белоказачье командование решило начать дело к западу от Гундоровской, про-

пустить бронепоезда и всей массой навалиться на беззащитные эшелоны.

По приказу Ворошилова, Руднев собрал командиров. Не проронив ни слова, выслушали они план командарма.

По тому, как нетерпеливо сжимались и разжимались пальцы рук Пархоменко, по восторгу, вспыхнувшему на открытом лице Руднева, по хитрой усмешке Кулика, по тому, как стиснул эфес шашки Щаденко, — по всем этим признакам Ворошилов понял: план командирам пришелся по душе.

— Значит, решено, товарищи командиры? — Ворошилов нагнулся над картой. — Не дожидаясь, когда противник ударит первым, мы нанесем ему удар сами. Задача — разгромить осиные гнезда контрреволюции — Каменскую и Гундоровскую. Держаться до тех пор, пока эшелоны не пройдут мост через Донец и проследуют дальше на юг, к Лихой. Условие одно: не зарываться, ни в коем случае не зарываться, товарищи командиры! Теперь о подробностях операции...

Приступили к подробностям. Лампа горела неярко, в фитиле попискивало. От руки Ворошилова, от его пальца, которым он указывал на карте, куда наступать отрядам, где будут проходить эшелоны, на карту падали быстро меняющиеся тени.

На следующий день Ворошилов двинул войска на гундоровцев. Отряды шли по обе стороны остановившихся эшелонов. То и дело из вагонов слышалось:

— Батя, батя, эвон я!

— Микола, не подкачай!

— Вася, Васютка, Васенька!

— Пошли наши...

Где-то скороговоркой заработал пулемет. Эшелоны затихли.

Пригодилась боевая выучка первых отрядов Пятой армии: на Гундоровскую луганцы шли головными. За ними широким, развернутым строем следовали отряды сулинских шахтеров и бойцы Щаденко, им здесь знаком был каждый бугорок.

Гундоровскую и Каменскую взяли с одного крепкого удара. Ничего подобного казачьи генералы не могли предполагать. Вяло отстреливаясь, белые хлынули назад.

Был первый день пасхи. Богатая станица Каменская встретила ворошиловцев колокольным звоном, столами, полными всякой снеди, разумеется, не для красных бойцов приготовленной. Ворошиловцы были незваными гостями. Не успевшие уйти с белыми богатеи - станичники

Отряды шли вдоль остановившихся эшелонов.

хмуро выглядывали из окон просторных каменных хат. Притворяясь, что ничего не произошло, поп ходил по хатам с молебствиями.

— Гляди-ка, водолаз-то святит! — с мрачной злобой сказал шахтер в гимнастерке, у которой начисто оторвались рукава.

— Пущай его святит, — отозвался дед Ивась,— когда-нибудь досвятится, секрету нету!

Командиры передавали по отрядам приказ Ворошилова.

Из казачьих рук чтобы ничего не брать! Своя кухня будет. Воду из колодцев не пей!

— Что ж это за земля такая! — рванул ремень винтовки шахтер в гимнастерке без рукавов. — За каждым камнем гадюка, за каждым кустом волк, а называется тихий Дон!

Чубатый молодой парень из отряда Щаденко, туго перепоясанный пулеметной лентой, облизнулся и, улыбаясь во весь рот, сказал:

— А неплохо бы, братва, к примеру, зайти в знакомую хату да и попробовать порося, эге ж? Или куриную гузку с моченым яблоком, а вдогонку кружку вина?

— Вот это да! — повеселел шахтер.— Каши-то своей поесть успеем!

— Слыхали приказ? — значительно поднял густые брови дед Ивась. — Или вы глубже Ворошилова смотрите?

Чубатый паренек дернул шахтера за руку. Дед Ивась круто обернулся к чубатому. Тот даже отскочил:

— Ты чего, дедуся?

— А то, что поросенок у тебя в глазах!

— Ну их к бису! Запевай! — шумели бойцы.

Чубатый и шахтер отошли. Дед Ивась, строго насупив брови, молодцевато расправил грудь и завел бойким тенорком:

«Наверх вы, товарищи, все по местам!
Последний парад наступает...»

Отряд в одно дыхание подхватил:

«Врагу не сдается наш гордый «Варяг».
Пощады никто не желает!»

На площади, перед церковью, дымили походные кухни. Ржали лошади, визжали по песку колеса орудий прибывающих батарей.

К вечеру дед Ивась, завидя группу бойцов, молча столпившихся вокруг чего-то, подошел к ним и тут же охнул и снял фуражку.

Чубатый и шахтер в гимнастерке без рукавов лежали рядком в тени под яблоней, позади богатой хаты. Мухи успели густо облепить их темные, словно чугуном налитые лица. Дружки не вытерпели: приняли приглашение молодой знакомой чубатому казачки, зашли в хату, попробовали поросенка и освященного попом кулича.

Угощенье было отравлено мышьяком.

Белые продолжали отступать. Ворошиловцы рвались вперед, не чувствуя ни усталости, ни голода.

Не умея ориентироваться в большом наступлении, особенно после форсирования реки Большой Каменки, отряды путались в глубоких балках, теряли между собой связь. Командиры отрядов не сумели довести до бойцов наказ Ворошилова «не зарываться», да и сами забывали о нем. Легкая победа всем вскружила головы. Наступление шло в сторону Луганска, и уж по отрядам поговаривали: а не хватить ли на Луганск и не прогнать ли оттуда немцев?

К ночи отряды расположились на высотах, мало думая об охранении и разведке. Отряд Латышева выдвинулся уступом далеко вперед.

После полуночи командир роты 1-го шахтерского полка Елисеев вышел проверить секреты и нарвался на немцев. Елисеева сшибли с ног, заткнули рот тряпкой и куда-то понесли. На шум подоспели шахтеры. Перестрелка ни к чему не привела. Елисеева не выручили. Делегация шахтеров пошла с повинной к Ворошилову. Их встретил Пархоменко. Выслушал, повел к командарму.

— Вот жаловаться пришли, товарищ командарм, — доложил Пархоменко Ворошилову, хмуро усмехаясь,— говорят, командира у них украли. Я спрашиваю: может, ошибка вышла, может, гусака украли? Нет, говорят, нашего командира роты. Вот они сейчас расскажут...

Шахтеры не знали, что и сказать после такой встречи. Ворошилов поздоровался с делегацией. Нацедив из чайника кружку воды, неспеша принялся пить, сверля шахтеров из-за кружки одним глазом.

Выпил, поставил кружку, спросил:

— Правда ли, товарищи шахтеры первого полка, что немцы выкрали у вас командира роты Елисеева?

— Правда, товарищ Ворошилов.

— Виноваты, не доглядели!

Ворошилов наполнил вторую кружку, поднес ее ко рту, опять жестко глядя на шахтеров одним глазом. Выпил и вторую и вдруг ударил кружкой по столу:

— Не верю!

— Да, товарищ Ворошилов, правда ж! Сами той правде не рады!

— Не верю! — повторил Ворошилов.— Не верю, чтобы постыдный промах такой допустили шахтеры мужественного первого полка, где бок о бок сражается целая семья Якима Снесаренко. Вы меня обманываете! Уходите!

Не чуя под собой ног, подталкивая друг друга, шахтеры быстро очутились за дверью вагона. Молчали, пока не пришли в полк. Там рассказали все, вспотевшие и злые как демоны. Вскоре пятнадцать шахтеров вышли по направлению к противнику и пропали в ночи, словно растаяли...

Рассвет рухнул на ворошиловцев артиллерийскими залпами, огневым треском десятков пулеметов, истошным диким воем атакующих по всему фронту казаков. Примчался Пархоменко, зычно крича:

— Где командарм?

— Видали его, поскакал на Каменскую!

Пархоменко повернул коня и так стиснул ему бока ногами, что конь, несясь вихрем, долго и обиженно тряс головой, фыркал и косился на всадника.

Издали еще среди наскоро окопавшихся бойцов Пархоменко увидел у пулемета знакомую фигуру. Из-за горы взмыл самолет противника, бросил на окопы луганцев бомбу. Пархоменко зажмурился.

Когда он открыл глаза, позади окопов дымилась, как кратер вулкана, воронка от бомбы.

— Ты, Саша? — не оборачиваясь, спросил Ворошилов, как только Пархоменко лег рядом.

— Я, Климент Ефремыч!

— Держись, горячо будет!

— Чую я, чую! — баском отозвался Пархоменко и вдруг захохотал, уткнувшись лицом в папаху.

— Чего так весел?

— Да как же, Клим, шахтеры-то наши, чуешь? Как ты их распек вчера, они ж у себя в полку целый митинг созвали. А потом, не говоря худого слова, пошли добывать Елисеева. Бис их знает, как они откопали его! А чтобы не скучно было возвращаться, прихватили с собой двух немцев. От же орлы!

— Знаю, — ответил Ворошилов. — Мы с Рудневым допрашивали пленных. Это пехотинцы 91-й германской дивизии. Они показали, что командир экспедиционного корпуса генерал фон Кнерзер подтянул резервы и объединился с казаками. Теперь до самой Лихой не отстанут от нас. Вот и они сами!

Из-за гребня холма показались немецкие цепи.

— А славно ж идут! — сказал Пархоменко, невольно залюбовавшись строгостью движения цепей.

— Сейчас лягут! — усмехнулся Ворошилов, подпуская цепи ближе.

Потом скомандовал «Огонь!» и сам взялся за пулемет. Как подрезанные, немцы залегли. Офицеры подняли их. Пулеметный и винтовочный огонь ворошиловцев положил их во второй и в третий раз. Не подбирая убитых и раненых, немцы отползли обратно за холм.

— Саша, оставайся здесь, я на другой участок!

— А ну, пощекочем того фон-барона! — пробасил Пархоменко и занял у пулемета место своего друга.

Бой вскипал по всей изломанной, местами прорванной линии фронта. Натиск немцев и казаков крепчал с каждым часом. Ворошилова видели всюду, где дело принимало плохой оборот.

Красноармейцы дрались мужественно, переходя в контратаки. Оборванные, почерневшие от пыли и утомления, не зная приемов штыкового боя, шахтеры крушили немцев прикладами, держа винтовку за дуло, работая ею как обушком в шахте.

С окровавленным клинком в руке Ворошилов носился с участка на участок, руководя боем. Это становилось все трудней в возрастающей путанице атак и контратак, среди куда-то скачущей и возвращающейся назад кавалерии и батарейцев.

Не радовали и донесения командиров и ординарцев. Продолжая контрнаступление, противник обходил Гундоровскую к северу от Донца и по двум сторонам железнодорожного пути. Усиливая огонь артиллерии, немцы умело переносили его с участка на участок.

Отряды слабели. Ворошилов разослал ординарцев с приказанием отходить. Одни ординарцы плохо справились с задачей, другие были перехвачены противником и изрублены на месте. Для далеко вырвавшегося вперед луганского отряда Латы-

Ворошилов и Пархоменко врезались на конях в самую гущу отрядов.

шева положение становилось критическим.

Тогда Ворошилов сам бросился навыручку. На взмыленном храпящем коне влетел он на курган:

— Назад! Противник обходит нас справа от Донца! Да спокойно, спокойно, луганцы, без паники!

Отстреливаясь от наседавшего противника, отряды начали отходить цепями к пылающей станице Гундоровской.

Наступил вечер, но беспрестанные залпы немецких батарей и пожар освещали место боя. Пехотным и кавалерийским атакам белых и немцев шахтеры потеряли счет. Казалось уж, никуда не вырваться из огненной ловушки. Отряды смешались, перестали слушать командиров.

Ворошилов и Пархоменко врезались на конях в самую гущу отрядов.

— Черноплясов!—закричал Ворошилов, и шашка в его руке вспыхнула, отражая огонь пожара. — Где твои люди? В цепь, в цепь, говорю тебе! Локотош! Собирай пулеметчиков! Семен Снесаренко, а что батька скажет, где твой пулемет? Шахтеры, не показывай генералу спину! Сулинцы, назад! Буйков, Придорожко—именем революции—в цепь! Я сам буду с вами! Кому спину показываете? Грабителям? А эшелоны, эшелоны? Белякам на потеху? В це-е-епь!

Ураганом несся над отрядами артиллерийский огонь. Вокруг командарма падали убитые, протягивали руки к товарищам раненые. Каждую секунду и он мог разделить их участь.

— Так, так Черноплясов! Хорошо держишься, Локотош! — раздавался голос командарма.— Есть пулемет, Снесаренко? А ну угости германца! Угости их, Семен, по-лугански! Хорошо ведешь цепь, Черноплясов! Вперед, вперед!

— Есть, товарищ командарм!

Шахтеры, повернув лицом к врагу, готовы были встретить его штыком. Пулемет Семена ударил по казакам, уже начавшим рубить бойцов. Пархоменко залег у второго пулемета. Как горошинки от барабана отскакивали немцы и казаки назад, в ночь.

Теперь шахтеры отходили хорошо, цепь за цепью. Противник, сам понесший серьезные потери, преследовал лениво.

★

Охрипший от крика, еле стоявший на ногах Руднев услышал стремительный топот копыт. Из темноты вырвался всадник, с головы до ног покрытый пылью, с почерневшим лицом, со следами крови на нем и на рукавах, с окровавленным клинком, без шапки. Всадник не соскочил, а почти упал с коня.

— Эшелоны, Руднев, эшелоны?

Руднев поднял тяжелую, словно не свою руку к козырьку, попытался щелкнуть каблуками.

— Товарищ командарм! — доложил он, шатаясь от усталости. — Благополучно миновав район Каменской—Гундоровской, все восемьдесят эшелонов прошли мост через Донец и следуют к станции Лихая и на Царицын! Все!

Ворошилов крепко обнял и расцеловал начальника штаба.

Так кончилось Гундоровское дело...

□ □ □

„Ястребки“

Герой Советского Союза комбриг Б. А. ТУРЖАНСКИЙ

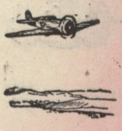
Я летчик-истребитель. Самое слово «истребитель» говорит о том, что я должен что-то истреблять. Что же именно? Конечно, вражеские самолеты, если враг посмеет напасть на советскую землю.

Вот уже 25 лет, как к войне на суше и на море прибавилась война в воздухе. Самолет не успел еще опериться, и мотор у него был ненадежный, поднимался он на небольшую высоту, а его уже применили для военной разведки. Было это сделано впервые в 1912 году, во время балканской войны. Тогда самолеты летали со скоростью 50—70 километров в час. Моторы были маленькие, слабые — всего в 50 лошадиных сил. Но военные начальники ухватились даже за такой самолет, потому что никакими другими средствами нельзя было глубоко заглянуть в тыл противника.

В скором времени воздушные разведчики стали брать с собой маленькие бомбы и, вылетая на разведку, попутно сбрасывали их на проходящие колонны противника. Правда, в цель тогда попадали редко, но панику наводили порядочную.

К 1914 году, ко времени мировой империалистической войны, самолеты значительно усовершенствовались: они уже могли летать со скоростью 100 километров в час и залетали глубоко в тыл противника.

В начале войны воздушных боев не было. Впервые воздушный бой провел знаменитый русский летчик капитан Нестеров. Он налетел на австрийский самолет, ударил его колесами и сбил. Тогда только так и можно было воевать в воздухе, ибо пулеметов на самолетах не было. Некоторые летчики пытались стрелять по самолету противника из пистолета. Некоторые брали с собой винтовки, но попасть из них во врага было трудно, хотя скорость полета в сравнении со скоростью нынешних самолетов была незначительная.

Вот когда на самолетах появились пулеметы, тогда и начались воздушные бои, началось «разделение труда» у самолетов. Вначале один и тот же самолет и разведывал, и бомбы сбрасывал, и таранил противника колесами. А тут появились специальные самолеты-разведчики, специальные тяжелые машины-бомбардировщики и самолеты-истребители, кото-

рые отличались большей скоростью, лучшей маневренностью.

Теперь у нас военная авиация имеет в основном четыре типа самолетов.

С а м о л е т ы - р а з в е д ч и к и. Их дело — пробраться в тыл противника и при помощи особых фотоаппаратов сфотографировать местность, установить, где сосредоточиваются войска противника, где находятся его базы, аэродромы и т. д.

С а м о л е т ы - ш т у р м о в и к и. Это небольшие машины с мощными моторами. Их задача — подкрасться на малой высоте к колоннам противника и уничтожить их, сбрасывая бомбы и расстреливая из пулеметов.

С а м о л е т ы - б о м б а р д и р о в щ и к и. Мощные машины, могущие забрать большой груз бомб и запас горючего, чтобы, проникнув далеко в тыл противника, уничтожить его аэродромы, узловые станции, заводы, имеющие военное значение, шоссейные дороги, мосты.

И, наконец, с а м о л е т ы - и с т р е б и т е л и. Их цель — уничтожать авиацию противника на аэродромах и в воздушных боях.

Многообразны и сложны задачи, которые в будущей войне должна будет решать истребительная авиация. Вот, отвечая на удар врага, ринулись в тыл противника мощные бомбардировщики, чтобы уничтожить его военные базы. Вместе с бомбардировщиками летят истребители. Плотным кольцом окружили они грозные машины. Если появятся вражеские самолеты, истребители вступят с ними в бой, прокладывая дорогу бомбардировщикам.

Наши наземные войска собираются перейти в наступление. Мы, истребители, должны уничтожить аэродромы разведывательной, штурмовой и легкой бомбардировочной авиации противника, чтобы вражеские самолеты не помешали нашей пехоте и танкам прорвать оборонительный рубеж врага. Мы не должны допустить ни одного вражеского самолета-разведчика близко к расположению наших частей, одновременно охраняя наших воздушных разведчиков от истребителей противника.

Наземные войска перешли в атаку. Мы, истребители, внимательно следим за воздухом, прикрывая действие наших штурмовиков и легких бомбардировщиков. Мы знаем, что в этот момент, чтобы сорвать атаку, враг попытается напасть на наши танки и артиллерию, которая огненным шквалом расчищает дорогу пехоте. Особое внимание мы уделяем защите артиллерии от воздушного врага.

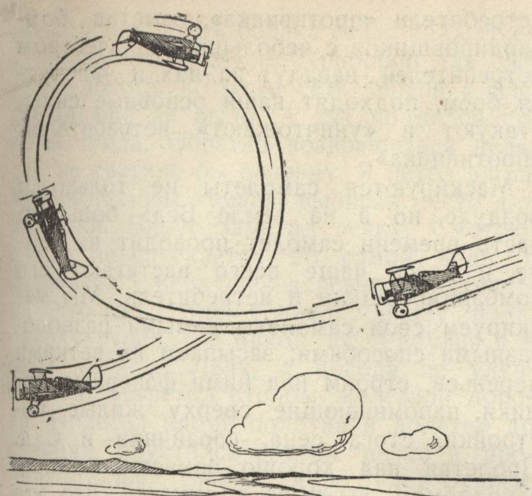
На каждом этапе боя перед нами, истребителями, стоят сложные и трудные задачи. Как же мы их решаем? Как сражаемся в воздухе?

Познакомлю вас с тем, что такое высший пилотаж. В самом начале развития авиации самолет мог летать только в одной плоскости, не отклоняясь ни вправо, ни влево, не забирая особенно вверх и не опускаясь слишком резко вниз. Тот же Нестеров, который провел первый воздушный бой, доказал, что «в воздухе — всюду опора». Он первый в мире проделал «мертвую петлю». Что это такое, вы можете видеть каждый день над любым нашим аэродромом. Летчик опускает нос самолета, набирает большую скорость, потом плавным движением ручки на себя поднимает нос самолета вверх. Самолет как бы ложится на спину, описывает круг в воздухе и переходит в первоначальное положение. Прежде чем проделать петлю, Нестеров доказал теоретически, что сделать такую фигуру на самолете вполне возможно и неопасно. Эта петля и является основой высшего пилотажа.

В воздухе встречаются два самолета. Оба они летят с огромной скоростью, оба вооружены пулеметами. Кто победит? Победит не только тот, у кого самолет летит быстрее, но и тот, кто более ловко управляет машиной. Нужно знать, где у противника уязвимое место, и поразить это место пулеметным огнем. У истребителя пулеметы расположены впереди, значит, когда я встречаюсь с вражеским истребителем, мне нужно зайти к нему под хвост. Это — его слабое место. Я делаю «мертвую петлю», вырываюсь из-под носа вражеского самолета, захожу ему в тыл и нажимаю гашетки пулеметов.

У бомбардировщика есть пулеметы и спереди и сзади. Но и у него можно найти так называемые мертвые углы, то есть такие углы, куда он не может стрелять. С такого угла я и подхожу, расстреливая вражескую машину.

«Мертвая петля»—основная, но не единственная фигура высшего пилотажа. Летчик-истребитель должен прекрасно уметь делать глубокие виражи. Вы замечали,

«Мертвая петля».

что когда велосипедисту нужно повернуть вправо, он старается наклонить машину вправо: так ему легче повернуть. Велосипедист едет со скоростью 10—15 километров в час, а мы летаем со скоростью 500—600 километров в час. И, чтобы нам быстро повернуть свою машину, для этого нужно положить ее на крыло, то есть поставить боком по отношению к земле. В таком положении мы быстро поворачиваем самолет, с какой бы скоростью он ни шел.

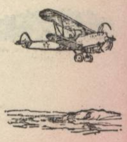
Одна из фигур высшего пилотажа называется «бочкой». Она называется так потому, что самолет, проделывая эту фигуру, поворачивается вокруг своей оси, описывая кончиками крыльев цилиндр — «бочку».

Из петли и «бочки» составляются очень важная для нас фигура — «иммельман». Представьте себе, что противник находится выше вас и летит навстречу. Вы разгоняете самолет, начинаете делать петлю, но в самой высшей точке петли вы вдруг делаете «бочку» и оказываетесь прямо под хвостом у противника, то есть в самом выгодном для себя положении.

Много еще есть разных фигур высшего пилотажа, которые должен усвоить летчик-истребитель. Он должен, например, уметь летать на крыле, то есть боком по отношению к земле; он должен уметь делать любые штопоры, то есть лететь, вращаясь вокруг своей оси, и вертикально вниз, и горизонтально, и вверх. Он должен научиться комбинировать все эти фигуры. Ведь в воздушном бою все происходит молниеносно. Все решает секунда, и часто от одной фигуры надо переходить к другой, от другой — к третьей, и все это на протяжении буквально нескольких секунд.

Прежде чем получить звание летчика-истребителя, пилот долго обучается в школе, проходит все фигуры высшего пилотажа на учебном самолете, а потом уже — на боевом. Не каждый способен стать летчиком-истребителем. Когда при скорости самолета в 500 километров в час нужно быстро переменить направление, тело летчика и все его внутренние органы как бы сплющиваются: организм выдерживает огромную нагрузку. Только исключительно здоровые люди могут быть летчиками-истребителями. Поэтому берегите свое здоровье, свое зрение, слух, сердце. Как часто приходят к нам в летные школы молодые ребята: они горят желанием стать летчиками, а медицинская комиссия их пропустить не может. Разговорившись с такими людьми, узнаешь, что одни из них чересчур увлекались в детстве футболом: гоняли мяч до одурения и испортили себе сердце; другие любят читать лежа в кровати при тусклом освещении и испортили зрение. Помните, что ваше здоровье в ваших руках. Занимайтесь физкультурой, гимнастикой, берегите свое здоровье. Лишь в этом случае вы сможете в будущем стать летчиками.

Но летчик-истребитель должен быть не только хорошим пилотом. Одной техники пилотирования мало: он должен быть и замечательным стрелком. Ведь на огромной скорости, после ряда переворотов, петель, виражей нужно хладнокровно и метко выпустить в противника пулеметную очередь. Он должен прекрасно знать устройство самолета, мотора, всех приборов. Он должен знать тактику воздушного боя. Только в самом начале империалистической войны происходили индивидуальные воздушные бои — один на один. Теперь бои ведут большие группы самолетов. У нас, советских истребителей, правило — «Все за одного, один за всех». Если звено самолетов летит и атакует противника и в то же время противник другими своими самолетами старается атаковать это звено, мы выделяем одного или двух летчиков для отражения атаки, а сами продолжаем бить намеченного противника. Если звено атакует бом-

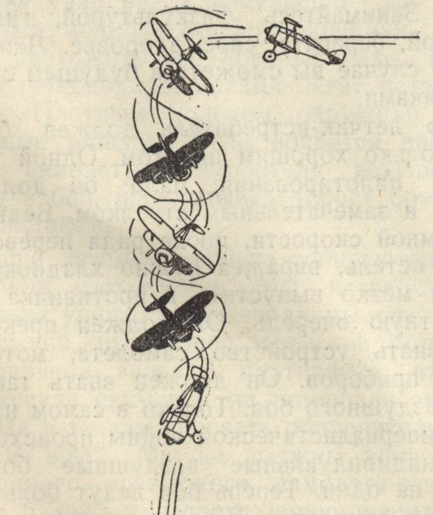

бардировщика, а на него налетает неприятель, то другое звено немедленно атакует атакующего. Получается как бы цепочка. Мы учимся сражаться коллективно, сплоченно. Никогда советский летчик не оставит товарища в беде.

Нам нужно уметь хорошо маскироваться в воздухе. Замаскировавшись, мы можем напасть внезапно, а внезапность часто решает успех воздушного боя. Для маскировки мы используем облака и солнце. Вот видим: летят вражеские бомбардировщики. Заходим за облачко и там ждем их. Из-за облака мы выходим только в самую последнюю минуту, когда бомбардировщики находятся под нами, и атакуем их стремительно и внезапно.

Вражеский самолет нужно всегда атаковать не по солнцу, а тогда, когда солнце будет светить неприятельскому летчику в глаза, то есть атаковать со стороны солнца: он смотрит на солнце и не видит, а вам по солнцу все хорошо видно.

Учимся мы пользоваться военной хитростью. Разыгрывая воздушные бои, мы часто выпускаем бомбардировщиков с небольшой группой истребителей, а через некоторое время, минуты через три, когда

«Штопор».

истребители «противника», заметив бомбардировщиков с небольшим количеством истребителей, нападут на них и увлекутся боем, подходят наши основные силы, атакуют и «уничтожают» истребителей «противника».

Маскируются самолеты не только в воздухе, но и на земле. Ведь большую часть времени самолет проводит на земле, и здесь чаще всего настигают его бомбардировщики и истребители. Мы маскируем свои самолеты самыми разнообразными способами; засыпаем их ветками деревьев, строим над ними фанерные домики, напоминающие сверху жилые постройки, стога сена, сарайчики и т. д. Пролетая над хорошо замаскированным аэродромом, вы и не подумаете, что это аэродром. Поле аэродрома нужно замаскировать так, чтобы оно не казалось сверху ровной площадкой. Для этого полосу земли на аэродроме посыпают опилками, сверху кажется, будто бы через площадку проходит дорога. Или подкрашивают траву в одном месте в более светлый тон, в другом — в более темный. Сверху кажется, будто здесь канавы.

Летчик-истребитель должен быть хорошим радистом. Теперь все наши самолеты оборудованы прекрасными радиостанциями. В воздухе каждый командир может свободно управлять по радио своим подразделением. Он говорит, кому атаковать бомбардировщик, а кому ожидать и где, на какой высоте. Руководя боем, он дает задания летчикам. В шлем каждого летчика вделаны наушники; через них он слышит приказания.

Я летаю уже давно, с 1921 года. Летал на «фарманах», обладавших скоростью 60 километров в час, летал на «ньюпорах» со скоростью 100—120 километров. Учил меня высшему пилотажу Михаил Михайлович Громов. Как вышел из школы летчиком-истребителем, так до сего времени и работаю в авиации. Много за это время сменил я самолетов, много в моей летной практике было интересных случаев.

Однажды, это было в 1931 году, летел я на истребителе из Москвы в Брянск. Бензина на истребителе — ограниченное количество, так как иначе самолет не мог бы быть истребителем, не мог бы быстро летать и быстро набирать высоту. У меня бензина было в обрез. Рассчитал, что после посадки его останется минут на 10 полета. Вначале лететь бы-

ло хорошо, потом облака стали снижаться и прижимать к земле. Приборов для слепого полета, которые есть теперь у нас, тогда еще не было. А тут поднялся густой туман. Обратно возвращаться нельзя: не хватило бы бензину. Я летел вдоль густой полосы тумана, выбирая место для посадки. Вдруг заметил речку. Смотрю: туман не спускается до самой воды, а держится у верхушек деревьев, получается что-то вроде тоннеля: внизу вода, сверху туман, а с боков лес. Ринулся я в этот тоннель. Лечу, а погода не улучшается. Встретил столбы железной дороги. Полетел вдоль полотна и долетел до станции, опустился совсем низко и прочел: «Болва». Значит, скоро будет Брянск. Прилетел на станцию Брянск. Пассажиры, прогуливавшиеся по перрону, махали мне руками, приветствовали, даже не подозревая, в каком критическом положении я нахожусь, ибо аэродром, к которому я летел, расположен значительно выше чем линия железной дороги и сплошь был закрыт туманом.

Стал я опять искать место для посадки. Нашел маленькую площадку, хотел приземлиться, но там женщина с ребенком косила траву. Вновь дал газ, решил пробиться сквозь туман. Пробился. И вот подо мной белая равнина, как бы молочное море. Где находится аэродром, неизвестно. Положение критическое. Бензина оставалось на несколько минут полета. Вновь опустился я вниз, вновь нашел станцию и, ориентируясь по станции, наугад пошел к аэродрому. Тут я заметил, что в одном месте туман прорезывают какие-то искорки. «Очевидно, здесь аэродром, и оттуда подают мне сигналы ракетами»,— подумал я. Сбавил газ, наощупь стал планировать. Когда высотомер показывал ноль, я увидел серую, темноватую поверхность и прикоснулся колесами к земле.

Я говорил вам о многих качествах летчика-истребителя. Но самое главное — это обладать смелостью и напористостью, которая свойственна большевикам, крепко любить свою родину и быть готовым ради блага ее пойти на любой подвиг, на любое испытание. Так воспитывает летчиков наш любимый вождь товарищ Сталин.

В прошлом году в боях у Хасана наши летчики оправдали надежды партии и советского народа. В разгар боя за высоту Заозерную вслед за бомбардировщиками вылетели истребители. Японские зенитки открыли по ним сильный огонь. Но наши летчики умело маневрировали. Лейтенант Иван Кукин следил с воздуха за выстрелами японских зениток: по отблеску он установил, где находятся орудия. Сделав искусный боевой разворот, Кукин отвесно устремился на цель, расстреливая из пулемета японских зенитчиков. Умолкли зенитки, японские артиллеристы переползли в блиндажи. Кукин знал, что японцы появятся снова, и решил пойти на хитрость: он перевернулся через крыло, сделал «бочку» и, став на крыло, начал падать вниз. Японцы решили, что самолет Кукина поврежден и вот-вот разобьется. Они быстро выскочили из блиндажей и, на ходу хватая снаряды, бросились к зенитке, чтобы вновь открыть огонь. В этот момент Кукин выровнял самолет, взлетел вверх и, ринувшись вниз, вновь открыл огонь по врагу. Снаряды выпали из рук японцев, зенитная установка была окончательно разгромлена. Так проучил японцев храбрый советский летчик-истребитель.

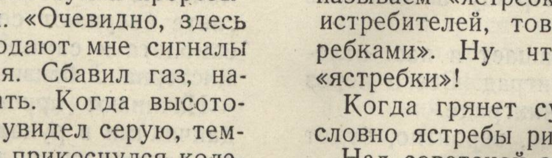
Наши машины мы часто ласкательно называем «ястребками». И нас, летчиков-истребителей, товарищи называют «ястребками». Ну что ж: «ястребки» так «ястребки»!

Когда грянет суровый час войны, мы словно ястребы ринемся на врага.

Над советской землей, в советском воздухе вражеским самолетам никогда не летать!

Над чужой землей, на чужой земле мы будем громить врагов!

«Бочка».

День аэропорта

Н. Шамет

Наши бабушки и дедушки считали переезд из Москвы в Петербург таким событием, к которому готовились неделями. И это не удивительно: в 1846 году Николай Гаврилович Чернышевский ехал на лошадях эти шестьсот пятьдесят километров четверо суток.

Но для каждого поколения (ученые считают человеческое поколение в 30 лет) Москва и Ленинград становятся все ближе и ближе друг к другу.

Когда построили вторую в России железную дорогу (Петербург — Москва), время на переезд между этими городами сильно сжалось. Наши отцы уже через 15—20 часов попадали из одного города в другой.

А мы можем попасть из Москвы в Ленинград еще быстрее.

Рано утром вы приезжаете в Московский аэропорт. В здании аэровокзала мягкие кресла и диваны, цветы и зеркала. Он похож на комнаты отдыха санатория.

Только радио напоминает, что это вокзал. Радиоголос сообщает:

— Производится посадка на самолет, вылетающий по маршруту Москва — Свердловск — Новосибирск — Иркутск в 9 часов 05 минут. Прошу пассажиров пройти на посадку...

Но вот радио приглашает и нас: отлетает самолет на Ленинград. Всего через два часа мы уже в Ленинграде.

Следующее поколение, вероятно, будет тратить на перемещение из одного города в другой минут 30—40. Вы живете в Москве, а вам захотелось послушать сегодня вечером оперу в Ленинграде: за три четверти часа до начала спектакля вы вылетите из Москвы, побываете на спектакле и возвратитесь в тот же вечер домой.

Сейчас вы можете долететь из Москвы до Иркутска (4700 километров) за 51 час (с ночевками в Свердловске и Новосибирске); до Ашхабада — за 12 часов; до Ташкента (3050 километров) — за 26 часов (с ночевкой в Актюбинске); до Баку (2215 километров) — за 8 часов.

Это — здание аэровокзала. Сооружение на крыше — аэромаяк: мощный прожектор и пирамида из неоновых трубок

Каждый день из Московского аэропорта улетает 40—50 самолетов с 100—120 пассажирами, да и прилетает столько же.

Очень трудно сказать, когда начинается день аэропорта. Аэропорт принадлежит к таким организмам города, которые живут все 24 часа в сутки. В любую из 1440 минут суток вы, повернув выключатель, зажигаете в комнате свет; открыв кран, получаете воду. Так и аэропорт: когда бы вы ни пришли в него, он всегда работает. Поэтому давайте посмотрим жизнь аэропорта с начала новых суток — после 24 часов.

Первыми приходят в аэропорт бортмеханики первых отлетающих самолетов. Еще темно. При свете переносных прожекторов механики начинают осмотр самолетов. Рычат моторы. В электрическом свете сверкают серебристые машины. От самолета к самолету ездит грузная автоцистерна с бензином.

Начинают приезжать летчики с чемоданчиками в руках. Они заходят в комнату дежурного и диспетчерскую — сердце аэропорта. Большие самолеты обслуживает экипаж из 5—6 человек: из первого и второго пилота, двух бортмехаников, бортрадиста и стюардессы — буфетчицы. На небольших машинах летают пилот и бортмеханик, он же и бортрадист.

Пилот Николаев выходит от дежурного с планшеткой и небольшим кожаным портфелем — бортбухом — с бортовыми документами. В них сообщается, сколько пассажиров и какой груз повезет летчик. В планшетке — алюминиевой коробке с прозрачной стенкой—намотана на роликах

карта трассы, по которой пилот поведет самолет. Полетная карта легко передвигается на роликах.

Тов. Николаев забегает в комнату метеорологической службы за бланком погоды.

— Ну, какую погодку вы мне приготовили на Симферополь? — спрашивает пилот дежурного синоптика.

Пилот наклоняется над кольцевой картой погоды. Она вся испещрена сотнями линий, значков, цифр. Синоптик сообщает пилоту облачность, высоту облаков, видимость, направление ветра по трассе. Пилот благодарит и шутит:

— Все хорошо, нельзя ли только в Крыму циклон задержать часа на два?..

В соседней комнате работает пишущая машинка. К ее клавишам никто не прикасается, но она сама акуратно выстукивает названия городов, а за ними ряды цифр... Это телетайп. Телеграф получает сотни телеграмм от аэро-метеорологических станций Гражданского аэрофлота, метеонаблюдателей и из Западной Европы со сводками погоды. Все эти сведения сейчас же передаются по телеграфному проводу на телетайп, и он их сам печатает. Каждые два часа составляются новые карты погоды. Больше десятка работников работает в метеослужбе аэропорта: аэрологи, синоптики, дежурные, наблюдатели, информаторы.

Получив сведения о погоде, пилот Николаев быстро шагает к сектору—той части аэродрома, откуда улетают самолеты.

У машины его встречает механик.

— Здравствуйте. Как, все в порядке?— спрашивает пилот.

— Да, все в порядке.

Но в авиации есть железный закон: никогда не полагайся на других — обязательно проверь все сам.

Пилот быстро осматривает самолет и забирается в кабину. К самолету подъезжает автостартер. Это грузовичок, на котором установлена горизонтальная металлическая труба. Автостартер нацеливается отверстием трубы на храповик винта и подъезжает к самолету. Труба начинает быстро вращать винт и заводит мотор.

Моторы работают четко, из-под колес самолета убирают деревянные колодки, и летчик подруливает к месту посадки пассажиров.

Радио вызывает пассажиров из вокзала. Диспетчер по сектору ведет их к само-

Посадка пассажиров на скоростной самолет «ПС-84». К дверце самолета носильщик подкатывает лесенку.

лету. Крошечный электрокар, управляемый носильщиком, везет вещи пассажиров. К двери самолета подкатывается лесенка, и один за другим пассажиры скрываются в кабине самолета, рассаживаются по мягким, удобным креслам. Одни из них с удовольствием поглядывают на буфетную стойку. Другие косятся на большие пакеты около окон. Это для тех, кто страдает морской болезнью.

Диспетчер по сектору пробует, крепко ли заперта дверь за пассажирами, и махает белым флажком. Летчик дает газ, моторы рычат, и самолет движется на старт.

Жалко выглядит большая серебряная птица, когда она медленно ползет по полю, оставляя за собой облако пыли. Ее движения неуклюжи, на выбоинах она неуверенно трясет крыльями. Но как чудесно меняется эта птица, когда отрывается от земли: неуклюжесть исчезает, все ее движения в воздухе уверенны, точны, красивы!

Пилот подруливает к полотняному посадочному «Т» на старте, ставит машину против ветра и поднимает руку: просит старт. Стартер осматривает взлетную полосу. Она свободна. Стартер поднимает белый флаг и медленно опускает его: указывает направление взлета. Самолет сначала медленно скользит по земле, затем все быстрее и быстрее и, наконец, почти незаметно отрывается от аэродрома.

Не успел отлететь один самолет, как от самолетных стоянок ползет уже другой. Диспетчер по сектору ведет новую группу пассажиров. Но, увы, одного пасса-

жира не хватает. Тщетно надрывается радио:

— Пассажира Петрова, имеющего билет на Ташкент на 9 часов 15 минут, просят поторопиться!

24 пассажира по лесенке взбираются внутрь красавца «ПС-84». Место двадцать пятого остается пустым. Диспетчер захлопывает дверь, и самолет рулит на старт. В это время из здания аэропорта выскакивает грузный гражданин с портфелем и горестно наблюдает, как вдали самолет отрывается от земли.

После 11 часов у диспетчера по сектору работы прибавляется: начинают прилетать самолеты. Диспетчер наблюдает за посадкой самолета и засекает время его приземления. Он встречает пассажиров и сопровождает их в здание вокзала.

Пассажиры вышли из самолета, багаж выгружен, и пилот отруливает самолет к ангарам. Там его уже ждет техническая бригада. К остановившемуся самолету подходят сменный инженер и старший техник.

Пилот спрыгивает с самолета и говорит:

— Мотор в порядке. Только винт трясет — надо отбалансировать. Проверьте также указатель скорости...

У сменного инженера в руках цветные карточки с названиями частей и деталей самолета. Цвет и номер карточки соответствуют количеству часов, налетанных самолетом. Чем больше часов налетал самолет, тем больше его деталей тщательно осматривается и меняется. Инженер занес на карточку все замечания пилота и говорит бригаде:

— Осматривать по форме номер два.

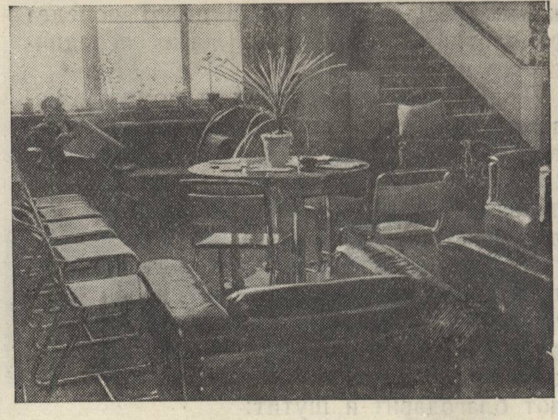
Пилот идет к дежурному по порту, чтобы сдать бортбух, доложить о рейсе. Его ждет автомобиль, чтобы отвезти в санаторий, где он будет отдыхать до следующего утра.

К самолету подползает трактор, берет его на буксир и везет на самолетную стоянку. Забавно смотреть, как крошка-трактор тянет за собой гигантский самолет.

К концу дня все чаще и чаще самолеты подруливают к стоянке. Только сел один самолет, как над аэропортом появился другой. Но взлетная полоса занята. На аэродроме раскладываются, по специальному коду, полотнища крестом: посадка запрещена. Самолет делает несколько кругов над аэродромом: пилот ждет, когда

Уголок аэровокзала. Мягкая красивая мебель, цветы, зеркала напоминают дом отдыха.

снова разложат полотнища буквой «Т» — разрешат посадку.

По радио, телеграфу, телефону к диспетчеру поступают сообщения о самолетах. Каждый час каждый самолет сообщает о своем местонахождении, иногда запрашивает о погоде. Аэропорты на трассах передают о прилете и отлете самолетов. Больше тысячи сообщений приходит за день к диспетчеру.

Уже в сумерках прилетел последний самолет. Последний пилот доложил, как прошел рейс. Здание аэровокзала пустеет.

Только в комнатах дежурного по порту и диспетчера горит огонь. Там готовятся к следующему дню, составляется расписание: какие самолеты куда полетят, какой груз повезут, какие пилоты будут вести самолеты.

На самолетной стоянке тоже кипит работа: техническая бригада осматривает самолеты, исправляет их. Длинными рядами стоят машины, начиная от громадных «ПС-84» и кончая небольшими «Р-5», на которых первые Герои Советского Союза вывозили челюскинцев из ледового лагеря. На борту самолетов буква «Л» — линейные. Но на некоторых самолетах она заменена буквой «И». Эти самолеты принадлежат отдельным заводам. Буквой «Ш» обозначаются школьные самолеты, «Ф» — для фотосъемки.

Дежурному по аэропорту приносят радиотелеграмму: самолет задержан сильным встречным ветром, пилот просит разрешить ему продолжать полет до Москвы и сделать ночную посадку.

Дежурный, зная, что самолет ведет пилот высокой квалификации, дает радио:

«Ночная посадка разрешена».

На центральном посту электрического управления дежурный светотехник подходит к беломраморному щиту и один за другим включает рубильники.

На всех высоких зданиях и мачтах, окружающих аэродром, загораются заградительные огни. Это сильные лампочки под красным колпаком. Над зданием аэровокзала вспыхивает аэромаяк — вращающийся прожектор. Его луч описывает круг, и по этому лучу, то вспыхивающему, то скрывающемуся, пилот, как по указательному пальцу, узнает, где аэродром. Рядом, на крыше, светится деревянная модель самолета, усеянная электрическими лампочками. Самолет этот на шарикоподшипнике, и ветер легко его вращает. По светящейся модели самолета пилот узнает, откуда дует ветер.

На месте посадки тоже готовятся к приему самолета. Из разноцветных фонарей выкладывается посадочный знак «Т». Полоса из фонарей разделяет сторону посадки самолетов и сторону взлета. В ста метрах сзади «Т» подъезжает грузовик с громадным прожектором. Это посадочная станция.

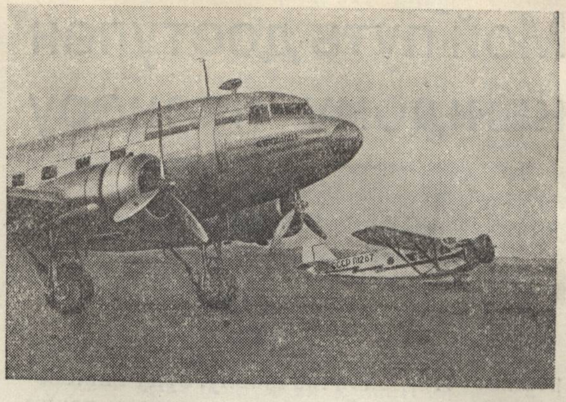
Далеко на небе загораются зеленые и красные звездочки: это ходовые огни на самолете. Они все ближе и ближе и, наконец, появляются над аэродромом. Дежурный по полетам пускает ракету, и в темном небе рассыпаются зеленые звездочки: «Аэродром к посадке годен».

Мощный прожектор посадочной станции загорается. Его сила — 10 тысяч ватт (больше миллиона свечей). Он выхватывает из темноты прямоугольник аэродрома 200 × 600 метров. Этот мощный поток света кажется окруженным непроницаемыми черными стенами.

Пилот поворачивает самолет против ветра и садится на освещенный прямоугольник. Тухнет прожектор, и самолет рулит к аэровокзалу.

Еще интереснее, как самолет отправляют с аэродрома в тумане.

Когда самолет взлетает, пилот ведет его точно по прямой линии. Для этого он берет какой-либо ориентир впереди себя, метрах в 300—400: здание, мачту, дерево — и ведет самолет на ориентир. Если

Слева самолет «ПС-84». Он вмещает 25 пассажиров и летит со скоростью 300 километров в час. Справа самолет «Сталь-3».

ориентира нет, самолет может уклониться в сторону и силой инерции его занесет. Какие же в тумане ориентиры, когда уже в 30—40 метрах плохо видно? Тогда на взлетную дорожку выносят семь — восемь жестяных противней, вроде тех, какими пользуются хозяйки, только на невысоких ножках. На противни кладут тряпки, обливают их из бидонов отработанным маслом от самолетов и бензином и зажигают. Противни расставляют метрах в 50 друг от друга. Получается линия ярких костров. Пилот смотрит из рубки самолета слева. Оставляя костры слева, он ведет самолет по прямой линии, параллельно кострам. А когда самолет оторвался от земли, пилот ведет самолет по приборам.

При посадке самолета в тумане над аэровокзалом зажигается неоновый маяк: это большая пирамида, стороны которой сделаны из стеклянных трубок, наполненных неоном. Они очень ярко горят красным светом и далеко видны даже в тумане. С аэродрома пускаются красные и зеленые ракеты, и пилот сажает машину вдоль костров.

Как видите, пассажирские самолеты могут летать в любое время суток и в любую погоду.

На фоне светлеющего неба перед зданием вырисовывается силуэт статуи Ленина, указывающего вверх, на небо, которое человек подчинил своей воле и пользуется им для передвижения так же, как водой и землей.

Мой путь доступен каждому пионеру

А. С. ЯКОВЛЕВ,
конструктор-орденоносец

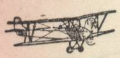

С малых лет увлекался я техникой и решил, что, окончив школу, буду инженером. Но, если бы меня спросили, каким инженером ты хочешь быть, я бы не ответил: не знал.

В ряды строителей самолетов привел меня такой случай. Это было, кажется, в 1923 году. Тогда английские капиталисты порвали отношения с Советским Союзом, грозили нам войной. Как-то после уроков к нам в класс пришел товарищ из райкома комсомола и объявил: «Кто хочет собирать средства на постройку эскадрильи самолетов «Наш ответ Чемберлену», пусть зайдет в учебную часть и получит кружку».

И вот на другой день, расталкивая локтями пассажиров, позвякивая висевшей на груди кружкой, я вместе с другими сборщиками носился из трамвая в трамвай, собирая пожертвования на постройку эскадрильи самолетов «Наш ответ Чемберлену».

Кружка быстро наполнялась. Я видел, с какой охотой советские люди вкладывали свои копейки в строительство советского воздушного флота. Мне казалось, что даже на деньги, собранные нашей школой, можно построить самолет, а ведь сбор средств происходил по всей стране. Сколько же самолетов будет построено на эти средства, подсчитывал я. Получалось очень много. И эти самолеты должны быть самыми хорошими в мире. Вот тогда-то и решил я стать конструктором самолетов.

Начал с авиомоделизма. Делал маленькие модели. Вначале они и не думали летать, но это меня не смущало. Я был настойчив и продолжал строить модели. Как обрадовался я, когда одна из них полетела. Мне казалось, что у меня у самого за спиной выросли крылья.

На всю жизнь связал я свою судьбу с авиацией. Поступил на службу в авиационный отряд Академии помощником моториста. Мне очень нравилось работать на аэродроме. Ведь там я имел возможность летать и изучать самолеты, а это моя страсть.

Работая в Академии, я задумал построить авиэтку. Целый год составлял чертежи и расчеты. 1 мая 1927 года самолет был готов. Плавно набирая высоту, поднялся он в голубое небо. Попробуйте стать на мое место — и вы поймете, какой гордостью было наполнено мое сердце. Ведь это был мой первый самолет!

Никогда не забуду той горячей поддержки, которую мне оказали пионеры и школьники. На деньги, собранные советской детворой, была построена моя вторая авиэтка. В августе 1929 года пионеры, участники Всесоюзного слета, приехали к бойцам в Октябрьские лагери. Самым торжественным событием этого дня было появление самолета в синем безоблачном небе. Ребята кричали «ура». Самолет спустился низко-низко, так что пионеры с земли хорошо видели лицо летчика. На самолете красовалась четкая надпись: «Пионерская правда».

Теперь я уже давно окончил Военно-воздушную академию и строю настоящие самолеты. Они, конечно, гораздо лучше первых. Я уже дал стране больше двадцати конструкций самолетов.

Тем из вас, кто станет летчиками, может быть, придется на моих самолетах летать. На самолетах моей конструкции советские летчики установили пятнадцать международных рекордов.

Скоро будет выпущен новый спортивный самолет. Скорость этой машины будет более 300 километров в час. Как и самолеты прежних конструкций, новая машина проста в производстве, легко управляется, доступна для учебных целей. Этой простоты мы добились упорным трудом. Во время работы встречалось много трудностей, порой казалось, что их нельзя даже преодолеть. Но так уж, видно, воспитаны советские конструкторы, что какие бы трудности нам ни встречались, мы не прячемся от них, а, наоборот, засучив рукав вступаем с ними в бой и всегда добиваемся победы.

Для того чтобы наш новый самолет быстрее летал, нужно было сделать обшивку крыльев и фюзеляжа гладкой, или, как говорят авиационные работники, зализанной. Нам долго не удавалось сделать такую обшивку. Высыхая, фанера, из которой мы делали обшивку, стягивалась и коробилась. Шестьдесят девять способов пришлось нам испробовать, пока, наконец, семидесятый дал хорошие результаты.

Новая спортивная машина готова. Скоро ее вывезут на стартовую дорожку и молодой летчик-испытатель комсомолка Катя Медникова поведет новую машину в испытательный полет. Быть может, на этой машине наши сталинские соколы установят новые рекорды, а мы, полюбовавшись тем, как ведет себя в воздухе наша новая машина, вернемся к себе на завод, соберемся в моем рабочем кабинете и скажем: «Ну вот, еще одну машину построили. Давайте продолжать работу. Давайте строить такую машину, которая будет еще лучше прежней». И опять начнутся поиски и опыты.

Я часто вспоминаю те годы, когда был авиомоделистом. Преодоление первых неудач приучило меня к настойчивости, и, самое главное, я уже тогда понял, что при желании и систематической работе над собой человек может добиться всего. И я до сих пор верен этому золотому правилу, которому учит нас товарищ Сталин, лично уделяющий нам, конструкторам самолетов, и летчикам много внимания и заботы.

Поэтому наша авиация с гордостью носит имя Сталинской авиации.

Осень 1929 года. Молодой конструктор А. С. Яковлев знакомит ребят с самолетом «Пионерская правда», построенным на средства, собранные пионерами и школьниками.

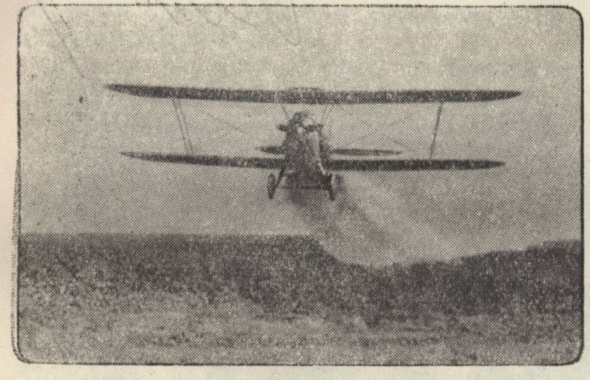
Над полями, лесами и реками

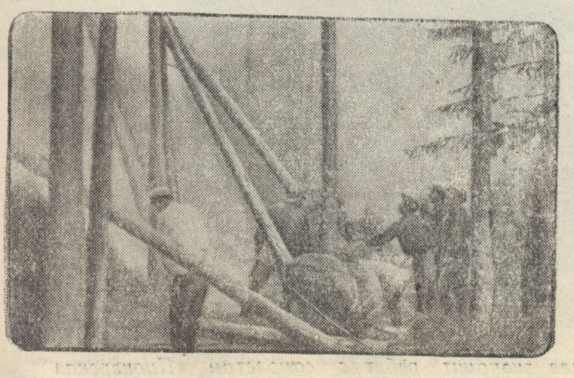
Самолет против саранчи

Раздвигая веслом густой камыш, пробирается на маленькой легкой лодке разведчик, проверяя, не появилась ли саранча. Ему хорошо известны повадки этого прожорливого вредителя. В поисках пищи молодая саранча, прыгая как кузнечик, перебирается через широкие реки, забивается в камыши и сидит там до тех пор, пока у нее не вырастут крылья.

Но не всегда саранче удается отрастить крылья, подняться и совершить опустошающий налет на поля. Разведчик подоспел вовремя. Он обнаружил саранчу, когда она переходила реку. Расставив на этом месте флажки так, чтобы их было видно с самолета, разведчик поплыл домой.

В штабе экспедиции по борьбе с саранчой он подробно рассказал, где обнаружил саранчу. Утром туда прилетел самолет. Покружившись немного над камышами и рассмотрев флажки, летчик включил прибор, разбрасывающий мышьяковистый порошок. На траве лежала роса, было тихо, и яд ровно ложился на отмеченную флажками площадь. Пилот работал час. Опылил он сто пятьдесят гектаров зараженного саранчой поля. Жадно пожирая отравленную траву, саранча будто бы опьянела. Утром, когда взошло солнце, вся опыленная самолетом площадь превратилась в кладбище саранчи.

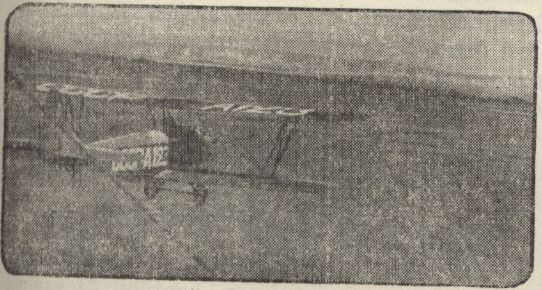

Воздушный пожарный

Над лесом низко летел самолет. Наклонившись через борт, пилот смотрел вниз. Под самолетом был густой сосновый лес. Вдруг пилот заметил дымок. Он спустился пониже и увидел, что горит валежник. Обычно так начинаются все лесные пожары. Сбросив над ближайшим колхозом вымпел с запиской, предупреждающей о пожаре, самолет улетел на базу.

Колхозники на автомобиле приехали тушить пожар. Заработали топоры, пилы, лопаты. Валились стройные сосны, взлетала земля из-под лопат. Преградить дорогу огню можно было, только вырубив просеку, вырыв широкие ямы.

А в это время на базе лесной авиации прозвучала боевая тревога. Застегивая на ходу ранцевые опрыскиватели, к самолету бежали парашютисты. В самолет погрузили грузовой парашют с боеприпасами, и «воздушный пожарный» поднялся в воздух.

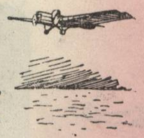
Недалеко от места пожара опустился грузовой парашют. За ним следом приземлились парашютисты-пожарные. Быстро, по-военному, развязали бойцы парашют, забрали инструменты и побежали туда, откуда валил дым. Пока парашютисты и колхозники тушили пожар, «воздушный пожарный» кружился над поляной и наблюдал за работой.

Изо дня в день кружат самолеты-разведчики над богатыми лесами нашей родины, берегут их от пожаров.

Крылатый сеятель

На бугорке сидели колхозники и оживленно беседовали о весеннем севе. Погода стояла хорошая, солнечная. Сев в такую погоду обеспечит хороший урожай.

Около колхозников лежал ворох длинных палок с флажками. Бригадир курил и посматривал на дорогу. Вот на дороге показался всадник. Осадив разгоряченного коня, всадник сказал бригадиру:

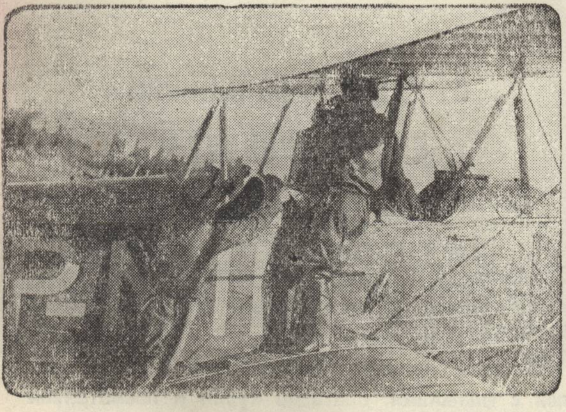

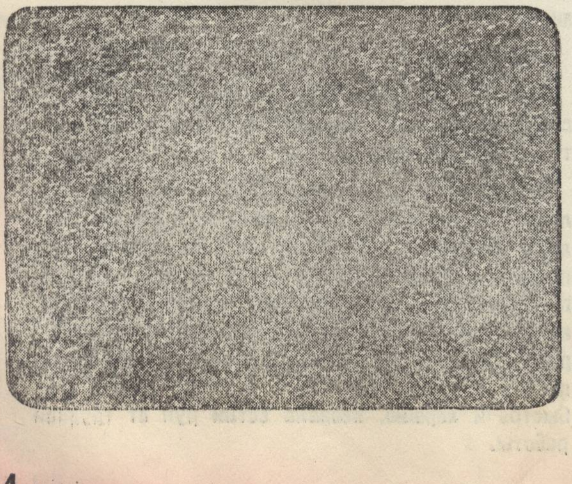
— Вылетел.

— Ну, товарищи, приступаем к работе,— сказал бригадир.— Берите сигналы и расходитесь по своим местам.

Колхозники разошлись и встали по углам залитого водой поля. Вдали показался самолет. Он летел низко, и колхозники хорошо видели лицо пилота. Опустившись на шесть метров от земли, пилот открыл бак аэросеялки. Самолет летал над колхозниками, державшими флажки, и семена риса, переливаясь на солнце, словно снежинки, падали в грязь. Крылатый сеятель посеял рис быстро и хорошо, избавив сотни рук от трудной работы.

Рыба на самолете

В Абхазии водится маленькая рыбка — гамбузия. Замечательна она тем, что питается личинками малярийного комара. И размножается гамбузия быстро. Стоит пустить эту рыбку в водоем, зараженный малярийным комаром, рыбка все личинки поест, и водоем будет обезврежен.

Гамбузии в Абхазии много. Абхазия могла бы поделиться этой рыбкой с другими республиками, но вот беда-то: гамбузия не переносит длительного путешествия. В поезде ее возить нельзя: не довезешь, рыбка погибнет. И вот тут пришли на помощь пилоты. Они сказали:

— Сделайте для гамбузии специальный жбанчик, и мы попробуем возить ее на самолетах.

Сделали жбан. Наловили гамбузии, и погрузили жбан в самолет. Самолет поднялся в воздух и вскоре прилетел на Украину. Рыбку пустили в водоем, в котором была уйма личинок малярийного комара, и она прекрасно там прижилась. С тех пор стали возить гамбузию на самолетах.

И летчики хорошо знают своего нового «пассажира». Когда на аэродром приносят белый жбан, летчики говорят:

— Опять гамбузия. Ставьте жбан в кабину.

И так путешествует замечательная рыбка на самолетах из Абхазии на Украину, с Украины на Северный Кавказ, с Северного Кавказа в Среднюю Азию. И там, где появляется гамбузия, там уже нет житья разносчикам малярии — малярийным комарам.

С высоты трех тысяч метров

Этот снимок напоминает шкурку барашка. А если посмотреть на него в лупу, поймешь, что это лес. Так он выглядит с самолета. Самолет летел на высоте трех тысяч метров, когда лес был сфотографирован.

По снимкам, сделанным с самолета, делают карты. В военное время фотографы помогут Красной Армии громить врага. Они залетят на самолетах на территорию противника и сфотографируют расположение его частей. По снимкам будут составлены карты. Карта для командира,— что боевое оружие. Герой гражданской войны Василий Иванович Чапаев часто говорил бойцам:

— Вы, ребята, помните: без карты никакой боевой задачи не выполнишь. Без карты в бою, как без огня ночью.

Черный дракон

Повесть

Алексей Югов *(Окончание)* *Рис. Б. Винокурова*

17

В этом году Вася Крапивин спаровал своих птиц раньше обычного дней на десять — на двенадцать, а теперь уж начинал раскаиваться, потому что стояли еще холода, и он опасался за жизнь и здоровье молодняка.

Но что было делать, если с началом таяния снегов Васей Крапивиным овладевало нестерпимое желание поскорее открыть весенний круг радостей и забот голубевода начиная с момента, когда, натаскав в гнездо стебли, солому, перья, голубь глухими, стонущими звуками зазывает туда голубку, а если она упрямится, не хочет насиживать, то слегка клюет ее, и кончая незабываемыми днями, когда подросшие молодые, еще не научившиеся как следует подбирать корм, бегают за старыми и, хлопая крыльями, выпрашивают у них зерна?

А между этими двумя пределами разветиха и безмятежна жизнь хозяина голубятни? Конечно, если он настоящий, а не такой, как бывают некоторые: сегодня у него голубятня, а завтра, поглядишь, побывал он в Зоопарке, насмотрелся там всякой всячины и сейчас голубей своих на птичий рынок, а заводит себе аквариум или же белых мышей.

Нет, Вася Крапивин был не из таких. Он вел голубей уже три года, и хотя долгое время у него не было ни одной редкой птицы и держал он их исключительно для гона,— он и невзрачных своих турманов и чистых белопоясых нежно любил и не ослабил за ними ухода даже и тогда, когда стал обладателем черного дракона.

Памятуя, что птица любит чистоту, он мыл своих голубей в теплой воде с мылом не менее трех раз в лето. В этом деле ему помогала Катя Зайцева: одному

было трудно. В жаркий день Вася выносил на двор табуретку, а помощница его — таз, кувшин и примус. Из всех девочек двора только одной Кате разрешили брать на улицу такую ценную и необходимую в хозяйстве вещь, как примус.

Первое время Крапивин очень смущался под взглядами любопытных, особенно когда на их счет с Зайцевой отпускались какие-нибудь насмешливые замечания. «Уж лучше бы мне одному как-нибудь обойтись или пригласить кого-либо из мальчишек, а то вот будут теперь дразнить»,— думал он, хмурясь, и от этих мыслей все движения его становились неуклюжими, слишком резкими, в то время как при мытье голубя нужно особенно бережно и держать его и раздвигать перья, а то можно так помять, что потом это отразится на полете.

Однажды Катя смотрела, смотрела, как неловко обращается он с птицей, затем, ни слова не говоря, поставила на землю кувшин, из которого она поливала голубя водой, и протянула за голубем руку.

Вася не понял ее движения.

— Ты чего? — спросил он.

— Дай сюда,— сказала она,— я буду мыть, а ты — поливать.

И она взяла у него птицу да так хорошо, с такой сноровкой, как будто опытный любитель: лапки голубю она зажала между указательным и средним пальцами правой руки так, что брюшко пришлось на ладонь, а большой палец лег на крестец птицы; в таком положении голубь не сделает даже ни малейшего движения, чтобы освободиться.

Левой рукой Катя закрепила гребенкой волосы и, ни на кого не обращая внимания, принялась за мытье голубя. Пальцы ее проворно и в то же время легко бегали по его оперенью, перебирая и глубоко разнимая перышки, так что видна была нежная кожа. Таким образом теплая мыльная вода забегала повсюду, растворяя жирную смазку и удаляя ее вместе с грязью.

Вася поливал из кувшина. Затем, осторожно отжав воду из разбухшего оперенья, Катя осушала голубя и сажала его в чистый ящик, устланный тряпками, потом принималась за другого.

Так постепенно, видя, как спокойно и просто относится к сотрудничеству с ним Катя Зайцева, как совсем не обращает она внимания ни на какие насмешки, Вася Крапивин и сам перестал стыдиться товарищей, и теперь можно было иногда услыхать в жаркий день, как, сделав рупор из рук, он кричал на весь двор так, чтобы слышно было у Зайцевых на третьем этаже:

— Зайцева, иди голубей мыть!

Благодаря такому уходу голуби Васи Крапивина совсем не страдали от паразитов, этого бича многих голубятен.

Благополучно было и насчет весьма распространенных голубиных болезней. Но вот этой весной почти неизлечимый «гнилец» унес одну старую голубку. К несчастью, это была самая лучшая кормилка, выкармливавшая не только своих, но и чужих птенцов. Вася Крапивин был в отчаянии. Молодняку грозила гибель. Крапивин попробовал было прибегнуть к помощи стеклянной капельницы. Он опрокидывал голубенка на спину и, держа его в левой руке, слегка раскрывая ему клюв левым указательным пальцем, правой рукой вкладывал в рот голубенка капельницу и выдавливал из нее жидкую пшенную кашу, слегка подсоленную и присыпанную мелким песком.

Но такой способ кормления грозил затянуться надолго. Тогда он вспомнил, что в крайнем случае можно прибегнуть и к другому способу, тоже весьма распространенному среди старых голубеводов.

Вася Крапивин сбегал домой, достал несколько белых сухариков и, разжевав их, принялся кормить птенцов прямо изо рта.

За этим занятием и застал его Коля Ершов.

— Голубятник, здорово! — крикнул он врасплох, незаметно поднявшись по лестнице и высунув голову в полуоткрытую дверь.

Крапивин вздрогнул и чуть не выронил голубенка. Обернувшись, он увидел Ершова.

— Ох, ты Ерш! — смущенно и укоризненно проговорил он.— Чуть из-за тебя молодого не раздавил.

С этими словами он встал, чтобы отнести своего питомца в стоявшую на полке корзинку, выстланную серой ватой.

— А ну, ну, покажи хоть, какие они? — обратился к нему Ершов.

Вася поливал из кувшина...

— Да что его показывать? Обыкновенный голубенок, и все... Еще и перьев нет: пушок да пенечки.

— Пенечки?! — переспросил Ершов.— Какие это пенечки?!

Он расхохотался.

— Ну как их иначе назовешь? — сконфуженно сказал Вася Крапивин.— Вот посмотри сам,— он поднес голубенка к самому носу Ершова.

Тот с брезгливой гримасой отдернул голову.

— Фу, гадость какая! Чего ты мне его в нос суешь?! Да я бы такого и в руки никогда не взял: общипанный... голова утюгом... рот во всю голову... Не разберешь, галчонок или голубенок... Убери, убери своего красавца!— говорил он, отстраняя руку товарища с лежащим на ней питомцем.

Вася Крапивин обиделся.

— Ты сам такой же красавец был, когда родился! — мрачно возразил он, рассмешив этим Ершова.— Ну да! Чего ты смеешься? Ты знаешь, что ему только двенадцать дней, недавно еще только глаза открылись?!

— А-а! Ну, тогда другое дело! — с притворным раскаянием сказал Ершов.— Ну, тогда давай посмотрю...

Настроение Васи Крапивина сразу изменилось, он с легким сердцем простил другу его насмешки и с готовностью намеревался переложить в его ладонь своего голубенка.

Но Ершов отклонил (на сей раз ласково) эту высокую честь, которую хозяин голубятни едва ли оказал бы кому-либо другому.

— Нет, нет, я лучше так посмотрю, на твоей ладони! Ты знаешь, Вася,— продолжал Ершов в тоне дружеского признания,— я ведь вот ничего и никого не боюсь: к любой цепной собаке подойду и даже не дрогну, буду ей в глаза смотреть, и все... Или, например, другие говорят, что ни за что в жизни бы с самолета с парашютом не прыгнули, а мне бы только разрешили!.. А вот почему-то воробья или вот хоть этого голубенка мне ни за что в руки не взять. Не то, что боюсь, а вот не могу взять, и все... Если в перчатках,— возьму.

Крапивин кивал головой.

— Да, да,— согласился он, улыбаясь,—

есть такие... А почему его не взять? Мне даже приятно: пушистенький, теплый...

Говоря это, он прикоснулся щекой к голубенку.

— Ну, ладно. Положи его. Мне с тобой поговорить надо.

— Сейчас...

Крапивин положил птенца в корзинку и приготовился слушать.

Ершов долго не знал, с чего начать.

— Слушай,— наконец, сказал он,— мы на волейбольные общие деньги решили лучше химическую лабораторию приобрести. Там и твои деньги есть. Так вот, если ты против, то забери свои деньги обратно.

— Обратно? Чего это ради я буду их обратно забирать?! — почти возмущенно воскликнул Крапивин.— Решили лабораторию — и хорошо. И я с вами. Что мне, не интересно, что ли?.. Пожалуйста.

Лицо у Ершова прояснилось:

— Ну, я очень рад. А мы думали, что ты будешь против.

— Чудаки,— сказал Крапивин, и в голосе его послышалась обида.

— Да ты не сердись. Мы думали, что у тебя голуби,— значит, тебе неинтересно опытами заниматься... Ведь вот в кружок ты в химический не записался.

— А мне предлагали?.. Нет. А я бы с удовольствием. Голуби, говорите... А что такое голуби? Голубям — одно время, химии — другое. С голубями кончено—можно и химией позаниматься,— сказал Крапивин и, взглянув на своего друга, почему-то рассмеялся.

Этот смех и слова «с голубями кончено» ввели Ершова в заблуждение, ставшее роковым. Он истолковал его совсем в другом смысле.

— Ура! — вдруг закричал он, схватывая Крапивина за плечи.

В гнездах тревожно приподнялись голуби. Однако Ершов был вне себя от радости и не обратил на это обстоятельство никакого внимания. Он тормошил удивленного Васю и, не давая ему слова вставить, кричал:

— Правильно, Василий Крапивин, молодец! Я всегда говорил нашим ребятам: раз он пионер и умный парень,— значит, это не должно долго продолжаться. Так и выходит. Теперь, значит, у нас помещение есть, можно и лабораторию развернуть! — воскликнул он и взглядом нового хозяина и совладельца обвел голубятню.

Вася Крапивин бледнел, бледнел и бледнел.

— Вот здесь,— продолжал тем временем его друг, поворачиваясь к одной из стен,—придется окно прорубить, а это, пожалуй, так полкой и оставим.

С этими словами он постучал кулаком о стойку. И в тот же миг он быстрым, неосознанным движением отдернул голову, иначе крылья рванувшейся к выходу птицы ударили бы его по лицу.

— Держи, держи!.. Голубь!..— раздался отчаянный вопль Крапивина, и вслед за тем он сам ринулся мимо Ершова и прогрохотал вниз по приставной лестнице, чуть не опрокинув ее на себя.

Ершов оглянулся в распахнутую дверь: вырвавшийся из голубятни голубь успел уйти высоко; теперь он летел по прямой, все удаляясь и удаляясь; по быстрому, торопливому трепетанию крыльев видно было, что он нескоро и остановится.

Чувствуя себя виноватым, Ершов спустился с чердака во двор и стал поджидать Васю. Тот скоро вернулся, запыхавшийся, возбужденный. Глаза у него были просто дикие какие-то.

Еще не доходя до Ершова, он стал кричать, задыхаясь и грозясь на него пальцем:

— Ты!.. Из-за тебя лучший турман улетел!.. Не прилетит он... Знаю я... Напугал ты его... У меня сроду в голубятне никто не стучал!..

Ершов, дружески улыбаясь, пытался остановить его и утешить, но он быстро, как белка, вскарабкался по лестнице и исчез в голубятне. Дверь, однако, оставалась открытой. Так они переговаривались: один сверху, другой снизу.

— Ну, брось, Васька! Чего ерундишь в самом деле?! Подумаешь ведь, важность какая: один турман улетел! Да он и прилетит еще. Зачем он тебе, когда ты все равно всех голубей решил ликвидировать?

Услыхав последние слова Ершова, Крапивин в один прыжок очутился у дверей голубятни.

— Чего-о?!— закричал он, бросая сверху на Ершова испепеляющий взгляд и сопровождая слова своим мрачным сме-

хом.— Я решил голубей ликвидировать?! Приснилось?! Ты проснись, Коля, это тебе приснилось,— еще раз повторил он понравившееся ему словечко.

Ершов презрительно усмехнулся. Ему хотелось до конца сохранить хладнокровие, достойное пионера. С некоторых пор он приучался во время ссоры как бы глядеть на себя со стороны: это помогало сдерживать гнев. В такие мгновения в его памяти всплывали целые выражения вроде следующих: «Ни один мускул не дрогнул в его лице... только смертельная бледность разлилась...» И тогда действительно ему удавалось разговаривать с готовым броситься на него противником весело и язвительно.

— Нет, товарищ Крапивин,— сказал он.— Мне-то ничего не приснилось. А вот что ты на попятный пошел — это да. Я довольно ясно слышал твои слова.

— Что ты слышал, ну что?

— Слышал, что ты сказал: «С голубями покончено». А потом, когда я сказал тебе, что мы на это помещение рассчитываем, тебе жалко стало, ты и на попятный.

Вася прямо-таки ошеломлен был подобным истолкованием своих слов. Но теперь уж поздно было убеждать Ершова, что тот неправильно понял, да и не хотелось.

— Ты бы слушал ухом, а не брюхом!— крикнул Крапивин сверху.

Ершова так и передернуло всего. «И кто это с ним так смеет разговаривать?! Васька Крапивин, который еще вчера во всем ему повиновался! Ну, погоди же ты!»

Он молчал несколько мгновений, напряженно придумывая клички пообиднее, побольнее. Наконец, нашел, но еще некоторое время молчал, стараясь набраться спокойствия.

— Не достоин ты звания пионера,— сказал он раздельно. — Не пионер ты, а голубиная мамка!

Удар был нанесен меткий: противник задохнулся от оскорбления.

— А ты... А ты...— бормотал он растерянно, ища глазами по голубятне, чем бы это бросить в Ершова.— Ерш, Ерш, сопливый! — вдруг закричал он сквозь слезы, высовываясь из дверей и придерживаясь одной рукой за косяк.

— Из сопливых ершей уха хорошая, из ершей уха хорошая!

Он обманулся в своих ожиданиях. Его противник, сознавая, насколько прозвище, придуманное им, язвительнее и острее, оставался невозмутимым. Он только бросил голубятнику надменный вызов:

— А ну, голубиная мамка, попробуй-ка, сойди сюда, если не боишься!

На крыше голубятни, высовываясь над головой Крапивина, лежал махальный шест. Его можно было легко достать с порога. Не успел Ершов отскочить, как шест, сдернутый с крыши, оказался вдруг в руках голубятника и тот уж норовил достать им Ершова. Однако отличавшийся большой ловкостью и смекалкой Ершов не отстранился даже, а просто-напросто ухватился за привязанную к шесту тряпку и потянул ее книзу.

Крапивин меньше всего ожидал столь коварного движения с его стороны. Он чуть-чуть не свалился с крыши и едва успел удержаться за косяк. Но шест он так и не выпустил.

Молча, багровея от натуги, они тянули шест: один вверх, другой вниз. Но Ершову не за что было удержаться. Тогда он сильно рванул тряпку и отодрал ее напрочь. Вася Крапивин чуть было не опрокинулся внутрь голубятни вместе с шестом.

— Отдай! Тебе говорят, отдай! — закричал он, увидев тряпку в руках противника.

— Ничего,— отозвался насмешливо Ершов.— В крайнем случае ты ведь и своим пионерским галстуком гонять не постесняешься.

— А еще вожатый звена! Эх, ты!—сказал Вася, воспользовавшись неудачной фразой Ершова, чтобы пристыдить его.— К чему ты такие глупости говоришь? Сам так не любишь, когда тебя ребята за галстук хватают! А что, у нас не одинаковые галстуки, что ли?.. Мой, наверное, хуже твоего?! Эх ты, вожатый!

Он достиг своей цели: Ершову стало стыдно, хотя он и старался скрыть это.

— Уж ты бы молчал,— раздраженно возразил он.— Тебе ли о галстуке говорить, когда тебе и в отряде-то не место: ты за голубей все отдашь... На, бери свой «вымпел»,—он швырнул тряпку на землю и, небрежно посвистывая, стал удаляться.

Но перед тем как завернуть за угол, он обернулся и крикнул:

— Все равно, Крапивин, недолго твоим голубям здесь быть! Вот помяни мое слово!

1

Два дня Ершов не был в школе из-за ангины. И никогда еще время не тянулось для него столь томительно. А уж за этот промежуток ему дважды звонила по телефону Маруся Чугунова: справлялась, скоро ли он появится в школе.

— Да я-то рвусь, а мать, вот, кажется, еще собирается меня законсервировать,— отвечал он.

— Ну приходи, приходи. Ох, какие новости у нас в школе!

— Какие?

— А вот не скажу. Авось, поправишься поскорее. А то подумаешь: «Я сегодня инвалид, у меня живот болит, больно мне ворочаться, в класс идти не хочется!»

— Ну, брось, Чугунова! Я не из таких.

— Да я пошутила. Правда, приходи скорее. Новости у нас какие! — опять повторила она.

— Ну вот какая! — уж начинал сердиться он.— «Новости, новости», а сама ни с места! Говори, что ли.

И, вероятно, Маруся еще немного помучала бы его да и сказала, но в это время в трубке послышались какие-то невнятные голоса, затем слова Маруси «Сейчас я кончаю», сказанные кому-то в сторону и с оттенком раздражения, а потом Ершов услыхал:

— Ну прощай! Я по автоматическому говорю, из аптеки. Ладно уж, придешь и все узнаешь.

И она повесила трубку.

— Вот чудачка! — проворчал Ершов, отходя от телефона. — Какие там у нее особенные новости могут быть?

Он томился в нетерпении. Наконец, благодаря содействию отца ему удалось вырваться из дому к середине дня — на сбор отряда.

Поспешно сбросив пальто, Ершов выбежал из вестибюля на школьный двор, где уже собрались ребята.

Оглядевшись, он, и не спрашивая ни у кого, догадался, о какой новости говорила ему по телефону Маруся Чугунова.

Золотистоволосая коренастая комсомолка, стриженая, в майке, с широким алым галстуком и в ковровой яркой тюбетейке стояла на усыпанной песком площадке, окруженная ребятами.

Она заводила игру. В руках у нее был большой мяч, раза в два больше чем волейбольный.

Казалось, ей никак, несмотря ни на какие ее усилия, не удается избавиться от мяча. Как бы далеко она его ни забрасывала, он через короткое время обязательно возвращался к ней, словно притянутый незримой резиной.

Вот как будто бы вокруг мяча завязалась, наконец, в стороне горячая схватка. Ребята отхлынули все туда, но вдруг упругий шар, прыгающий по кончикам напряженно вытянутых пальцев, внезапно ныряет, подобно поплавку удочки зазевавшегося рыболова, затем вновь выныривает где-нибудь далеко и уж не в тех руках, которые его схватили, и в конце концов опять возвращается к вожатой.

Да, это была новая вожатая, как поспешили сообщить Ершову ребята, не участвовавшие в игре.

Звали ее Лена. А фамилия ее была совсем необычайная, звонкая: Дзендзелло.

Ершов, стоя в сторонке, пристально и хмуро всматривался в движения новой вожатой.

И вдруг какое-то странное чувство внезапно и непонятно почему возникшей уверенности, что теперь все должно пойти по-иному, а не так, как при старом вожатом Волкове, вызвало у него улыбку.

— Так... — пробормотал он про себя. — Так... Лена Дзендзелло... Ну что ж... Sehr gut! — заключил он свои размышления любимым восклицанием Миши Бутылкина.

2

Ершов позвонил. Ему открыла Маруся.

Видно было, что она была удивлена и обрадовалась Ершову. Про него вообще говорили в школе, что он даже разговаривать с девочками не любит — разве уж по необходимости! — и ни у одной еще из девочек своего звена не бывал надому.

Не входя в коридор, Ершов приветствовал Марусю пионерским салютом. Она ответила ему, смутилась. Оба не знали, с чего начинать разговор.

— Ну проходи же в комнату, чего ж ты?.. Снимай пальто... — сказала, наконец, Маруся.

Ершов стал раздеваться. Маруся ждала, приоткрыв дверь в столовую, чтобы осветить коридор.

Ершов стал раздеваться. Маруся ждала, приоткрыв дверь в столовую.

Проходя в комнату вслед за Марусей, Ершов задержался на мгновение и, пользуясь полутьмой коридора, ладонью поправил волосы: почему-то было неловко расческой.

Вдруг Маруся поспешно бросилась к простенку за ее столиком.

— Подожди, не ходи сюда! — крикнула она Ершову, пытаясь снять со стены чей-то портрет, приколотый кнопками.

Но он уже стоял возле стола.

— Ну ладно! — сказала она, оставляя свои попытки. — Только, чтобы никому больше не говорить! Это пускай сюрприз будет. Мы это в нашей лаборатории повесим.

— А кто это? — спросил, рассмеявшись, Ершов и тотчас же догадался.

— А! — сказал он. — Знаю: это самая твоя Мария Кюри!

Маруся молча кивнула головой и стала вкалывать обратно вынутые только что кнопки.

Ершов рассматривал портрет.

— Да-а... какая она... — медленно проговорил он.

— Вот... — покраснев, сказала Маруся и отошла в сторону, чтобы не мешать ему любоваться портретом.

— Купила? — спросил он.

Маруся отрицательно покачала головой и улыбнулась.

Ершов пожал плечами.

— Лена... — объяснила, наконец, Маруся.

— Лена? — спросил Ершов. — Да когда же это она успела? Вы разве с ней говорили об этом?..

— Говорили. Не об этом, а про химию вообще... и что мы хотим свою маленькую лабораторию устроить, только что негде...

— А ведь знаешь, Чугунова, действительно негде, — угрюмо сказал Ершов. — Васька никак не хочет... Я уж с ним...

Он остановился, увидев, как переменилось вдруг лицо Маруси Чугуновой.

— Слушай! — с выражением какой-то отчаянной решимости почти вскричал он. — Я так думаю: раз Васька Крапивин так по-свински поступает с нами, можем и мы с ним не церемониться!

Маруся молчала.

Он стал объяснять ей:

— Думаю, надо попробовать через ваше домоуправление: у нас в конце концов научный кружок... как-никак полезное дело — борьба за знания... а он чорт знает чем занимается: с шестом по крышам лазит... я думаю, они могут пойти нам навстречу.

Маруся перебила его холодным, почти враждебным тоном.

— Нет, нет, этого нельзя делать! — заявила она. — И потом: почему «по-свински», когда на то его законное право: не хочет отдавать свою голубятню, и все!

— Ну тогда уж я не знаю, что... — растерянно пробормотал Ершов.

— А я знаю, — рванувшись к столу, произнесла Маруся и, уж не заботясь больше о целости краев портрета, стала торопливо снимать его со стены.

— Чугунова, ну зачем ты это?! Ну, зачем?!. — вскричал Ершов. — Ну если васькину голубятню нельзя, так ведь еще что-нибудь придумаем. Ведь ты послушай, мы даже с домоуправлением-то и не говорили... Ну?!

Кнопки сыпались на пол...

3

В просторной полуподвальной комнате домоуправления несмотря на солнечный день горело электричество. Было очень накурено, хотя курил один управдом. Над его столом стояли полосы и кольца дыма. Изредка чей-нибудь легкий кашель вызывал в них долго незатихавшее колыхание.

Посетителей было несколько, все больше женщины. Под портретом Ворошилова в морской форме, за большим дубовым столом, сидел, склонив голову, бритоголовый пожилой человек, грузный, в гимнастерке защитного цвета.

Он перешевеливал одну за другой бумаги и книги, лежавшие на столе, заглядывал под них и тихо поругивался. Повидимому, он что-то потерял, какой-то мелкий предмет, и не мог найти. Это, должно быть, и задерживало его посетителей, томившихся в ожидании.

«Да уж не печать ли он потерял?» — подумал Ершов.

Однако нет: вот только что она мелькнула под тем журналом, который как раз и приподнимал управдом. А между тем он все продолжал искать что-то, выдвигая поочередно ящики стола и ощупывая карманы.

— Товарищ управдом, может быть, вы печать ищете? — спросил Ершов.

— Ее, ее, чертовку, — проворчал управдом, продолжая искать.

— Так вот же она! — и Ершов приподнял журнал.

— Ишь ведь! Обеспамятел совсем, старый! — с досадой сказал управдом и рассмеялся. — Вот спасибо, брат! Давай-ка, садись у меня за секретаря, а то наш-то в райсовет ушел, а без него, как без рук, — пошутил он.

Ершов смущенно молчал.

Управдом с ожесточением принялся ставить печати, и скоро посетители были отпущены. Остались Коля Ершов и Миша Бутылкин.

Тогда управдом взял одну из лежавших перед ним на столе недокуренных папирос и повернулся к ребятам.

Тут Ершов заметил на его гимнастерке значок ворошиловского стрелка.

«Ого! — подумал он. — Это хорошо!»

Небрежным движением, словно бы так, между прочим, он распахнул пальто, чтобы можно было увидеть на его груди такой же точно значок. Легкая усмешка мелькнула на лице управдома. Ершов заметил это.

«Не верит, наверно, что это мой собственный значок, подумал, наверно, что у отца взял или, дескать, так просто нацепил».

И ему захотелось объяснить этому человеку, что значок получен им за отличную стрельбу в тире ЦДКА, куда он ча-

сто ходил со своим отцом, тоже ворошиловским стрелком. Но он прекрасно понимал, что ни с того ни с сего не будешь же заговаривать об этом. Он молчал.

— Ну, товарищи дорогие, а вы зачем ко мне пожаловали? — спросил управдом. — Ты ведь, кажется, Бутылкин? — добавил он, посмотрев на Мишу.

— Бутылкин.

— Так. Ну что же вам угодно, товарищи?

— Пускай он говорит, — кивнул на Ершова Чемпион, — мы с ним по общему делу.

— Ну, ворошиловский стрелок?

Ершову пришлось начать:

— Мы, товарищ управдом, работаем в химическом школьном кружке вместе с вашими ребятами... Нас пока пятеро... И вот мы завели для занятий по химии свою маленькую лабораторию, общую, а поместить нам ее негде... Мы вот и пришли от кружка просить вас, не дадите ли вы нам хоть маленькое помещение... опыты делать...

Управдом неожиданно быстро согласился:

— Что же, можно, ребята. Красный уголок вам подойдет?

Ершов с Бутылкиным переглянулись.

— Нет, — сказал Ершов. — Нам так, чтобы на все время... до осени...

— Можно даже и на дворе... какой-нибудь чердак, все равно, — добавил Бутылкин.

Управдом только руками развел:

— Да, братцы вы мои, откуда же я для вас чердаков наберусь?!

Он задумался и застучал тяжелыми пальцами по столу.

— Чердак... чердак... чердак... — постукивая, повторял он.

Бутылкин смотрел на него и улыбался.

— Стоп, — сказал управдом и перестал стучать пальцами. — Будет вам, химики, помещение, есть!.. Есть помещение,— повторил управдом. — Ну, а кто мне поручится, дорогие товарищи, что это действительно на пользу будет, для учебы? А вдруг у вас там озорники заведутся?

Он откинулся немного в сторону и таким взглядом посмотрел на Ершова и Бутылкина, как будто эти озорники уже стояли перед ним.

— В конце концов мы пионеры, товарищ управдом! — спокойно сказал Ершов, поднимая голову.

Управдому это понравилось. Он с явным расположением посматривал на Ершова.

— Да это, впрочем, я так, — сказал он, добродушно рассмеявшись. — У меня ведь из вашей школы была уже здесь вожатая ваша, товарищ Дзен... Дзен... А, и не выговоришь сразу!..

— Дзендзелло, — подсказал Ершов.

— Вот, вот. Ну и она мне прямо-таки поручилась за вас. Да еще и то обещала, что вы у меня здесь всех неорганизованных хлопцев подберете... в кружок свой... Этим меня и взяла... Так что помещение я вам предоставлю в два счета!

С этими словами он тяжело оперся ладонями о стол, встал и запер печать в ящик стола.

Официальная часть разговора была закончена. Взяв со стола свой белый картуз, управдом подошел к Ершову и, бережно потрогав его ворошиловский значок, спросил:

— Давно ли?

И Ершов, обрадованный этим долгожданным вопросом, рассказал, как получил он звание ворошиловского стрелка, сообщив попутно и об отце.

— Добре, добре,— сказал, выслушав его, управдом. — Ну ладно, прощайте покудова.

Он протянул было им руку, но Ершов, а следом за ним и Миша Бутылкин быстро отсалютовали ему по-пионерски, так что рука управдома осталась висеть в воздухе.

Этот большой человек даже растерялся от неожиданности и, не решив сразу, как должен он ответить на их салют, неопределенно помахал приподнятой правой рукой.

— Ну-ну, всего хорошего!..— пробормотал он, глядя им вслед.

4

Вася Крапивин стоял на крыше сарая, позади голубятни, и, опираясь на шест, следил за игрой стаи.

Засмотрелся и проходивший по двору управдом. Ему пришлось даже немного сдвинуть с затылка свою тюбетейку, а то бы упала наверное.

Белая наглаженная рубаха управдома сияла и лоснилась на солнце, словно крыло чистого белопоясого.

Голуби то летели просто и торопливо, словно уходя от опасности, то вдруг шарахались и вслед за этим плавно перестраивались в одну линию; то вдруг снова весь их строгий порядок волнообразно изгибался и перекручивался, как бы выворачиваясь наизнанку.

Вася Крапивин уже давно и с большим удовлетворением заметил, что управдом смотрит на его голубей, но не показывал и виду, что заметил, и даже ни разу не поглядел вниз.

А сам в это время он был как бы со своей стаей и как бы нашептывал ей: «Ну, теперь вот так, вот так, ребята, вот этак развернитесь».

Одна из соседок, проходя мимо управдома, поздоровалась с ним и сказала:

— Любуетесь, Федосей Маркович?

— Да-а... Эскадрилья... — пробурчал управдом, как бы застигнутый врасплох и недовольный этим. — Вот что, друг, сойди-ка сюда на минутку, — позвал он Васю Крапивина.

Тот положил шест и быстро, словно обезьянка, спустился по углу сарая на землю.

— Да... Так-то, видишь ли, товарищ Крапивин... — начал управдом, не глядя на стоявшего перед ним Васю. — Придется, братец ты мой...— тут управдом вынул папиросу, зажег спичку и, раскуривая и попыхивая дымком, от чего голос его сделался глухим и невнятным, продолжал так: — Придется, братец ты мой, тебя побеспокоить...

Сказав эти слова, управдом отшвырнул погасшую спичку и, уже глядя в лицо Крапивину, продолжал деловито и строго:

— Помещение это, — показал на голубятню, — нам понадобилось. Тут уж ничего не поделаешь, придется освободить.

У Васи остановилось дыхание, и сердце сделало два таких сильных удара, что он покачнулся. Потом в лицо кинулся жар, и губы сразу пересохли.

— А как же?.. А куда же я голубей дену? — проговорил он охрипшим голосом.

— Ну... сделаешь клетку, что ли...

— Клетку?! — ужаснувшись, воскликнул голубятник — Что вы, товарищ управдом! Да разве их можно в клетках держать?! У меня вот черный дракон есть, сто пятьдесят рублей стоит, так он и от этих условий чуть не сдох... А если в клетку его, тогда что же будет?!

Управдом развел руками:

— Ну уж как-нибудь, брат ты мой!.. Что же делать?! А по совести сказать, так я бы уж и давно ликвидировал их на твоем месте... Продал там, что ли... Ведь хорошую, стало быть, цену можно взять, а?

Вася ничего не ответил. Лицо управдома как-то потемнело.

— Я так считаю, — продолжал он более жестко, — не вечно же тебе, брат ты мой, по крышам лазать да шестом размахивать. Годочков тебе уж порядочно... учишься... Пора бы чем-нибудь и другим заняться... Да... так вот так-то. Ты давай уж сделай это, не откладывай в долгий ящик, — закончил он решительным распоряжением и отошел от Крапивина.

Вечером Вася пожаловался своему отцу. Отец Васи был вдов, и они жили только вдвоем. Обеды брали в столовой, а дома у них был электрический чайник.

— И ничего ему ненужна моя голубятня, а просто Колька Ершов да здешняя наша одна — Чугунова Маруська — хотят в моей голубятне опыты делать... вот они его и упросили, — закончил Вася Крапивин свою жалобу.

Отец хмурился и так крепко тер ладонью вправо и влево свою раздвоенную рыжеватую бороду, что слышно было, как борода трещала. Такая привычка у него была, когда он сердился на кого-нибудь, а ругаться не хотел.

— Да-а... Неладно это он... Ну погоди, не плачь: сам сегодня схожу, переговорю с Федосеем Марковичем... Не должны они так делать, — заявил отец и погладил его по голове.

У Васи отлегло немного от сердца. После ухода отца он быстро-быстро подмел в комнате и побежал давать вечерний корм голубям.

5

Направляясь на квартиру к управдому, отец Васи Крапивина имел все основания рассчитывать, что ходатайство его за сына не останется без последствий. Он работал дворником в этом домоуправлении больше десяти лет, считался образцовым работником и в день своего десятилетнего юбилея был чествован и премирован бесплатной путевкой на кавказский курорт, где лечат от ревматизма.

Ожидания его как будто оправдались: управдом пригласил его в кабинет, уса-

дил, выслушал внимательно и, подумавши, отвечал так:

— Что ж... Конечно, не скажу, чтобы приятно было мне свое распоряжение отменять, в особенности когда тех ребят обнадежил, но что ж поделаешь, если отец за сына хлопотать пришел,— он усмехнулся. — Ладно, коли так. Можешь, Петр Иваныч, сказать своему голубеводу: пусть не беспокоится, все останется по-старому...

Васин отец заикнулся было благодарить управдома, но тот продолжал:

— Но, признаться откровенно, Петр Иваныч, когда ты вошел, то мне даже и в голову не пришло, что ты с обидой. А когда ты заговорил насчет голубятни, то я, грешным делом, подумал, что ты спасибо пришел сказать, ей-богу.

Петр Иванович удивленно взглянул на управдома.

— Да, да. Думаю: пришел поблагодарить. Ведь у меня у самого дети,— значит, знаю, как трудно иной раз отказать им в чем-нибудь, одернуть... Трудно! — говорил управдом, расхаживая по кабинету и все больше и больше увлекаясь своими рассуждениями. — А почему трудно? Потому что ты отец. И знаешь, иной раз не надо бы этого дозволять, а заплачет — и жалко. Да ну тебя, думаешь, только не реви ты!

Петр Иванович молча покивал головой.

— Ну так вот. Иногда, значит, и благодарен бываешь постороннему человеку, если которого-нибудь из твоих сорванцов одернет, где надо, уму-разуму научит...

— Ну как же, без этого не обойтись!— согласился Петр Иванович.

— Так вот то же самое и с твоим сыном, — продолжал Федосей Маркович. — Я говорю тебе, что так и предполагал: вот, дескать, доволен будет мой Петр Иванович, что если сам не мог на свое чадо милое воздействовать, так хоть другие помогли. Ну в самом деле, ну что это, скажи, пожалуйста, за занятие для четырнадцатилетнего мальчугана, для школьника, — голубей гонять?! Ведь разве ты не знаешь: другие ребята, его сверстники, кто планеры делает сам, кто автомобиль изучает, кто слесарное, кто столярное дело?.. Каждый уж в эти годы себе и дорогу намечает: я в инженеры, я в летчики, я врачом буду... Ну и так далее. Другие химией, физикой занимаются и помимо школы: на учебу налегают, знают, что без этого нынче не прожить... Ну а твой, а твой что?! — почти закричал управдом, останавливаясь перед Петром Ивановичем. — Кем он у тебя будет? Какую он себе дорогу избрал? Инженер-голубятник, так, что ли? — управдом сопровождал эти слова горьким смехом.

Петр Иванович понуро молчал. Федосей Маркович все больше и больше разгорячался:

— Посчитай-ка, сколько времени он на своих голубей тратит. А польза?.. И еще я бы на твоем месте подумал: среди этих голубятников всякий народ есть. Нигде нету столько лодырей и хулиганов, сколько среди этих самых голубятников. Что я, не знаю, что ли?! Ну чему они его научат? Может случиться, что парень и школу забросит. А ведь он у тебя еще и пионер...

Петру Ивановичу становилось не по себе: он перебирал кепку, ерзал на стуле и вздыхал.

А управдом все громил и громил его попустительство:

— А вот коснуться, к примеру, того кружка, для которого я собирался этот чердак передать. Ребята в нем все хорошие, пионеры, хотят на досуге наукой подзаняться, и не так, чтобы лето над книгой корпеть, нет, а так, чтобы повеселее: мы, говорят, будем опыты химические производить, разные фокусы научные показывать... Ну что ж! Это — дело. И еще собираются некоторых наших архаровцев втянуть в это дело. Я думаю, и тебе как дворнику неплохо, если удастся им, я думаю, некоторые озорники наши у тебя в печонках сидят. Ну что? Не верно я говорю?

— Верно, верно, Федосей Маркович.

— Вот... А твоего Василия они в первую очередь, конечно, примут. Не так, что просто: «отдай нам свою голубятню и крышка» — нет. Так он — где же! Ему ведь весь свет голуби заслонили!.. Конечно, я понимаю: судить его строго нельзя: мальчик еще. Но вот что ты, отец, его блажь поддерживаешь, этого я не знал, не знал... А то, конечно, и не начинал бы такого дела. Ты знаешь сам: домоуправление тебя уважает, ценит как работника... Так что какой-то пустяк — чердак какой-то там... Да пожалуйста, пожалуйста! Пускай твой Василий хоть до больших усов своих голубей держит, никто тебе к слова не скажет. Просто я даже

извиниться перед тобой готов, что так вышло... извиниться...

Этого Петр Иванович выдержать не мог.

— Что вы, что вы, Федосей Маркович! — смущенно забормотал он, вскакивая. — Наоборот даже: спасибо вам на ваших словах... истинное родительское спасибо!..

— Я с тобой по-дружески говорил, от чистого сердца, — сказал управдом.

— За то и спасибо, за то и спасибо, Федосей Маркович! — ответил отец Васи Крапивина. — Ну так уж простите за беспокойство.

Он простился и вышел в переднюю. И управдом еще раз повторил:

— Так ты успокой своего сынишку, скажи, что никто его голубей трогать не будет.

— Хорошо, хорошо, Федосей Маркович, — бормотал отец Васи Крапивина, закрывая за собой дверь.

6

...В комнате у Крапивиных было темно.

«Спит, наверное, голубятник-то мой», — подумал Петр Иванович, перешагивая через порог.

Вдруг под ноги ему подвернулось что-то упругое и мягкое. Подошва сапога соскользнула на пол как бы с выпуклой волосатой спины какого-то животного. И в тот же миг кто-то ударил Петра Ивановича палкой по животу, к счастью, не очень сильно.

Он отскочил и трясущимися руками стал зажигать спичку. Головка спички, чуть вспыхнув, обломилась. Но и этой вспышки было достаточно Петру Ивановичу, чтобы убедиться, что он наступил ногой на брошенную у порога половую щетку и ее длинная палка, подскочив, ударила его в живот.

Ворча, он прошел в комнату и открыл выключатель.

— Василий! — сердито позвал он сына.

Однако ему никто не ответил. Он заглянул за ширму, где стояла васина кровать, его там не было.

— Вот ведь какой!.. Ах ты, ах ты!... — заворчал, озлобясь, Петр Иванович и выбежал из комнаты на двор.

Окно голубятни слабо светилось.

— Василий! — крикнул он опять. — Иди домой!

— Иду-у! — послышался в ответ тонкий голос, и скоро Вася с отцовским закрытым фонариком спустился по лестнице на двор.

Когда он проходил, поеживаясь немного, мимо отца, тот выхватил у него фонарь и в молчаливом гневе ткнул кулаком в спину.

Вася побежал в комнату и заплакал.

— Совсем уж обалдел с голубями своими! — кричал отец, давая волю накопившемуся раздражению. — Ни дня, ни ночи уж не знаешь! Другие уж спят давно, а он все с ними там колдует! Дела своего не доделал: где мел, тут и щетку покинул... Фонарь отцов сцапал зачем-то... Ну, Василий, не доведут они тебя до добра, твои голуби!..

Васе нужно было смолчать, и, может быть, все бы и обошлось еще как-нибудь. Но он вдруг перестал плакать и сказал:

— Да-а! Когда и сам фонарь велишь брать, а теперь уж и нельзя стало!..

— Молчать, говорят тебе! — крикнул отец, ударив кулаком по столу.— Ишь, ума набрался, по крышам-то лазя! Завтра же чтобы ты у меня это дело прикончил! Слышишь?! А то сам, собственноручно, всех повыброшу, пускай летят, куда попало. Вот... вот тебе от отца последнее слово... Ну?! Чего сопишь там? Ложись, тебе говорят, спать... А завтра всех их на рынок... Довольно... довольно тебе флачком махать да людей смешить!..

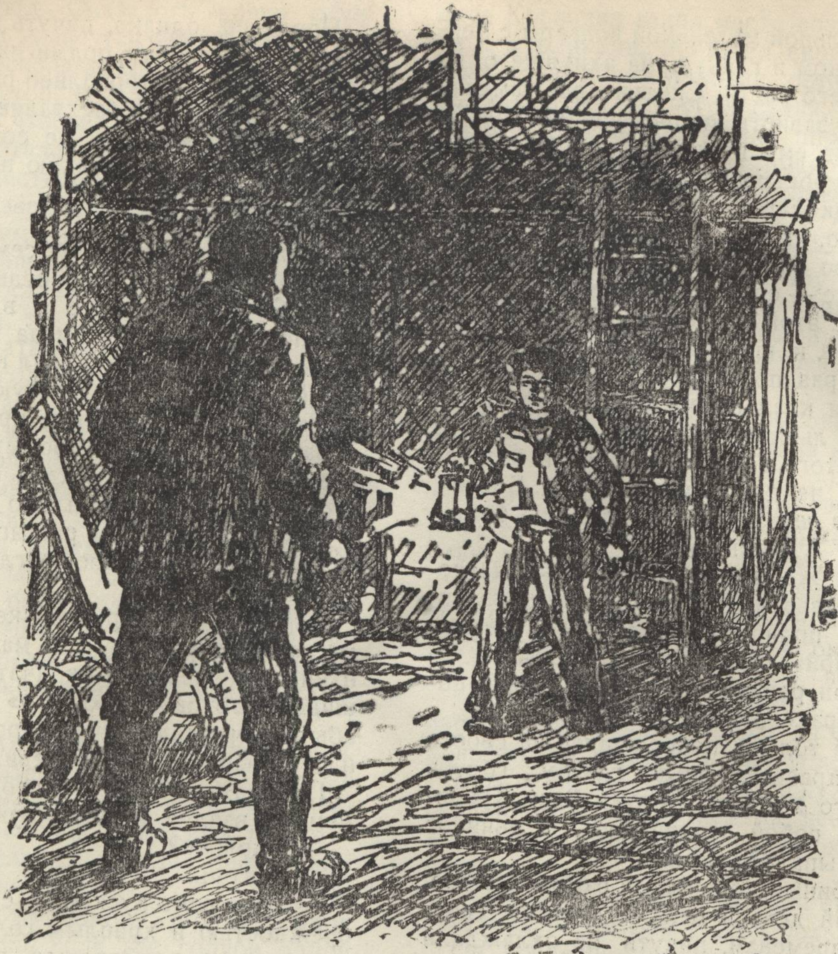
Петр Иванович сел на табурет и стал разуваться.

7

Утром по всему поведению отца было заметно, что за ночь он не изменил своего решения. Да, впрочем, Вася и не сомневался в этом. Отец вообще-то очень редко сердился и кричал на него. Поэтому, увидав отца в таком гневе, он сразу подумал: «Ну, значит, ничего не вышло: отказал ему управдом, потому-то он так и разошелся».

Сопротивляться было бессмысленно. Захватив висевший над кроватью голубиный садок — большую корзину из тонких ивовых прутьев с откидной крышкой,— Вася Крапивин отправился в голубятню.

Еще взял он из дому небольшой холстяной мешочек с льняным семенем, хранившийся в буфете вместе с чайной посудой и сахаром.

Вася с отцовским фонарем спустился по лестнице на двор.

Голуби ничего не знали: подобрав крылья, они бодро похаживали по голубятне и что-то рассказывали друг другу на своем, голубином языке. Их воркование напоминало бульканье лесного ручья.

Вася присел на корточки и стал рассыпать льняное семя полной горстью прямо на полу голубятни.

Голуби сразу распознали свое любимое лакомство и накинулись на него. На этот раз не было никаких ссор, потому что, куда бы любой из них ни повернулся, льняное семя островерхими грядками лежало перед его клювом.

«Пускай уж они поклюют вволю своего любимого, — подумал, глядя на них, Вася Крапивин,— не известно еще, в каких руках окажутся», — и вытряхнул из мешочка последнее.

Такого запаса в обыкновенное время хватило бы месяца на полтора, если давать льняное семя как лакомство, но сегодня Вася Крапивин решил совсем не подсыпать им простого корма. Ему хотелось устроить для них прощальный и незабываемый пир.

Он поостерегся только, как бы не обкормить черного дракона, лишь недавно оправившегося от болезни.

Странные и противоречивые чувства вызывала в нем эта великолепная, но в то же время и зловещего облика птица, этот голубь-ворон!

Вася почти год отработал за нее старику-голубеводу и ничуть не жалел об этом. Для него было наивысшим блаженством пригласить в свою голубятню кого-либо из соседних мальчишек-голубятников, пригласить, ничего не говоря, будто так просто, а потом мимоходом отдернуть зана-

веску отдельной маленькой вольеры с черным драконом и глянуть на ахнувшего, на оторопевшего гостя. Сколько раз замечал он влагой зависти подернувшиеся глаза, сколько раз ему предлагали целую голубятню «мировых» турманов за одного только дракона!

Но он-то, Вася Крапивин, прекрасно знал, что во всей Москве — да и под Москвой тоже — единицами считают представителей этой вымирающей декоративной породы, и, конечно, не соглашался.

Всякий раз после ухода таких посетителей Вася клал перед черным драконом горсточку льняного семени. Но вот что странно: этого голубя он еще ни разу за все время не покормил из руки. Боялся, что ли? Да нет, конечно, — смешно бояться голубя! А вот не мог...

Сегодня же, когда предстояло навсегда, безвозвратно утратить птицу, являвшуюся в полном смысле слова «черной жемчужиной» довольно-таки скромной голубятни, он решил преодолеть себя и покормить дракона из ладони.

Но едва только, покосившись на своего хозяина красным злым глазом, голубь клюнул его в горсть, — рука Васи Крапивина сама собой отдернулась, и льняное семя просыпалось на пол.

... Голубиный торг был в самом разгаре. Пасмурный день и мелкий дождик, сеявший по временам, ничуть не охлаждали рвения ни у продавцов, ни у покупателей. Особо рьяные стояли кучками прямо посреди луж и, казалось, не замечали этого.

Зато на голубей ненастье заметно действовало: не только те, что сидели довольно тесно в садках, поставленных на мокрую землю, но и бывшие на руках у продавцов казались взъерошенными и скучными.

Один дурашливый, хулиганского вида парень в кепке, повернутой для чего-то назад козырьком, то сыпал направо и налево бессмысленными прибаутками, то вдруг, спохватившись, начинал взбадривать своего больного, уснувшего на руках голубя и орать во весь рынок:

— Вот кому надо — голуб, ярый голуб!

Встречные смеялись над парнем.

— Оно и видать, что ярый! Отчего только не подохнет? — говорили ему, и то один, то другой для потехи приподымали клюв его птицы кончиком пальца, а потом вдруг отпускали, и голова голубя снова опускалась на грудь.

Продавец, однако, ничуть этим не смущался. По-свойски подмигивая и отругиваясь, он шел, неторопливо раздвигая толпу, и во все горло расхваливал на разные лады своего «ярого», не сомневаясь, по-видимому, что и на такую птицу охотник найдется.

Он и нашелся.

Это был мальчуган лет семи, не больше, но очень важный и по осанке и по одежде: в новом картузе и в длинном, до пят пальто, застегнутом на все пуговицы

Он уже целый час ходил по базару вместе с безмолвно сопутствующей ему матерью, присматриваясь и прицениваясь.

Вася Крапивин, с любопытством наблюдавший за ним, вынужден был признать, что малыш совсем не плохо держит птицу и даже по-заправски растягивает опрокинутому голубю крыло, заглядывая ему в пашки.

Парень в перевернутой кепке, уже давно заприметивший, что мальчуган ищет птицу подешевле, и окончательно убедившийся, что своего «ярого» ему никак не сбыть, перестал кричать про его «ярость» и стал напирать на дешевизну.

Покупатель с матерью точас подошел к нему и взял у него из рук голубя:

— Сколько?

— Восемь.

— Бери семь кусков, — с напускной небрежностью и хриплым голосом возразил мальчуган и, возвращая голубя, сделал вид, что уходит.

— Ну ладно уж, возьми, — сказал, махнув рукой, парень.

Покупатель еще раз произвел торопливый осмотр голубя, больше так, для видимости, затем переложил его в левую руку и начал расстегивать пальто.

Посиневшие от холода пальцы не гнулись, так что он никак не мог расстегнуть пуговицу.

Мать пришла ему на помощь.

Когда она расстегнула ему две верхних пуговицы, он молча остановил ее руку.

Потом, переложив голубя опять в правую руку, он слегка оттянул левую полу пальто и сунул голубя за пазуху вниз головой, опять-таки каким-то особенным, профессиональным движением.

Мать застегнула ему пальто. Затем он снял картуз, достал из-за его подкладки пачку рублевок и, не считая, вручил парню.

Тот проверил. Оказалось ровно семь рублей. Когда мальчуган вместе с матерью отошли на несколько шагов, парень подмигнул в их сторону и сказал кривляясь:

— Дай бог, чтобы до квартиры не сдох.

Все расхохотались.

Это происшествие, затем крик, пестрота и сутолока базара так повлияли на бедного Васю, что ему захотелось взять поскорее свою корзинку и уехать домой. Однако приходилось оставаться: если у него, у Васи, был дом, то уж голубям его некуда было возвращаться.

Площадка голубиного рынка была совсем небольшая, но каких только пород, каких только мастей здесь не было!

Были сизо-рябые — цвета аспидной доски, с черными полосками и крапинами; были просто сизые с отливом нефти, расплывшейся по поверхности воды; были каштановые, рыжие, кирпично-красные и красно-рябые; были белые, как чайки, пожалуй, даже еще белее, и, наконец, пестрые, как сороки, с капюшоном на затылке и воротником вокруг шеи (монахи-крымки).

Клювы одних были длинны, как шило, а у других, напротив, коротки и даже вдавлены: какие-то мопсы среди голубей!

Проглянуло солнце, сделалось теплее— голуби повеселели, начали прихорашиваться и подтягиваться.

Неголубевод не отличит, пожалуй, одну птицу от другой, если все голуби одной породы. И уж, конечно, он рассмеется. если сказать ему, что каждый голубь, каждая голубка имеют свое лицо и что выражение этого лица весьма различно.

Вася Крапивин, присматриваясь к голубям, прекрасно видел это. Он только не мог бы объяснить как следует, что выражают эти лица, в чем их разница. А если бы мог, то он сказал бы, что на лице у этого, например, застыло спесивое и как бы озадаченное выражение; другой, повидимому, еще не пресытившийся жизнью, легко глядит на мир, скосивши круглую и словно напомаженную голову, и в желтовато-красном круглом глазке его светится ясное, молодое любопытство.

А третий голубь дремлет с закрытыми глазами, уткнувшись в воротник, и выражение лица его такое: «Все я испытал, все знаю, ничего против жизни не имею, но сейчас, сейчас я жажду, друзья мои, одного только покоя».

Вдоволь находившись и насмотревшись, Вася Крапивин занял место возле старушки с кроликами, поставил свой садок на землю и откинул половик, оставив, однако, закрытым тот угол садка, где сидел черный дракон. Он решил продать сперва тех, что поплоше: турманов и единственную у него пару почтарей, а потом уже дракона.

Сразу подошло двое: один — тот самый парень, что продал мальчугану «ярого», а другой, повидимому,— его приятель, лысый, маленький, но с большой рыжей бородой, одетый в серую истрепанную шинель нараспашку.

Ни слова не говоря, высокий парень открыл садок Васи Крапивина и заглянул туда.

— Эге-е! Да что-то они у тебя невеселые, — сказал он. — Ишь, крылья-то поотвисли как.

Засунув в садок руку, он вынул оттуда «старого» и стал осматривать.

— У меня и молодяки есть, — сказал Вася.

— Пускай у тебя останутся, — ответил парень, присаживая голубя на левую ладонь, чтобы осмотреть ему голову.

Вдруг он брезгливо отдернул руку и, скривившись, посмотрел на нее: вся ладонь была испачкана зеленовато-белой слизью.

— Э-эх, браток! — сказал он и присвистнул. — Да они у тебя больные!

Он поспешил отделаться от голубя и вытащил другого.

— И этот тоже! — вскричал он и так швырнул голубя в корзину, что он перевернулся и долго барахтался, хлопая крыльями.

— Ничего они у меня не больные, а, может быть, перекормил я их льняным семенем, — возразил Вася.

Рыжий рассмеялся, широко открыв рот с выбитыми передними зубами.

— А это уж тебе виднее, от чего они захворали, — сказал он. — А только что не полагается с больными сюда приходить, а то штраф платить придется.

Вася испугался.

— Вот что, браток, ты свертывайся-ка отсюда, пока не поздно, — посоветовал ему другой.

С отчаяния он уже готов был исполнить их совет, как вдруг парень в кепке сделал ему таинственный знак и тихо сказал:

— Э-эх, браток! — сказал парень.— Да они у тебя больные!

— Вот что: давай своих голубей нам на комиссию. Попробуем продать. По-одному, по-два все-таки легче. Да и никто не будет знать, что из твоего садка. Если продали за семь, — один рубль нам, а шесть тебе. Продали за десять,— два рубля нам, а восемь тебе. Ну? Согласен?

Вася обрадовался этому предложению и даже сам открыл крышку садка. Каждый взял у него по две птицы.

Через минуту по всему голубиному рынку раздавалось два зычных голоса:

— Вот голубь, ярый голубь!

Меньше чем через час шесть птиц были проданы.

— А ну-ка давай остальных попробуем, — сказал парень в кепке, снова открывая садок.

— А деньги-то давайте, — решился, наконец, напомнить им хозяин.

— Правильно, правильно, браток, — как бы спохватившись, ответил парень и, не взяв нового голубя, крикнул своему приятелю: «Эй, Павлушка!»

И когда тот к нему обернулся, добавил что-то непонятное.

— Есть такое дело, — откликнулся тот.

— Ну вот, сейчас, браток, я принесу тебе рубли твои.

Он хотел уже отойти, но в это время Вася Крапивин совсем сдернул половичок и открыл черного дракона. Парень взглянул, остолбенел, присвистнул.

— Эх ты, милок! — сказал он. — Да что ж ты молчал?!..

Он сунул руку за пазуху, вынул оттуда деньги, торопливо отсчитал восемнадцать рублей и подал их Васе.

— На вот! — сказал он. — Троих я продал, а троих — Павлушка. Те деньги он сейчас тебе отдаст. А теперь как бы этого не продешевить!

Он открыл садок и взял черного дракона. Вслед за парнем тотчас же хлынула толпа. По всему рынку раздавался его тонкий, дурашливый голос:

— Навались, навались!.. Чудо природы!.. Бесценный экземпляр!.. Игра природы!..

Вскоре голос его затих в дальнем углу базара. Вася терпеливо ждал. Народу становилось все меньше. А парень все еще не показывался.

— Бабушка! — сдавленным голосом обратился Вася к старухе с кроликами. — Покарауль мою корзинку, а я сейчас вернусь.

— Хорошо, хорошо, милый, поберегу, иди себе, куда тебе надо, — ответила старуха.

Вася кинулся сквозь толпу. Его отталкивали, ругали встречные, но он пробирался вперед, то и дело спрашивая — даже и у того, кто только что его оттолкнул:

— Тут черного дракона не видали?.. Тут одного с черным драконом не видали?!.

Он задыхался, пот выступил у него на лбу. Все окружающее казалось ему как сквозь двойные, зимние рамы...

Он добежал до конца птичьего рынка. Никого не было. Он вернулся к своей корзинке. Старуха что-то говорила ему, он не понимал что.

Вдруг старуха в испуге привстала и замахала на него руками.

— Что ты, что ты, милый?!. — кричала она. — Аль рехнулся?!

Но Вася еще раз ударил носком сапога в перевернувшуюся корзину с голубями и, не оглядываясь, побежал к воротам рынка.

8

Угрюмо и молча принял Коля Ершов ключ от опустевшей голубятни из рук встретившегося ему во дворе управдома. Придя в свою комнату, он швырнул ключ на стол, сел в качалку и стал качаться и думать.

... Да! Ничего бы этого не произошло, если бы не его глупое хвастовство: «Васька меня послушается! Беру это на себя!» Но, с другой стороны, кто же мог предвидеть подобный свинский поступок: заявить сначала, что с голубями покончено, можно и за химию приниматься, а потом вдруг на попятный. Просто, значит, ошибся в нем: ерунда — человек и все; не стоило с таким и заводить дружбу.

А все-таки, все-таки было жаль терять Ваську! Он да еще, конечно, Миша Бутылкин, а уж больше, пожалуй, и никто во всем его звене не относился так хорошо к нему, к Ершову. Были даже такие, что старались высмеять его:

— Очень уж ты все на военную ногу хочешь! Видать, что отец — военный.

А в сущности ничего уж он такого и не делал. Да, он действительно добивался и добился, что его ребята ходили в строю лучше всех, но зато сами же они потом

рассказывали, что когда мимо мавзолея шли, то товарищ Сталин наклонился к товарищу Молотову и что-то сказал ему на ухо...

И все ж таки: «Ты, Ершов, командира из себя строишь».

Он резко остановил качалку: не думалось! Встал, подошел к выключателю и осветил комнату. Как в подводной лодке, в комнате Николая Ершова не было ничего лишнего, и такая же строжайшая постоянная поддерживалась в ней чистота.

Оранжевая штукатурка стен давала свой особый отсвет в тусклое сияние паркета. Широкое распахнутое окно отражалось в нем. Зимой Ершов спал при открытой форточке.

Стол, два стула, складная походная кровать, накрытая суконным одеялом, полка с книгами да коврик на полу для упражнений — это и была вся обстановка необходимого обихода. Качалка вещью обихода не была. Да и качалкой она только казалась. Ее видели над фиордами Норвегии, над берегами Гренландии, над дрейфующей льдиной и мало ли еще где! Она приземлялась близ Сан-Франциско, реяла в стратосфере...

Но, само собой разумеется, мать Коли Ершова, подобно всем остальным, искренно полагала, что это качалка, а потому и отважилась однажды обогатить в отсутствие сына его обстановку еще и высоким круглым столиком, покрытым кружевной салфеткой.

Коля Ершов, вернувшись, тотчас заметил нововведение и выставил его за дверь, прикрепив записочку: «Мама! У меня не магазин мебели. Н. Е.».

Над кроватью Коли висела малокалиберная «Гекко». А дальше, по всему периметру стен, размещена была в два ряда галерея портретов, залитых в гипсовые щитки. Это были почти сплошь ученые, деятели и герои авиации, воздухоплавания и стратонавтики.

В течение ряда лет и с таким же упорством, с каким иные собирают марки, Ершов собирал, выменивал и покупал журналы, газеты и открытки с гравюрами и фотографиями, чтобы пополнять свое собрание портретов.

Открывалось оно портретом старика в черном берете, с длинной струйчатой бородой и пронзительными глазами — загадочный пращур авиации, «колдун» Леонардо, — а заканчивалось портретами парашютисток-комсомолок.

Однажды к Ершову заглянул отец. У него выдался случайно свободный от службы и от партработы вечер, и он решил провести его «в гостях» у сына.

Отец попросил разрешения закурить. Коля пододвинул к нему пепельницу — единственная лишняя вещь, которую он держал, снисходя к слабости отца, — приоткрыл форточку, и между ними завязалась дружеская неторопливая беседа.

— Ну что нового прибавилось в твоей галерее? — спросил, между прочим, отец, рассматривая портреты.

— Да нет, ты видал уж все, — ответил сын.

— Слушай: неужели и эта парашютистка?! — воскликнул отец, остановившись перед портретом девочки-подростка, смуглой, с тонким лицом и с черными лоснящимися волосами на прямой пробор, заплетенными в две косички.

— Кто? — спросил Коля. — А!.. Нет, папа, это Чугунова... которая вот эти самые гипсовые тарелочки меня научила отливать... В нашем же классе... Взяла и заодно и свою карточку залила, повесила... Я даже не обратил внимания сначала... А потом уж неудобно было снять: увидит — обидится...

— Ну что ты, что ты! Зачем же это снимать? — сказал отец. — Это с твоей стороны было бы по меньшей мере... ничем не оправданная грубость...

9

Из передней послышался звонок. Кого-то впустили. А затем Коля Ершов услыхал тяжелые шаги, приближавшиеся к его двери, и в дверь постучали.

— Войдите!

Вошел Бутылкин.

— А! Чортушко! — вскричал, сильно обрадованный, Ершов. — Ну входи, входи!..

Они пожали друг другу руки. Бутылкин молчал, странно как-то ухмылялся и не смотрел в глаза.

— Ну, старик, что ж ты? Садись!

Коля Ершов коснулся качалки и привел ее в движение. Из всех своих посетителей он только двоим уступал качалку: отцу своему да вот еще Михаилу Бутылкину.

Бутылкин не садился.

Ключ от голубятни Крапивина, лежавший на столе, привлек внимание Ершова.

— Да! — вскричал он. — Старик, ведь я забыл совсем:, нам надо сейчас же к Маруське идти, к Чугуновой. Надо сказать ей: можем хоть завтра лабораторию открывать, помещение есть, вот ключ.

Миша Бутылкин молчал, стоя у распахнутого окна, и, потупясь, царапал ногтем растрескавшуюся замазку.

— Ну? — сказал Ершов. — Идем!

Бутылкин понуро покачал головой.

— Вот что, Коля, ты меня, пожалуйста, выпиши из химиков, — сказал он и в полоборота, исподлобья взглянул на своего друга.

Тот вздрогнул от неожиданности.

— Почему это? — спросил он, резко оборачиваясь и подойдя к Бутылкину.

— Ну так просто... Какой я химик?!. Я ведь только из-за тебя записался... А другой, может быть, гораздо больше меня интересуется...

— Ты как будто тоже интересовался, — неприязненно заметил Ершов. — «Алхимическое золото будем добывать, воду превращать в кровь», — передразнил он Бутылкина.

Бутылкин молчал.

— Крутишь ты что-то! — сказал Ершов нахмурясь.

Бутылкин вдруг обернулся к нему и широко, открыто глянул в лицо друга.

— Коля! — жалобно вскричал он. — Ты бы на Ваську посмотрел: ведь он как оглоушенный ходит! С бочкаревскими связался... Ты ведь знаешь его, а теперь он не хуже их, ругается... Кепку назад козырьком надел!..

— Ну, ну?.. — и Коля Ершов, прищурившись и откинув голову, посмотрел на Бутылкина.

Тот ничего этого не заметил и продолжал:

— Я вчера прохожу мимо него, а он увидал и орет: «Я вам все равно с Ершовым жизни не дам!»

Ершов презрительно и холодно хмыкнул.

— Ну? И ты испугался, богатырь?! — сказал он и, помолчав, добавил: — Вот оно значит, почему ты из химиков-то удираешь! Теперь понимаю...

Но Миша Бутылкин и не обиделся даже на его слова, а только вскричал вдруг укоризненно и тонким почему-то голосом:

— Ну что ты, Николай, глупости говоришь?!.

А потом уже другим голосом продолжал:

— Он это из-за своего черного дракона с ума сходит. Ты ведь помнишь, он хвастался, что во всей Москве две—три пары, а больше и не найдешь. А тут у него на рынке как раз черного-то дракона и сперли... А остальных он, должно быть, сам пошвырял... с горя...

Ершов угрюмо слушал его.

— Ну и что ж? — возразил он голосом, однако, не столь уже черствым. — Что теперь, с ума сходить вместе с ним? Дракона этого самого все равно уже не вернуть. А потом я совсем и не знал, что именно голубятню нам отдадут. Ты ведь был со мной тогда... Ну? Помнишь, управдом нам сказал: «Помещение у вас будет». А про голубятню мы и не заикались. Так что при чем тут мы?.. А теперь, раз свободен чердак, так почему же не занимать? Голубей остальных он все равно, говоришь, пошвырял... Значит, не будет больше водить... А если мы не займем, так все равно подо что-нибудь займут.

— Ну вот и пускай займут! — вскричал Бутылкин.

Коля с презрением посмотрел на него и покачал головой.

— Я вижу, — сказал он, — тебя логикой не проймешь! Вот что...— продолжал он угрюмо, отрывисто, — давай кончать эту волынку... Выписываешься? Да?

Бутылкин молчал.

— Ну... не ожидал я, что ты предателем окажешься! — глухо, дрогнувшим голосом произнес Ершов. — Можешь убираться ко всем чертям! Обойдемся...

Он отвернулся, засунул руки в карманы и так стоял неподвижно, спиной к Бутылкину, пока тот молча брал кепку со стола и тихо и почему-то на цыпочках уходил. Но едва только донеслось из коридора щелканье захлопнувшейся двери, как Ершов отшвырнул карандаш, взятый им со стола во время разговора с Бутылкиным, и быстро начал ходить по комнате.

Потом он остановился перед качалкой и долго смотрел на нее, как будто собираясь садиться. Но, вместо того, чтобы сесть, он только поставил ногу на край сиденья и с ожесточением несколько раз шатанул качалку, так, что когда он ото-

шел, кресло, все еще подпрыгивая и дрожа, двигалось в противоположный угол.

Потом он подошел к стене и убрал с нее гипсовый диск с портретом Маруси Чугуновой.

Через два дня руководимый Марусей Чугуновой кружок по добыванию алхимического золота, кислорода, а также по превращению простой воды в кровь начал свою работу в комнате Коли Ершова.

10

Большая перемена подходила к концу. Вожатая взглянула на часы. Раздался нежный многоголосный звук спортивной сирены. Игры окончились. Лена Дзендзелло подняла руку. Все стихло.

— Отряды, ко мне! — сказала вожатая, она чуть заметно картавила.

Коля Ершов, у которого вообще сегодня с утра было чудеснейшее настроение, невольно улыбнулся, услыхав ее голос: с появлением новой вожатой — и это заметил не только он один — среди девчонок заметно распространилась картавость.

Звено Ершова выстраивалось быстрее всех. Последние опоздавшие, тяжело переводя дыхание, отыскивали свои места.

Один лишь Вася Крапивин, как ни в чем не бывало, продолжал раскачиваться на турнике.

— Тебе что же, отдельное приглашение? — угрюмо спросил Ершов.

— Я с другим звеном приду,— ответил Крапивин.

— Слушай: довольно разлагать дисциплину! — крикнул Ершов, и уши у него побагровели. — Я тебе многое спускал, а теперь, брат, довольно!

— Не пойду я под твоей командой, и все!

— Ах, так?!

И Ершов, резко повернувшись, отошел. Постепенно шаги его замедлялись. Он не знал, на что ему решиться. Но в это время от другой группы к ним подошла вожатая: она услыхала их спор.

Крапивин перестал раскачиваться. Он смотрел куда-то в сторону.

Лена спросила его, почему он отказывается исполнить приказ звеньевого. Он молчал. Ершов тоже.

Тогда заговорили ребята:

— С Васькой просто сладу нет: ничего не слушает, что Ершов ему говорит.

— Я сказал: «Не пойду я под его командой, и все!» — отчаянным и полным слез голосом выкрикнул Крапивин и, спрыгнув на землю, зашагал прочь, не оглядываясь.

Ребята взглянули на вожатую: сейчас вот она окликнет Крапивина и прикажет ему вернуться. Но она молча и нахмурившись смотрела ему вслед.

А потом вдруг обратилась к Ершову и сказала:

— Нам с тобой нужно поговорить...

11

Через груды плах, кирпичей, между ямами с дымящейся известью Лена пробралась на середину двора и остановилась. Мимо проходила какая-то женщина.

— Скажите, пожалуйста, где здесь дворник? — спросила Лена.

— А вам кого?

— Крапивина.

— Так это же и есть дворник, — немного удивившись, ответила женщина и показала ей дорогу.

Квартира Крапивиных была в первом этаже. Дверь была распахнута настежь, и, подойдя ближе, Лена услыхала два громких голоса: один из них был мужской, суровый и кому-то выговаривал за что-то, а другой, тоненький, оправдывался и возражал.

Вожатая остановилась, не решаясь войти.

— Нет, Василий, не дело! — говорил мужской голос.— Коли ты его подобрал, сохранил, — должен заботиться. А нет — так продай! А то ведь еще минуточку не приди я, она бы его сцапала. Факт!

— Ну и пускай! — отвечал тонкий голос. — Этого так жалеешь, а когда просил тебя за голубятню похлопотать, не захотел!.. Продай! Я черного дракона лишился!.. У меня какие турмана были... А почтарей этих — их никому и даром не надо!

И, разволновавшись от этих горьких воспоминаний и от спора с отцом, Вася Крапивин выбежал на улицу.

Увидав вожатую, он испуганно поздоровался с ней и хотел пробежать мимо. Но она остановила его.

Минут через пять они сидели на груде бревен, слабо нагретых апрельским солнцем, и тихо беседовали.

Обо всем рассказал своей вожатой Крапивин. Рассказал он ей о том, как огняли

Они сидели на груде бревен, слабо нагретых апрельским солнцем, и тихо беседовали.

у него голубятню, как разворовали у него на голубином рынке всех лучших турманов, как погиб черный дракон и как, наконец, вернулся он домой и вдруг увидел, что один из «сизарей», покинутых им на рынке, опередил его и раньше своего хозяина вернулся к родному гнезду.

Шел дождь тогда, и голубь, без того уже больной, сильно озяб. Нахохлившись и втянув голову в воротник по самый клюв, он жался к стенке уже чужой голубятни.

Вася сначала пробежал было мимо, но потом ему жалко сделалось голубя, он слазил за ним и принес в комнату. Дня два он кормил и лечил его, а когда вылечил, то вдруг и, повидимому, навсегда забросил. И вот только что сейчас голубя чуть-чуть было не съела кошка.

За это за все отец и выговаривал Васе.

— А почему же ты, в самом деле, не продашь кому-нибудь птицу, раз она тебе ненужна? — спросила вожатая, выслушав до конца его скорбную повесть.

— Почтарь! Кто на него позарится?! — воскликнул Вася и даже с удивлением посмотрел на вожатую.

— Да, конечно... я ведь забыла, что он у тебя почтовый, — медленно проговорила вожатая и задумалась. — Вот что,—вдруг решительно сказала она вставая, — есть один такой человек, который у тебя купит птицу. Продай! Турманов ты уже не вернешь, а за что же эту губить?

Вася молча кивнул головой.

— Тогда вот тебе его адрес, — и с этими словами Лена протянула ему листок, вырванный из блокнота.

Обменявшись прощальным салютом, они расстались.

Вместо того чтобы идти к трамваю, каким она приехала сюда, Лена свернула с площади в один из ближайших переулков. Человек, с которым ей нужно было увидеться, сам попался ей навстречу. Это был военный и, судя по знакам его петлиц, капитан.

Они радостно поздоровались.

— А я к тебе, — сказала Лена.

Разговаривая, они медленно прошли с ним к Тверской.

Прощаясь, командир поднял руку к фуражке и, чуть наклонив голову, произнес:

— Будет сделано. Присылай!

12

На следующее же утро Вася Крапивин пошел продавать своего уцелевшего голубя. Чтобы не смеялись прохожие и не приставали на улице ребята, он засунул

голубя за пазуху, и кроткая птица за всю дорогу не пошевельнулась ни разу.

У ворот того самого дома, что указан был в записке вожатой, сидел в будке, пристроенной к забору, сторож с ружьем.

«Значит, не туда я попал, — подумал Вася. — Склад здесь какой-нибудь военный или фабрика».

Но адрес значился именно этот, и, недоумевая, он показал записку сторожу.

— Ладно, — сказал тот, отстранив записку, — как начальник скажет.

Старик отодвинул маленькую дощечку в задней стенке будки и в открывшееся окошечко переговорил с кем-то во дворе.

— Позволяют, — немного недовольный этим, сообщил он Васе и открыл калитку.

Посреди большого двора, освещенного ярким солнцем, стояли двое военных. Щурясь от света, они разговаривали.

Один из них, высокий, был летчик. Вася Крапивин тотчас же определил это, как только перед его глазами сверкнули серебряные крылышки на синем сукне френча.

Другой, пониже ростом, одетый в защитное, был капитан пехоты.

«Не туда я попал», — снова подумал Крапивин и прикрыл рукой вздувшееся на груди пальто.

Еще немного—и он повернул бы обратно. Но в это время капитан молча поманил его рукой.

— Товарищ Крапивин, кажется, да? — спросил он Васю и, услышав ответ, сказал: — Так... Ну вот что. Ты стань вон там, под навесом, так, чтобы тебя не видно было, а я сейчас.

И капитан, уже не обращая больше никакого внимания на Васю, озабоченно посмотрел на ручные свои часы.

То же самое сделал и летчик. Они переглянулись. Капитан упрямо мотнул головой.

— Ничего! — сказал он. — Должен придти. Придет! У него еще две с половиной минуты.

Вася томился в ожидании.

Летчик снова посмотрел на капитана.

— Что-нибудь стряслось? — полувопросительно сказал он.

Но капитан молча покачал головой и опять взглянул на часы.

— Есть! Вот он! — вдруг вскричал он и, осторожно ступая, сделал по двору несколько быстрых шагов.

Неторопливо, враскачку, уходя из-под его расставленных рук, как бы позволяя себя поймать, по земле бежал невзрачный, сизого цвета голубь.

Вася не заметил из-под навеса, когда он опустился.

Капитан поймал голубя, и теперь оба они с летчиком склонились над птицей, которую, перевернув на спину, держал в руках капитан.

Но, занятый своим делом, он вспомнил, однако, о мальчугане и подозвал его.

Подойдя, Вася Крапивин разглядел в руках капитана короткую, толщиной с зубочистку картонную трубочку, из которой тот извлек свернутую бумажку, сплошь покрытую цифрами.

Летчик взял голубя, и оба с капитаном стали читать про себя «голубеграмму».

— Ол райт! — сказал капитан, закончив чтение, и рассмеялся.

Тут он как бы снова заметил Васю.

— Ну? — сказал он.

Вася ничего не ответил, покраснел.

Капитан первый протянул ему руку.

— Ну так будем знакомы! — сказал он.

Летчик тоже протянул руку, но только левую: в правой он держал голубя.

Несмотря на все свое смущение Вася как-то невольно отметил, что летчик держит птицу неловко, «по-мужски», то есть сильно охватывая ее со всех сторон широко расставленными пальцами.

— Ну вот, Андрей,—сказал летчику капитан, — теперь у тебя целых два голубиных профессора. Ну, профессор, что скажешь? — обратился он к своему новому гостю и положил на его затылок большую сильную руку.

Эти слова и ласковое движение такую вдруг смелость придали Васе, что он улыбнулся и сказал:

— Они вот голубя не так держат.

Оба — и летчик и капитан — расхохотались.

— А ну-ну, покажи-ка ему, как надо держать! — сказал капитан, весело переглянувшись с товарищем.

Вася взял голубя из рук летчика и показал правильный способ держания.

— Вот, Андрей, учись, — сказал капитан и затем похвалил Васю: — Молодец, товарищ Крапивин! Верно: чтобы не вырвался, так вот и надо держать.

Они закончили с летчиком свой разговор о предстоящих маневрах N-ской дивизии, где голуби, бросаемые с самолетов, должны были поддерживать связь, а потом все трое пошли осматривать боль-

шие просторные выгулы, обитые проволочной сеткой, и самую голубятню.

Порядок в голубятне был образцовый. У голубей был довольный, веселый вид. Все сплошь были почтари. И когда Вася рассматривал их, то ему невольно пришло в голову, что если бы подпустить к этим голубям его голубя, спрятанного за пазухой, то он бы, пожалуй, ни в чем не уступил им. И у его птицы была такая же щеголеватая выступка и хорошо подобранный хвост со скрещенными на нем концами крыльев.

Во всей голубятне — и это с чувством некоторого удовлетворения отметил про себя Вася — не было ни одного представителя какой-либо дорогой породы.

И сам не зная для чего, Вася вдруг похвастался, допустив при этом значительное преувеличение.

— А у меня вот черного дракона украли недавно... Триста рублей стоил, — сказал он печальным голосом.

Капитан как будто поверил, но только впечатления это на него не произвело.

— Ну и что же? Жалеешь, поди? — весело отозвался он. — А по-моему, не стоит. Нам, например, эти драконы да турманы и даром ненужны. Не работники они, дармоеды, — презрительно заключил он.

А когда уже вышли из голубятни на двор, он сказал, как бы продолжая свою мысль:

— Триста рублей — это пустяк. А вот в тринадцатом веке, знаешь, у китайцев, у арабов за высокопородистого почтаря шесть тысяч рублей платили на наши деньги. Это цена!

Вася молчал. Ему стало стыдно, что он преувеличил стоимость своего черного дракона.

— А скажите, пожалуйста, — решился, наконец, спросить он, — у вас есть в такую цену, в шесть тысяч?

Капитан рассмеялся, но потом заговорил серьезно и сосредоточенно:

— Видишь ли, товарищ Крапивин, не все, дорогой мой, можно оценивать на деньги. Вот тот, например, голубь, которого мы поджидали, когда ты пришел,— его наш питомник не выпустит от себя ни за какие деньги. Потому, дорогой товарищ, что, случись война, такая птица, такой гонец тысячи жизней может спасти на фронте. Да! — воскликнул капитан и, все более и более увлекаясь, рассказал взволнованному, потрясенному Васе о бесчисленных войнах, где принимали участие эти незаметные птицы, о голубях-героях, которые с перебитыми лапками и окровавленной головой проносили сквозь фронт важнейшие донесения и награждались за это высшими военными орденами... Закончил капитан так.

— Ну, брат, — сказал он, положив руку на плечо Васи, — рыбак рыбака видит издалека. Я вижу, с кем имею дело. Ты человек деловой. Но только вот что. Давай-ка брось ты всех этих вертунов да черных драконов. Переходи на почтовых. Гонец — он еще великую службу Красной Армии сослужит! А вот кадров у нас для этого дела маловато. Я тебе вот что предлагаю. Походи ты ко мне сюда денька два—три, а потом я тебе со спокойным сердцем целую вольеру отдам на твою полную ответственность... Ну и, конечно, для твоей личной голубятни лучших пары две молодяков отберем, на развод...

— Отняли у меня голубятню, — тихо проговорил Вася Крапивин.

— Отняли? Кто?

— Домоуправление.

— Чепуха! — сказал капитан. — Попросим их как следует, так будь уверен, либо вернут, а либо новую построят, лучше старой! Ну? Согласен? По рукам?

Он протянул ему руку.

Молча, да и все равно не в силах что-либо сказать от охватившего его волнения, Вася Крапивин подал свою.

Они попрощались.

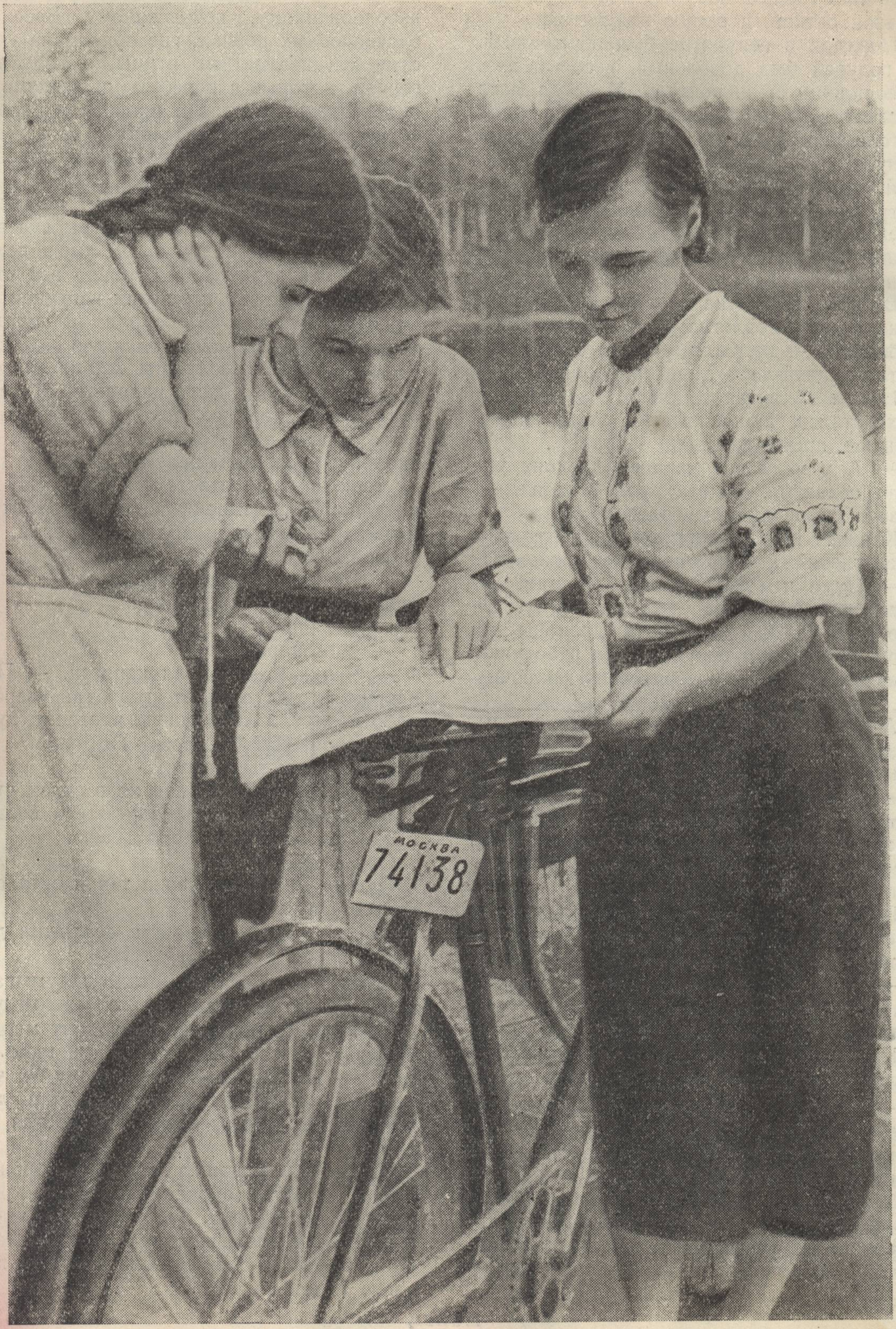
Пальто Васи Крапивина так и осталось нерасстегнутым...

Дома он первым делом соорудил для своей птицы клетку из досок.

Затем Вася Крапивин стал придумывать голубю имя. Это оказалось страшно трудным. Имен-то приходило в голову много: «Вихрь», «Буря», «Быстрый»... и мало ли еще! — но Васе казалось почему-то, что все эти названия подходят больше для миноносцев, для крейсеров, но не для голубя.

Наконец, он нашел голубю хорошее имя и страшно обрадовался. Он назвал свою птицу «Сеня». Так звали его умершего еще в младенчестве брата, которого Вася Крапивин очень любил и до сих пор часто видел во сне...

Конец

Как ехать дальше?

Фото Е. Тиханова

На берегу Волги

Миша Радионов, лагерь ткацкой фабрики „Пролетарка", город Калинин

Наш лагерь раскинулся в сосновом бору, на самом берегу Волги. По утрам, после зарядки, все мы бежим умываться прямо к Волге. А какое раздолье нашим лагерным рыболовам! Целыми днями сидят они с удочками на мостике или стоят по колени в воде...

Правда, Волга около нас не очень глубокая и широкая, но пароходы по ней ходят. Проходит пассажирский пароход «Чернышевский», тянет сразу по нескольку барж пароход «Фурманов». А сверху сплавляют лес. И мимо нашего лагеря то и дело проплывают плоты.

Когда проходят пароходы, все мы собираемся на берегу и кричим в один голос:

«Капитан, даешь гудок!»

И, отвечая на наш крик, пароход начинает тутукать. Это, правда, бывает не всегда. Иногда капитан или не слышит нас или ему некогда, и нам никто не отвечает.

Хорошо и весело живем мы в лагере.

У меня есть товарищ Женя Квитанцев. И мы с ним очень увлекаемся фотографией. Наснимали мы очень много, но еще не проявляли снимков, и что получилось у нас, не знаем. Сегодня опять целый день бродили по лагерю с фотоаппаратом, даже устали. Сели отдохнуть на скамейку, как раз над Волгой, и размечтались. Через Волгу видно поле, от васильков оно совсем синего цвета. Дальше — домики (это деревня Щербово), а на горизонте — лес.

Вот если бы все это можно было снять и фотография получилась бы цветная, хорошо было бы.

Вдруг прибежал Витя Смазнов:

— Ребята, поедем на ту сторону...

Мы побежали к лодке, попросили дежурного из Освода перевезти нас на тот берег и через несколько минут были уже там и смотрели через Волгу на наш лагерь. Песчаный откос, сосны высокие над откосом. А за деревьями видны наши дачи.

Мы отошли от берега и очутились в васильках. Легли на траву и сразу перестали видеть и Волгу и даже наш лагерь, хотя и стоит он высоко. Сначала мы разговаривали. Но потом замолчали и долго лежали молча. Я думал, что Женя и Витя задремали. Вдруг Женя Квитанцев вскочил и шопотом сказал:

— Слышите, ребята...

Но мы ничего не слышали, кругом только пели птицы. Тогда Женя показал в траву:

— Где-то здесь есть птенчики.

Витя Смазнов надвинул на лоб тюбетейку и сказал шопотом:

— Найдем, ребята, птенчиков, привезем в лагерь и вырастим.

Я вспомнил, как в прошлом году жил у нас в лагере скворец. Он так привык к ребятам, что даже тогда, когда ребята уходили на прогулку, летел за ними. На линейке он садился кому-нибудь из ребят на плечо. И жил тоже вместе с ребятами в спальне. Один раз приехал в лагерь грузовик, скворец сел на крышу шоферской кабины, и грузовик его увез. Должно быть, скворцу показалось, что ребята ехали в грузовике.

Я рассказал про скворца Жене и Вите. И все мы сразу же представили себе, как обязательно приучим новых птенчиков.

Мы на цыпочках стали ходить по траве и старались определить, откуда же слышен писк. И нам все время казалось, что пищат птенчики где-то совсем рядом. Но как мы ни старались, птенчиков мы так и не нашли.

В лагерь мы вернулись с большими букетами васильков, отдали их девочкам. За ужином почти все девочки были в венках из васильков.

В этом письме я описал только кусочек одного дня, а ведь мы проводим здесь в лагере целый месяц, и за этот месяц бывает столько интересного, что, как говорится, «ни в сказке сказать, ни пером описать».

У опушки леса

Стихи и рисунок Сережи Баруздина, Москва

Сижу в лесу под старым, дряхлым
дубом,
Под зеленью развесистых ветвей.
И слышу, как журчит ручей за лугом,
А надо мною свищет соловей.
Вот дятел: он стучит по ели,
Ища себе букашек на обед.
По небу ласточки стрелою пролетели,
Сквозь листья золотится солнца свет.
Вдали в овраге, где река несется,
Где сочная высокая трава,
Колхозных лошадей табун пасется
И ловит рыбу в речке детвора.
А по воде лазурной мчится ялик,
Ребята едут в нем из камышей.
Они с добычей: уток настреляли,
В лесу поймали молодых ежей.

И эти все леса, равнины, реки,
Богатые колхозные поля
По праву нам принадлежат навеки.
Счастливая советская земля!

Наш „перелет“

Равиль Тумашев, Женя Слезкина, Западная железная дорога, станция Тучково, деревня Хрущево, пионерлагерь

Ровно в 9 часов утра штаб перелета известил, что первый самолет поднялся и взял курс на север.

Эту весть радиостанции передавали друг другу, и она дошла до Северной Америки. Через пятнадцать минут Архангельск принял радиограмму с самолета: «Все хорошо. Летим на север. Привет!»

«Летим над Ледовитым океаном. Все в порядке», — приняла «Новая земля».

Самолет уже над полюсом. Летчики шлют привет папанинцам и берут курс на США.

Радиограммы летели и летели. Скоро они известили, что самолет благополучно приземлился на одном из аэродромов США.

Первый перелет закончился. Путь из Москвы в Северную Америку проложен.

Так мы играли в «перелет» в лагере.

«Самолетами» у нас были лодки, а «трассой Москва—Северная Америка» — расстояние в два километра вверх по течению реки от нашего лагеря.

К этой игре мы готовились всем лагерем. Все разучивали семафорную азбуку, учились грести.

Самые лучшие гребцы лагеря были «летчиками», а те, кто особенно хорошо выучил азбуку (а выучили ее все),— «радистами». Они расстанавливались на определенном расстоянии друг от друга по берегу реки и принимали «радиограммы», которые передавались флажками с лодки.

Очень нравится нам эта игра. В лагере мы в нее часто играем и вам советуем поиграть.

Карта нашего „перелета“.

Моя охота

Петя Лачаев, Ненецкий национальный округ

Я ходил в тундру, увидел зайца. Подкрался ближе и зайца застрелил. Застрелил, а взять побоялся. Так оставил. Вернулся в чум и сказал отцу. Он пошел со мной вместе, мы отыскали этого зайца и сдали в Союзпушнину. На эти деньги я купил себе красивых книжек и выписал газету.

Мне охота очень понравилась. И вот через неделю я опять пошел. Долго я ходил, искал куропаток и, наконец, нашел целое стадо. Убил несколько, пошел домой и песенку запел:

«На охоту я ходил,
Куропатку подстрелил,
И домой принесу,
Папу, маму угощу».

На рыбалке

Владимир Татарников, Новосибирская область, село Красное, Ленинско-Кузнецкий район

Приятно идти по берегу мелкой лесной речушки. Прямо в самую воду свешиваются густые зеленые кудри ивняка, и в прозрачной, чистой как стекло воде ясно, словно живые, отражаются и листья, и веточки, и даже поющая птичка, которая чуть пошевеливает сучок, торчащий над водой. Невдалеке от берега возвышаются высокие, стройные сосны и столетние березы. Иногда заберешься в такую глушь, что и неба не видно — так накреняются и густеют над речкой кусты. Тогда уже совсем хорошо: идешь, как в коридоре, по усыпанным песком пологим берегам. Чуть вздыхает ветерок. Солнца хотя и не видно и лучей его нет совсем, но очертания всех предметов так ясны, что можно различить каждый камешек на берегу и на дне чрезвычайно извилистой речушки. Она так извилиста, что если поглядишь вверх или вниз по течению, то не увидишь конца ее поворотам. Зато вода в реке чистая, как ключевая.

Встанешь коленками на два гладких отполированных водой камня и смотришь, как резвятся мелкие рыбешки. Но уж стой смирно: чуть шевельнешься — мигом убегут! Только одни пескари ничего не боятся. Кинешь крошку — сейчас к ней. Переворачивают ее, тащат в разные стороны, теребят. А если в воду опустишь ногу,— они щекочут, пробираются под пальцы и ничего не боятся. Где поглубже, там и крупных рыб много. Особенно хорошо их удить, когда с вечера набросаешь хлеба или яичной скорлупы. Тогда обязательно уж за полчаса полный котелок наудишь. Вот и сейчас я шагаю с полным мешочком скорлупы, чтобы завтра клевало получше. Да дедушке моему об этом не говорю, а то опять скажет, что выловили мы с ним за один раз всю рыбу. Такой уж у меня дед! Если узнает, что ловили там, где я скорлупы набросал, то после целую неделю с места не сдвинется и все будет говорить: «Пущай рыбка подрастет». А на речке каждый день рыбы хоть отбавляй, да крупная такая! Чудак он: разве рыбу всю выловишь?

Хоть и неправ он, да приходится иногда уступать: скучно одному на речке. А рассказывает он очень здорово! Прямо заслушаешься!

Место я на этот раз выбрал, лучше не найти: сухой, открытый для солнца, травянистый бережок, выступающий узким длинным языком в тихую, глубокую заводь. С другой стороны речки кусты, а за ними зеленый гладкий покатый к речке курган. И ветра не будет совсем, и солнышко светить будет. Уж доволен будет дедушка местом, а раз так, то и рассказывать что-нибудь начнет.

Утром меня разбудил дедушка. Солнце еще не взошло, и стоял густой туман. Было прохладно. Кричали перепела, и было слышно, как позванивали колокольчики на пасущихся лошадях.

Мы вошли в первую заросль. Она спала, опустив свои мохнатые лапы, отягощенные холодной утренней росой. Шли осторожно, стараясь не задевать за кусты, так как с них, словно после холодного осеннего дождя, целым потоком осыпались крупные капли, обжигая разгоряченную от недавнего сна шею и даже спину. Птицы еще не проснулись, и в зарсли стояла тишина.

Подошли к речке, и я очень удивился: совсем не было видно воды. Ее покрывал густой туман. Только слышалось, как под этим покрывалом журчала дремлющая речушка.

Вот и место нашей рыбалки. Еще издали его можно было узнать по плеску всплывающих на поверхность мелких рыбок, которые убегали от сильных хищных рыб.

— Видишь, дедушка? Я разве врать тебе буду? — сказал я деду.

Дед осмотрел место, выбранное мной, и на его морщинистом лице мелькнула одобрительная усмешка. Он подложил под себя свой старый, заплатанный картуз и молча стал разматывать лесу.

— Ну что, дедушка? — торжественным голосом спрашивал я деда и с любопытством и нетерпением посматривал на него.

— Да место не так чтобы плохое, рыбное,— ответил дед и внимательно посмотрел на воду.

На близком расстоянии от реки туман казался совсем редким. Я осмотрел заводь и к великому ужасу увидел половинку яичной скорлупы, спокойно путешествующую по тихой заводи. Дед, к счастью, не видел скорлупки и спокойно надевал на крючок червя. Я осторожно дрожащей рукой взял удилище и украдкой пустил скорлупу по течению. Она завертелась волчком и моментально исчезла. Я облегченно вздохнул и спустил в воду лесу. Дед уже напряженно следил за поплавком, который резко дергался и вилял.

Солнце взошло, и под его первыми лучами всюду заиграли прежде невидимые капли росы. Туман стал заметно редеть, и вскоре речка очистилась окончательно. Неведомо откуда выплыли и лениво покачивались на заводи высокие шапки пены. И всякий раз, когда поплавок прятался в какой-нибудь из этих шапок, дед бранился и гневно выдергивал лесу, на которой болтался уже пустой крючок.

— Фу ты, разъязвило бы тебя! — выкрикивал он и торопливо надевал нового червя, как бы надеясь, что тот, кто ограбил крючок, стоит еще на том же месте.

Рыба попадалась довольно хорошо, и наш котелок скоро стал наполняться отборными краснобрюхими окунями.

— Вот видишь,— говорил дед, довольно поглаживая свою бороду,— погодили недельку и подросла рыбка-то, а то што: скидаешь в речку приманки, она вся сойдется крупная-то, ну и выловишь как есть всю начисто...

Вдруг дед уставился сердито в воду, и глаза его гневно сверкнули.

— Это што?.. А?..— зловещим голосом спросил он меня и торопливо выдернул удочку.

Я посмотрел в воду и... замер: на гладком песчаном дне отчетливо виднелись, сверкая своей белизной, мелко накрошенные скорлупки.

Дед торопливо смотал свою удочку, надел измятый картуз и зашагал домой. Я сидел пристыженный и угрюмо смотрел на злосчастные скорлупки, которые чуть пошевеливались от легких движений больших недоумевающих окуней.

Подсолнух

Стихи Анатолия Зуева (город Юрьев-Польский). Рисунок И. Жигарева (Москва).

В тюбетейке золотой,
Длинноногий, выше сливы,
Он склонился надо мной,
Наш подсолнушек красивый.
Стебель в белых волосках,
Чуть изогнут, ровный, гладкий.
Я держу его в руках
Над зеленой пышной грядкой.
Помню, как его садил
Утром солнечным в апреле.
Он тогда росточком был,
Рос сначала еле-еле.
А теперь, поднявшись ввысь,
Он, как солнышко, играет.
Там, где шапка золотая,
Два листочка разошлись!..

Дыни под Москвой

По земле от одного корня в разные стороны стелются две зеленые плети стеблей. На той плети, что стелется на север, выросли тыквы, а что на юг,— уже не тыквы, а самые настоящие дыни.

Это необычное растение вырастили юннаты юровской школы, Московской области.

Трансплантацией — прививкой одного растения на другое — они занимаются третий год и добились того, что выращивают дыни на корню тыквы. В Московской области дыни не растут, поэтому их здесь не сеют. А путем трансплантации их можно выращивать и в более северных районах нашей страны.

Работа юровских юннатов показывается на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Шура Фомин—юннат юровской школы. Про него ребята говорят: «Он у нас как бы агроном». Вот что он рассказывает о работе кружка.

Как только организовался в нашей школе юннатский кружок, мы, все кружковцы, поехали в Москву, на Центральную станцию юннатов. Там нам показывали кур, кроликов, птиц разных. Было интересно. Но всем нам хотелось посмотреть всякие растения. Я тоже больше люблю растения. У меня по ботанике все время «отлично».

И вот, наконец, рассказали нам про растения и упомянули о трансплантации. Мы узнали, что в Тимирязевской сельскохозяйственной академии в Москве занимаются этими опытами.

Нас это очень заинтересовало, нам захотелось у себя в Юрове вырастить дыни. Мы поехали в Академию посмотреть, как на тыкве дыни растут.

Товарищ Лебедева, которая занималась этими опытами, рассказала нам, что тыква не боится холода, поэтому если дыню привить к тыкве, то на корню тыквы дыня за лето успеет вырасти и созреть.

До этого я на нашем школьном участке проводил разные опыты: хотел получить урожай сам-сто картофеля, черенковал смородину, наблюдал, какой сорт гороха самый урожайный. Но, узнав о трансплантации, больше всего полюбил ее, как совсем новое дело.

Надо разрезать стволик тыквы на полтора сантиметра...
На снимке: Шура Фомин (слева) с товарищем.

Товарищ Лебедева дала нам семян. Теплицы у нас не было. Мы посеяли тыкву и дыню в горшках у меня дома. Отец посмотрел и сказал:

— Ну, что ж, работайте.

Все семена взошли.

Мы с Колей Просвировым стали строить теплицу. Но мы оказались плохими инженерами: обратили ее не на юг, а на запад. Получилось, что в нашей теплице солнце было только тогда, когда оно уже собиралось заходить. Пошли за навозом для утепления, отыскали самую большую кучу. Ребята говорят:

— Давай брать из-под самого низу, там навоз перегорел и погорячее.

Юннаты юровской школы На опытном участке.

А там он был не «погорячее», а совсем мерзлый, не оттаял еще! И поэтому постоянной температуры в нашей теплице не было. Мы принесли из школы градусник, он показывал то 15°, то 25°.

Из всех дынек привилась только одна. И та в нашей теплице не выжила. Мы думали, ей воды не хватает, и все поливали. Верно, затопили ее. Она тоже погибла.

Мы опять поехали к Лебедевой и рассказали ей о своих неудачах. Она нас спрашивает:

— Разбивали горшки, когда высаживали из них дыню и тыкву?

— Разбивали.

— Вот у вас ничего и не вышло. Нужно было просто постучать по донышку и осторожно, вместе с землей высадить росточек в грядку.

Теперь-то мы знаем, как и что надо делать, а тогда не знали.

Дыню нужно посеять на три дня раньше тыквы. А горшочки, когда семена взойдут, поставить в парник, где света меньше, чтобы стволики у рассады вытянуло: тогда легче прививать. Лучше всего прививать, когда показались семядольные листики. Сначала надо разрезать стволик тыквы между листиками на полтора сантиметра, потом срезать побег дыньки, снять кожицу с кончика стебля и вставить его в разрез тыквы. После этого росточки дыни и тыквы связать чистой, прокипяченой мочалой.

Это я все объясняю коротко. Если подробно рассказывать, нужно посмотреть дневники. А дневники мы отдали на выставку.

Нас еще в прошлом году приняли на Всесоюзную выставку. Мы очень радовались этому. Там забрали наши дыньки в карантин, проверить нет ли на них какой болезни, не заразят ли они другие растения. Но дыньки были совсем здоровые.

Ездили мы на выставку с нашей учительницей Антониной Васильевной три раза в пятидневку. Уедем в пять утра, а вечером снова домой. Раз приезжаем на выставку, а рабочие говорят:

— Грачи съели ваши дыни.

Смотрим: у двух дынь ощипаны побеги. У себя на участке можно было бы поставить пугало, а на выставке это некрасиво. Мы стали дыньки на ночь закрывать рамами, а днем грачи не прилетали: боялись людей, тут ходило много народу.

В этом году на выставке у нас высажено семь дынь на тыкве.

На школьном участке тоже растут дыни на тыквах. Колхозники спрашивают: «Что это такое?» Мы им объясняем. Растут и просто дыни на своем корню. Эти

дыни из семян тех дынь, что мы прививали раньше на тыквы. Не зря же они росли на тыквах. Может быть, у их семян свойства иные, может быть, они более привычны к нашему климату.

На школьном участке мы будем ставить опыт с помидорами, который узнали в прошлому году на выставке. Я на своей грядке буду удалять у помидоров все боковые побеги и прищипывать верхушку, чтобы растение не росло вверх. Тогда помидоры вызревают быстро и бывают крупные, по 300 грамм. Ян Штерн будет делать то же, что и я, только он удобрения применяет.

А настоящей теплицы у нас своей все еще нет.

В этом году я кончил семилетку. Теперь думаю пойти в сельскохозяйственный техникум, я хочу быть агрономом, заниматься трансплантацией дынь, арбузов, а также работать по полеводству, чтобы повысить урожай ржи и пшеницы. Так что придется много учиться. Но на школьный участок я, конечно, буду приходить. И мы сговорились с нашим агрономом Василием Дмитриевичем, что в эту осень обязательно устроим хорошую теплицу.

ОБСУЖДАЕМ ПИСЬМО ТОЛИ ПЛИТТ

БУДЕМ „МАСТЕРАМИ НА ВСЕ РУКИ"

Письмо Зины Батуриной, старшей вожатой 266-й школы, Москва

В седьмом номере журнала «Пионер» Ваня Швидак рассказал про девочку, которая дома ничего не хочет делать и за каждой мелочью обращается к бабушке: «Бабушка, сделай то, бабушка, подай это» и т. д.

И девочек и мальчиков таких, к сожалению, у нас очень много.

Очень часто бывает так, что ребята приходят в школу чистые и опрятные только потому, что об этом заботятся у них дома мама, или бабушка, или тетя. Как только они из-под надзора уходят, вся их опрятность и видимая заботливость о себе летят кувырком, и остаются они беспомощные, ничего не умеющие для себя сделать.

Приезжают ребята в лагерь. В их чемоданах акуратно сложено чистое белье. И вот белью этому часто суждено пролежать в чемодане очень долго. А ребята ходят в мятых, грязных рубашках. Со скандалом заставляют их вожатые менять белье и ходить в баню.

Все ребята в лагере имеют два полотенца: для лица и для ног. И вот Сева Б. никогда не разбирался в своих полотенцах: сегодня он вытирал ноги, завтра — лицо одним и тем же полотенцем. Когда же вожатая сделала ему замечание, он ответил:

— Какая разница? У меня и ноги и лицо по чистоте одинаковые.

Или вот часто ребята ходят по лагерю с дырами на одежде, с оторванными пуговицами.

В прошлом году мы проделали такой опыт: организовали «фабрику починки белья». В этой «фабрике» приняло участие тридцать пять девочек. Они избрали себе «директора» — тоже девочку, разделились на «мастериц», «работниц». По лагерю было объявлено, чтобы ребята в определенные часы сдавали свои вещи в починку. Сначала всем было стыдно. Но так как сами они все равно ничего не могли сделать, а ходить с дырами неприятно, то постепенно «фабрика починки белья» получила очень много работы. Через несколько часов починенные вещи выдавались обратно. И девочки, возвращая их, обязательно показывали ребятам, как надо пришить пуговицу, положить заплату. Так мы научили всех наших пионеров этому простому, но необходимому делу. Через несколько дней вещи пере-

стали поступать на «фабрику»: ребята все делали сами.

Как-то я сговорилась с ребятами одной спальни навести у них образцовый порядок. Взялись ребята за уборку неохотно. Но зато когда на окна повесили вырезанные из бумаги красивые занавески, покрыли столы белой, чистой бумагой и поставили на них графины с водой, а на стенах повесили чистые полотенца и полочки для мыла, — ребята были очень довольны. После этого все захотели свои спальни сделать такими же и стали соревноваться. Скоро порядок в спальнях стал обычным делом.

Однажды мы всем лагерем пошли в поход. Вышли сразу после завтрака, запаслись крупой и маслом, обед решили устроить в лесу.

Эта идея привела всех ребят в восторг. Но зато кончилась печально.

Ребята выделили «поваров». «Повара» взялись за дело бодро. Но... время шло, а обеда все не было. «Повара» непонятно почему канителились. Когда обед, наконец, был готов, проголодавшиеся ребята накинулись было на него, но сразу же лица их изменились... Обед был очень невкусен. Каша была сухая, кофе подгорел. Ребята только попробовали и не стали есть. Все рассердились, настроение испортилось, возвратились в лагерь мрачные, надутые.

А потом признались, что и сами не смогли бы сготовить даже такого простого обеда.

Ребята не умеют шить, стирать, гладить, подметать пол, мыть посуду. И многие из них думают, что это им ненужно. Одни знают, что о них заботятся старшие, другие думают, что не стоит тратить время на «пустяки». Я знаю ребят, которые хорошо учатся, серьезно и вдумчиво относятся к тому, что делают, увлекаются большими, серьезными делами, готовятся путешествовать, делать открытия и в то же время не умеют делать самых простых вещей.

А наши ребята должны быть самостоятельными и помнить, что без маленьких дел не делаются и большие дела.

Мое мнение

Игорь Кириллов. Город Ойрот-Тура

Я прочитал статью тов. Ярославского и тоже хочу кое-что сказать.

Живу я в Ойрот-Туре, где живут не только русские, но еще ойроты, казаки, теленгиты. Мы живем рядом с ойротами Кайгородовыми. Живем с ними в самых хороших отношениях. Никто не укоряет, что ты алтаец, а ты русский. Я, правда, один раз подрался с мальчиком, но из-за кролика, а не потому, что он алтаец.

Но и у нас в классе есть ребята, которые плохо влияют на других тем, что ругаются и курят. Я тоже ругался нехорошими словами, когда учился в пятом классе. Теперь бросил и стараюсь не слушать, как другие ругаются.

В Барде, где я учился в шестом классе, был один отличник. Фамилии не буду его называть: сам догадается, что о нем речь идет. Все думали, что он самый хороший ученик. Но один раз он подрался и, чтобы отомстить, подружился с ребятами с улицы, подговорил их на свою сторону, купил им сигар и сам вместе с ними стал курить и ругаться. И никто его не остановил. А, по-моему, мстить еще хуже, чем просто подраться.

Мне кажется, многие ребята никогда не думают, что они делают: хорошо себя ведут или нет. А если бы мы над этим хоть немного задумывались и вовремя останавливали друг друга, то хулиганства было бы меньше.

Джек будет служить на границе

Юра Плитанов, Москва, поселок завода имени Молотова

Я и мой Джек.

Однажды мама принесла домой маленького щенка.

— Вот, воспитывай,—сказала она мне.— Вырастет, отправишь на границу.

Я очень обрадовался. Давно хотелось мне воспитать хорошую собаку и подарить ее пограничникам. После школы я каждый день занимался с Джеком — так звали мы собаку. Учил ее приносить разные вещи, ходить за мной.

Прошло десять месяцев, Джек вырос и стал таким умным, что все ребята удивлялись.

Утром, когда я просыпался, он помогал мне одеваться.

— Джек,— скажу,— давай одеваться.

Он несет мне рубашку, потом штаны, потом туфли.

Придет папа с работы, скажет:

— Джек, дай спички.

Посмотрит Джек на комод, если там спичек нет, залезет в карман пиджака, достанет спички и принесет папе.

Ребятам Джек не разрешал до меня дотрагиваться. Пришел раз ко мне один мальчик, подал мне руку поздороваться, а Джек как наскочит, как толкнет его, тот в другой угол комнаты покатился.

Я написал письмо пограничникам, рассказал им о моем Джеке и просил взять его на границу, чтобы он там ловил фашистов

Прошло немного времени, вдруг к нам домой приходит командир-пограничник.

— Юра, тебе письмо от заместителя наркома внутренних дел.

Взял я письмо, читаю:

«Дорогой Юра! Твоя просьба принять в подарок для охраны границы нашей родины твою овчарку Джека удовлетворена. С этим письмом к тебе придет командир из пограничной школы служебных собак и осмотрит Джека. Если он найдет его пригодным к службе на границе, то примет его и отвезет в школу для обучения

Выражаю тебе благодарность за подарок. Джек, конечно, принесет большую пользу на границе и будет там, как ты правильно говоришь, ловить фашистов, как только они попытаются перейти на советскую землю.

Желаю тебе успеха в учебе и жму руку.

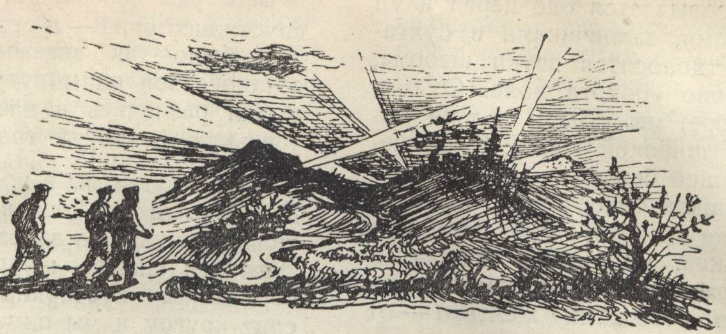
Передай привет своему папе и скажи, что у него сознательный и примерный сын.

Комдив Масленников».

Осмотрел командир моего Джека, и очень он ему понравился. Усадил его в машину и повез в школу. Мне жалко было расставаться с Джеком, даже поплакал немножко. Но мама обещала, что купит другого щенка.

Недавно я ездил в школу, где обучается Джек. Джек узнал меня, как кинется ко мне, стал лизать. Пограничник, который его обучает, сказал мне, что такой умной собаки еще не видал. Только он просил меня больше в школу не приезжать, потому что после встречи со мной Джек расстраивается и две недели его нельзя учить.

В августе моего Джека отправят на границу, а я скоро стану обучать другого щенка и тоже подарю его пограничникам.

Пионеры Хасанского района

С. Гарбузов

Рис. В. Цельмера

Дорога

Мы шли в Посьет. Позади остался Владивостокский порт с шумом паровозных гудков, визгом лебедок, грохотом подъемных кранов. Наш «каемка», так называют здесь рыбачьи катера, набирая ход, рассекал легкую волну — отголосок где-то бродившего шторма. Свежий ветер дул в лицо, и маленькие красные рыбки на флаге Наркомрыбпрома, казалось, гонялись одна за другой.

Во Владивостоке мне много рассказывали о коварстве Японского моря, говорили, что ему верить нельзя. Ласковое и приветливое, оно через несколько минут может стать грозным и злым. Однако первая часть пути прошла спокойно, и я уже готов был посмеяться над рассказами моих владивостокских друзей.

В прозрачной сиреневой дымке вырисовывались очертания мыса Гамова. Словно нос гигантского корабля врезается он в море, а на него со всех сторон обрушиваются волны и рассыпаются, ударяясь о крутые берега.

Высоко-высоко, на самом кончике мыса, показались белые строения маяка. А вот уж видны и покрытые лесом склоны. Желтоватый орешник, нежная светлозеленая лиственница, темные пятна могучих, густых кедров. И все это освещено ярким дальневосточным солнцем, окаймлено светлобирюзовым морем.

Мы любовались красавцем-мысом и не сразу заметили, как вдруг потускнели краски. Серая пелена закрыла солнце, и море из теплого, бирюзового, стало холодным, свинцовым. Откуда-то налетел ветер, сорвал гребешки с волн и окатил нас острыми брызгами.

— Будет шторм,— сказал шкипер,— придется зайти в Зарубино отсидеться.

От Зарубина до Посьета несколько десятков километров. Наш «каемка» пойдет дальше только утром, и то если шторм утихнет. Мы сидим в комнате у помполита рыбного комбината и решаем: ждать ли утра или отправиться сейчас пешком через сопки к шоссейной дороге, а там с попутной машиной в Краскино — центр Хасанского района?

Двухэтажный дом политотдела приютился у самой сопки. Прямо за окном начинаются заросли орешника и черемухи. Черемухи так много, что вся сопка кажется посыпанной молодым, только что выпавшим снегом. В комнате прохладно. Ветерок приносит сюда аромат черемухи.

Гостеприимные хозяева просят нас остаться. В чудесной бухточке у мыса Гамова строится пионерский лагерь. Они хотят сводить нас туда. Но нам не терпится скорее попасть в Краскино, в Посьет, к бойцам-пограничникам, к ребятам Хасанского района, к местам, где каждый камень, каждая падь хранят память о героических подвигах и славных делах. И мы решаем немедленно двинуться дальше.

Тропинка извивается, перепрыгивая с сопки на сопку. Мы идем от моря, а кажется, будто приближаемся к нему. Чем выше взбираемся мы на сопку, тем от-

четливее вырисовывается оно перед нами со всеми мысами, заливчиками и бухтами. К нам не доносятся звуки шторма, здесь не слышно грохота волн. О том, как бушует море, мы можем только догадываться по широкой кайме белой пены, опоясывающей берег.

А здесь, в сопках, тихо. Весело щебечет дальневосточная овсянка. Сидит на дороге этакая серенькая, незаметная птичка, а поднимется, расправит крылышки и заблестит всеми оттенками желтого — от светлокремового до яркооранжевого. Грузно взмахнув крыльями, поднялся тяжелый фазан, пролетел шагов двадцать и сел в густую траву. Минут пятнадцать шли мы поляной, сплошь заросшей ландышем. Цветы расстилались под ногами сплошным благоухающим ковром. Мы шли осторожно, гуськом по узенькой дорожке, стараясь не задеть широкие зеленые листья и тоненькие стебельки с белыми колокольчиками.

Еще раз перевалили мы через сопку, спустились вниз — и сразу наступила ночь. Это было так внезапно, что пришлось остановиться на минуту, пока глаза привыкли различать в наступившей темноте узенькую ленточку тропинки.

Дальше шли мы в полной темноте. Кругом тихо-тихо. Лишь вдалеке где-то кричали лягушки, да запоздавшая птица, разыскивая гнездо, шуршала крыльями по верхушкам кустарника. Казалось, все спит кругом и мы одни шагаем этой темной, беззвездной ночью.

И вдруг опять стало светло. Сильный луч прожектора прорезал темноту. За ним другой, третий. Ощупывая небо, они то рассыпались веером, то сплетались в гигантскую букву «Ж». Вот зажглись еще два прожектора. Ожили скрытые темнотой морские берега. Нет, не все спят. Непрошенные гости ночью, как и днем, встретят достойный прием.

В Краскино

В Краскино приехали рано утром. Село только просыпалось. Продавцы в сельпо снимали ставни с окон. Ребята торопились в школу. Уборщица в райисполкоме тщательно орудовала метлой и тряпкой, подбирая окурки, обрывки бумаги. Вчера до поздней ночи здесь шло совещание колхозных бригадиров.

Краскино — это и есть то урочище Ново-Киевское, где 50 лет назад было заключено между Россией и Китаем ханчунское соглашение и установлена линия границы, которую японцы нарушили в августе прошлого года.

Краскиным село названо недавно в память о храбром пограничнике лейтенанте Краскине. В 1936 году банда японо-манчжурских налетчиков пыталась перейти границу. Штыком и пулей встретили их пограничники. В схватке погиб отважный лейтенант. Теперь в самом центре села, у белого двухэтажного здания райкома партии и райисполкома, его могила, а над ней скромный памятник. Каждый год, в день гибели лейтенанта, собираются у могилы жители Краскино — колхозники, пионеры, пограничники. Оркестр играет траурный марш. И взоры всех обращаются к темной гряде сопок, что тянется за селом, к линии границы, к тому месту, где погиб Краскин, защищая советскую землю.

В прошлом году рядом с могилой лейтенанта Краскина выросла еще одна могила: здесь похоронен герой Хасана комиссар Пожарский.

Солнце еще не успело высушить утренней росы. Омытые ею, блестят золотые буквы на цоколе памятника. Короткая

надпись скупо и сжато рассказывает, как сражался и погиб бесстрашный комиссар.

Славные дни Хасана! О них не забудет весь советский народ, но какой глубокой бороздой легли они в памяти жителей Хасанского района! Здесь все напоминает о тех героических днях. У продавцов в магазине сельпо боевые ордена на груди. У учителей в школе медали «За боевые заслуги». И две девочки-пионерки Оля Ниских и Вера Яворская, с которыми мы сидим на широком диване в кабинете директора школы, перебивая друг друга и горячась, рассказывают, как жили они и что делали в те незабываемые дни:

— О том, что бои идут, мы узнали еще 30 июля, когда первые одиннадцать сражались. Одна девочка пришла и сказала. Как-то сразу тихо стало в селе. Все ждем новостей с границы, все думаем о том, как там сражаются наши.

А потом стали пушки грохать. Повезли первые машины с ранеными...

В краскинском клубе устроили лазарет. Рано утром Оля, Вера и еще две девочки пошли в поле за цветами. Они нарвали большие букеты желтых, лиловых и фиолетовых лилий, розовых рододендронов, крупных, с ладонь, ромашек. Они внесли в палаты, где на узких больничных кроватях разметались раненые бойцы, аромат полей, яркие краски дальневосточной осени. Ласковыми взглядами провожали раненые заботливых девочек. Больше чем цветы радовала их эта любовь, эта забота.

Оля и Вера стали дежурить в лазарете. Они приходили туда в 8 часов утра и, получив задание, принимались за работу. В белых халатах и повязках, с красным крестом на рукаве, они не отличались от настоящих медицинских сестер.

Раненых в лазарет привозили прямо с места боев. Одежда на них была изорвана и залита кровью. Лица и руки закопчены пороховым дымом. Девочки осторожно раздевали бойцов, тщательно обмывали их, укладывали в постели, потом приносили еду, газеты.

— На еду и не смотрели, а газеты прямо из рук рвали. Каждый хотел узнать, что делается у Хасана.

Тяжелораненым читали газеты вслух. И как светлели лица у раненых, когда пионерки читали им о том, как наши бойцы громили самураев!

Когда 6 августа разгорелось большое сражение и раненых стало больше, девочки целые сутки не выходили из лазарета. Они расставляли кровати, набивали подушки и матрацы сеном, подготовляли постели для вновь прибывших, убирали в палатах.

Если у раненых сползала повязка, девочки сами перевязывали. Врача не звали. Вначале страшно было, боялись крови, боялись открытых ран. Но, преодолевая боязнь, девочки храбро делали свое дело. А потом привыкли и ран перестали бояться.

Однажды принимали нового раненого; смотрят девочки, а это их учитель математики. Он был политруком запаса, и незадолго до боев призвали его в армию. Учителя ранило в ногу. Его положили на втором этаже, а девочки дежурили внизу.

— Как выдастся свободная минутка, бежим наверх, то цветы ему отнесем, то подушку поправим.

Учитель скоро выздоровел и вновь отправился бить врагов.

— Все раненые к Хасану рвались,— вспоминают девочки.— Как врач зайдет в палату, так все и спрашивали: когда выпишете, когда выпишете? А на боль никто не жаловался. Были такие, что в одном белье убегали на позиции: ведь одежду им без разрешения врача не выдавали.

Девочки умолкают. Я понимаю их и не задаю вопросов. Они вспоминают о замечательных людях, за которыми ухаживали в лазарете. Глаза их блестят. Переживания тех дней снова волнуют их.

— Придем домой, а дома не сидится,— нарушает молчание Оля.— В лазарет пойдешь,— сестра ругается, говорит, почему не отдыхаете. Тогда мы выходим из дому, садимся у дороги и пишем записки. Проезжает машина с ранеными, а мы бросаем записки в машину.

— А что в записках?

— Да всякое, что в голову придет: «Дорогие, скорее выздоравливайте!», «Желаем вам сил и здоровья!», «Привет героям!»

— А матери подоят коров и несут ведра с молоком на дорогу. Останавливают машины с ранеными и поят бойцов.

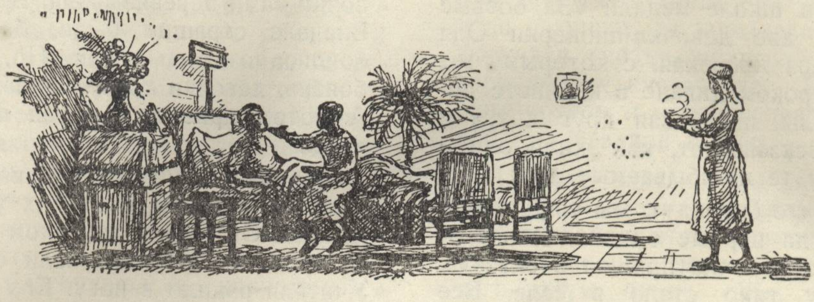
И опять мы сидим молча. Девочки погрузились в воспоминания, а я думаю о той великой любви к армии, о той неру-

шимой связи армии с народом, которая может быть только у нас, только в Советской стране.

— Мы и теперь дружим с пограничниками. Весной ездили в Ханси на заставу, ставили пьесу «Как закалялась сталь».

Дождь шел страшный. Учительница говорит, давайте отложим поездку, а ребята в один голос: нет, ни за что. Возле сопки Сахарная Головка машина застряла. Выскочили все мы из машины, прямо на руках ее вытащили.

А пограничники-то были рады, когда мы приехали!

Шурик Бражников

Шура Бражников учился в той же школе, где и Оля с Верой. Только они в седьмом классе, а он в третьем. Когда начались бои, Шурику страшно захотелось ухаживать за ранеными, вместе со взрослыми работать в лазарете.

Вечером он пристал к матери:

— Сшей мне белый халат.

— А зачем тебе?

Пришлось пойти на хитрость.

— Учитель велел.

Из старой рубашки мать сшила Шурику халат. Он спрятал его под рубашку и пошел по дороге в Посьет. Он видел, что по этой дороге едут машины с бойцами. Идти было далеко. То и дело обгоняли его машины, обдавая грязью. Он поднял руку, пытаясь остановить одну из них, но шоферы торопились, никто не остановился. А уже темнело. Скоро наступит ночь. Тогда Шурик решил прицепиться к одной машине. Он ухватился руками за борт грузовика и повис сзади, подскакивая на ухабах. Шофер обернулся, смотрит: сзади торчит испанская шапочка и выглядывают из-за борта машины черные глазенки. Он остановил автомобиль и грозно подошел к Шурику:

— Ты что озорничаешь? Хочешь под машину попасть?

— Дяденька, мне в Посьет надо, я хочу за ранеными ухаживать, возьми меня с собой! — взмолился Шурик.— Если не возьмешь, я к другой машине прицеплюсь и могу под колеса попасть. Лучше возьми!

Посадил шофер мальчика рядом с собой и повез в Посьет. По дороге Шурик расспросил, кто там в госпитале занимается приемом раненых, узнал, что жена лейтенанта Карташова. Когда машина въехала во двор погранотряда и остановилась у клуба, он сошел, разыскал Карташову и, смело глядя ей в глаза, изложил свою просьбу.

— Что ты? Сколько тебе лет? У нас и больших хватит.

— Тетенька, вы не смотрите, что я маленький, я сильный, я что угодно могу делать! — упрашивал Шурик.

И столько горячего желания помогать раненым чувствовалось в его словах, что Карташова не могла отказать.

— Ну ладно, будешь разносить газеты по палатам,— сказала она.

— Нет, не хочу разносить газеты, я хочу дежурить в палатах, как и все другие,— не уступал Шурик.

— Да, но ведь видишь, мы все в белых халатах, халаты у нас большие, маленьких нет, как же ты будешь дежурить? — пустила Карташова в ход последний довод.

— А у меня свой халат есть,— и Шурик, торжествуя, вытащил из-за пазухи тщательно сложенный, завернутый в газетную бумагу халатик.

Так и стал Шурик дежурить в лазарете. Любили его все: и сестры, и врачи, и

бойцы. Свои обязанности он выполнял тихо, спокойно, никогда ничего не забывал. Вот красноармейцы сидят в приемном покое. У одного из них от боли исказилось лицо, он ранен в ногу, кровь натекла в сапог. Вдруг к нему подходит мальчик в халате и испанской шапочке. Посмотрел на раненого, на ногу, не говоря ни слова, берет большие ножницы, разрезает голенище и осторожненько стаскивает сапог.

Когда Шурик дежурил, ни одна порция не оставалась несъеденной. Раненые нервничали, они вспоминали пережитое, им досадно было, что выбыли из строя, есть не хотелось. Шурик усаживался у постели бойца:

— Дяденька, ты хочешь скорее на фронт? Хочешь? Так поешь, скорее выздоровеешь.

И никто не мог отказать маленькому санитару.

Кончились бои, быстроходные катера и самолеты увезли раненых в Хабаровск, Владивосток, в самые лучшие больницы страны. Шурик, выполнив свой долг пионера, ушел из Посьета домой. В спешке и горячке тех дней забыли спросить у него фамилию, забыли узнать, откуда он. А Шурик никому ничего не рассказывал. Долго искали его пограничники, хотели поблагодарить храброго, отзывчивого и скромного пионера. Только через несколько месяцев на улице в Краскине случайно встретила его товарищ Карташова, он шел с товарищами в школу. От нее и узнали все ребята, каков их Шурик, как замечательно проявил он себя в дни хасанских боев.

Награда

Алла Иванова выросла на границе. Вместе с отцом своим, командиром-пограничником, побывала она и в Мерве, и в Ашхабаде, и в Белоруссии. Последние годы она живет на Дальнем Востоке.

Алла любит суровую пограничную жизнь с ее тревогами и радостями. Она вспоминает долгие зимние месяцы, проведенные на далеких заставах, вечера, когда вся дружная семья пограничников собирается у жарко натопленной печи. Баянист растягивает меха гармони, маленькая Алла выходит на круг и под громкие хлопки бойцов отплясывает «лезгинку»...

Потом маленькая девочка стала большой, надо было учиться. Алла уехала в интернат и только на каникулы приезжала к родителям на границу. Так было и в прошлом году. Алла приехала в Посьет на каникулы, там и застали ее события, развернувшиеся у озера Хасан.

Жены командиров стали работать в лазарете, Алле тоже хотелось ухаживать за ранеными. Но ей отказали. Возмущенная, пришла она к секретарю комсомольского комитета, вынула из кармана комсомольский билет и с дрожью в голосе сказала:

— Зачем вы дали мне комсомольский билет, если не доверяете мне? Почему вы не пускаете меня в госпиталь работать? Разве это так важно, что мне только 15 лет?

И вот в белом халате Алла дежурит в операционной. Внимательно слушает она приказания хирурга, подает вату, инструменты, марлю. Быстро и ловко делает она свое дело.

На операционный стол ложатся удиви-

тельные люди: им больно, страшно больно, но не слышно ни стона. Хирургу они задают только один вопрос: «Товарищ доктор, я еще буду в боях?»

Когда она отвозит их в палату, больной первым делом просит:

— Сестрица, почитай газету: что на Хасане?

«Вот у кого учиться мужеству, вот кому подражать!» — думает Алла.

Прошли бои, Алла вернулась в Хабаровск, в школе шли занятия, ее избрали секретарем комсомольской организации. Однажды гурьбой вбегают в класс девочки.

— Алла, тебя наградили!

— Меня? Да что вы, за что меня награждать. Ивановых много, вы, наверно, спутали.

— Нет, тебя,— пионерку Аллу Иванову!

Екнуло сердце. Побежала в учительскую. Да, в газете отчетливо напечатаны ее имя, фамилия. Держа в руке газетный лист, возвращалась она в класс. Был урок химии, но формулы не шли в голову. Учителя понимали состояние Аллы и в этот день не вызывали ее.

Ночью не спалось. Алла ворочалась на койке. В светлой и просторной комнате интерната было тихо, подруги спали. Алла встала и села писать отцу: «Я вот думаю: за что меня наградили? Ведь каждая девочка в нашем классе сделала бы на моем месте то же самое».

«Вот за это тебя и наградили,— отвечал Алле отец,— ты поступила так, как должна поступить настоящая пионерка, настоящая комсомолка».

Обо всех этих мыслях, обо всех своих чувствах хотелось Алле сказать в тот торжественный день, когда в том же самом клубе, где несколькими месяцами раньше ухаживала она за ранеными, Правительственная комиссия торжественно вручила награжденным ордена и медали.

Назвали ее фамилию, она вышла на сцену. Председатель комиссии подал ей красную коробочку с медалью «За боевые заслуги» и крепко пожал руку. Спазмы сжали горло. Хотелось сказать много, но сказала только:

— Спасибо партии, спасибо Сталину, который так воспитывает нас. Для родины ничего не жалко!

И сбежала со сцены.

Со всех концов страны приходят в Хабаровск, в интернат НКВД, письма: Алле пишут и пионеры и их родители, но особенно много писем от красноармейцев и командиров.

Пишет воздушный стрелок-радист Минаков с другого конца Союза, с западной границы:

«Читая в газетах о вашем самоотверженном поступке, я был полон теплого чувства. Имея таких девушек в тылу, как вы, Алла, мы можем с гордостью идти в бой.

Заверяю вас, Алла, что мой пулемет будет, если потребуется, работать безотказно. Поздравляю с высокой наградой».

*

Рано утром уезжали мы из Посьета во Владивосток. На обширном дворе погранотряда бойцы делали зарядку. Солнце, только что поднявшееся из-за прибрежных скал, освещало крепкие фигуры пограничников. На желтый песок ложились длинные тени. Сотни рук то поднимались вверх, то плавно опускались вниз. Окончив зарядку, бойцы сомкнули ряды и пошли к казармам. Звонкий голос затянул задорную песню о японских горе-вояках, и, подхваченный молодыми голосами, грянул припев:

«На Хасане наломали им бока,
Били, били, говорили, ну пока!»

И, как бы подкрепляя слова песни, грянул орудийный выстрел. Над сопкой взметнулся коричневый дымок, и далеко в море, там, где упал снаряд, поднялся фонтан воды. Начинался трудовой день у соседей пограничников — бойцов береговой артиллерии.

Машина стремительно неслась по гладкой дороге. Спидометр отсчитывал километр за километром. Пейзажи, один красивей другого, открывались за каждым поворотом. Но я думал о другом. Прощаясь с Хасанским районом, я думал о той могучей силе, которая дает возможность трем бойцам-пограничникам сражаться против целой японской роты, о той силе, которая привела в Посьет Шурика Бражникова. Эта сила — любовь к родине, родине прекрасной, могучей и счастливой.

Средство от малокровия

К. Золотовский *Рис. Ю. Кискачи*

Никита Пушков проснулся рано, протяжно зевнул и посмотрел в окно на Волгу и водолазные баркасы у берега.

— Эге, парень, погодка будет что надо,— сказал Пушков и принялся за утреннюю гимнастику.

Не спеша поворачивал он свою воловью шею. По всем правилам выкидывал толстые руки и широкой ладонью растирал выпуклую, здоровенную грудь. Приседая, неторопливо сгибал колени. То наклонял, то расправлял загорелую спину, на которой свободно уместился бы концертный рояль.

Никита был самый сильный в водолазном отряде, он всех побеждал в борьбе, а задиру из задир Содомкина валил на лопатки одной левой рукой. Только была у огромного Никиты одна странная особенность. Стоило ему поперхнуться и кашлянуть, как он думал о бронхите и воспалении легких. Заболит у него живот после кислого кваса, и он уж с тревогой спрашивает у доктора, не заворот ли у него кишок, не рак ли желудка. Останется в расческе волосок, и Никита в отчаянии ждет, что через два — три дня облысеет и голова у него будет, как глобус.

Сегодня был редкостный день: Никита Пушков считал себя совершенно здоровым.

— Никита! Смирно, равнение на меня! — бойко выкрикнул черноглазый Содомкин, приподнимаясь на кровати и лукаво ухмыляясь.— Что это у тебя сегодня, Никита, цвет лица нехороший?

Пушков беспокойно посмотрелся в зеркальце:

— Да нет, парень, цвет как будто подходящий!

«Не поддается,— подумал Содомкин,— ладно, испробую другое». И он сказал:

— Ты, Никита, во сне кричал и бредил диким голосом.

— Неужели кричал?

— Так орал, что я даже испугался. У тебя определенно малокровие и невроз сердца.

Пушков, приложив обе руки к груди, испуганно посмотрел на Содомкина.

«Ага, клюнуло!» — обрадовался Содомкин и торопливо продолжал:

— К доктору ты не ходи, я знаю для тебя простое и верное средство — рыбью печонку.

— А что, помогает? — заинтересовался Пушков.— Я и сам уж слышал о какой-то печонке.

— Он еще спрашивает! Да рыбья печонка — лучшее лекарство в мире! Рыбья печонка моментально излечивает тяжелобольных! Рыбья печонка не позволяет заболеть даже совершенно здоровому! И представь себе, чем крупнее печонка, тем целебней.

Содомкин выпалил все это очень убедительно.

— Да, парень, лекарство действительно толковое,— согласился Пушков.— Сегодня же схожу к рыбакам за самой крупной рыбой. Ухи мне не надо, а печонку испробую.

Содомкин просиял. Ежедневное пшено и баранина ему осточертели. «Ура! — подумал он.— Уха будет!» Он не ожидал такой легкой победы. Ведь Пушков, как огня, боялся рыбных блюд с тех пор, как услышал, что кто-то отравился головой леща.

*

Мысль о замечательном лечебном средстве так заняла Никиту, что, придя на баркас, он отдавил лапу Тайфуну. Кроткий пес взвизгнул на всю Волгу.

— Ты что, Никита, рассеянный? — спросил старшина баркаса.

— У него хроническое малокровие! — весело ввязался Содомкин, помогая Пушкову натягивать на плечи водолазный костюм.— Но он сегодня добудет рыбью печонку, и болезни как не бывало.

Старшина рассмеялся:

— Все ты, Никита, хочешь, чего нет. Иди-ка лучше сваи пили!

Пушков молча, с ножовкой в руке, шагнул за борт на железный трап.

Старшина подвязал Пушкову шланг и шлепнул ладонью по медному шлему в знак отправления.

Как только Пушков погрузился, старшина сказал Содомкину:

— А где Никита возьмет печонку, когда и рыбы-то нет?

— Уж он добудет! Он после работы к рыбакам за рыбкой двадцать два километра сгоняет...

— Ну, это ты, приятель, заврался. Не попрется Никита по жаре в такую даль. Он здоровье бережет.

— Держим пари?

— Давай.

— А кто проиграет, тот выигравшего будет на себе верхом катать.

— Ишь, конь выискался!

— Так ведь кататься-то я на тебе буду!

— Ну, это еще как сказать!

*

Пушков этого спора не слышал. Он уже шагал по дну реки, вздымая разноцветный ил, волоча за собой шланг и сигнал.

В подводном сумраке цвета яблочного компота скоро обозначились перед ним тени, неясные и расплывчатые. Никита подошел к деревянным сваям старой пристани. Их надо было спилить. Сваи мешали пароходам. Никите стало весело и хорошо. Он любил водолазную работу и под водой забывал все свои сухопутные тревоги и неприятности. Хозяйственно оглядев крайнюю сваю, он приставил ножовку, опустился коленом на бревно, лежавшее внизу, да тут же и отскочил:

— Ой, парень!

Бревно оказалось живым. Оно чесалось о сваю, как настоящая свинья.

Ножовка выпала из рук Пушкова. Он быстро протер носом запотевший иллюминатор и оторопел: у бревна был рыбий хвост. Безобразная голова, похожая на бычью, шевелила длинными белыми усами. А спину, шершавую, как кора старого дерева, покрывали зеленая слизь и речные улитки.

Это был громадный сом. Про таких сомов Никита слышал, будто они целиком проглатывают телят, забредших в реку напиться. Чудовище, вероятно, уже подзакусило и теперь тихонько почесывалось во сне, не замечая водолаза.

Никита наклонился к корявой спине, почти касаясь ее пальцами. Боязно было даже притронуться к этому речному дьяволу.

«А ну, если свинцовой подметкой его по сопатке двинуть? — размышлял Никита.— Нет, обозлишь только. И ножа-то, как нарочно, не взял с собой... Да что ж это я, рыбы испугался?! Неужели упущу этакого

усача с печонкой не меньше восьми кило? Да ведь такая печонка меня сразу вылечит!»

Никита протянул руку, но сейчас же отдернул:

«А вдруг сом за свою печонку все ребра мне помнет?»

Однако медлить было некогда: сом каждую минуту мог проснуться и уйти.

Никита вздохнул.

«А, может, он, вот этот самый толстокожий, таскает колхозных племенных телят. И я ему позволю колхозное добро грабить? А если бы, к примеру, в его прожорливом брюхе находилась проглоченная сумка или бутыль. А в бутыли секретные военные документы. А от них зависела бы жизнь моих товарищей. Тогда как?»

Никита окончательно распалился и решительно просигналил веревкой:

«Прибавь воздуха!»

— Амба, парень! Давай посмотрим, чья возьмет!— сказал он и запустил под холодную сомью жабру правую руку, а левой обхватил толстое страшное туловище и изо всей силы прижал его к груди.

Сом рванулся, опрокинул Никиту и грохнул его головой о сваю.

Шлем загудел, а может быть, и помялся, но прочные стекла уцелели.

Никита точно ослеп: серый ил клубами поднялся со дна и, как пороховой дым, закрыл все три иллюминатора. Но сома Никита не выпустил. Сом валял его и бил хвостом. Боли водолаз не чувствовал: костюм, надуваясь, делался упругим, как гутаперчевый мяч, но руки уже слабели...

Никита готов был зареветь от злости и обиды, врезаться в сома зубами, но зубы были за стеклами.

Наконец, ему удалось обхватить противника ногами и опрокинуть под себя. Сом вывернулся, поставил Никиту на голову и рванулся, чуть руки Никите не оторвал.

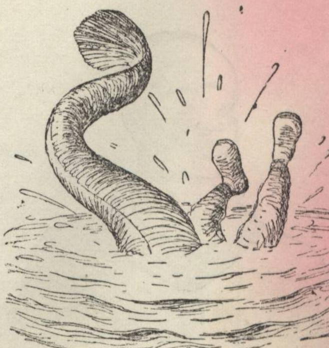
Как раз тогда-то воздух-силач, выдирающий из вязкого грунта погибшие в глубинах корабли, воздух-спаситель, заполнил доотказа водолазный костюм, легко, словно пушинку, приподнял со взбаламученного дна крепко обнявшихся борцов и мигом умчал их кверху.

★

Старшина стоял на баркасе и, держа подмышкой сигнальную веревку водолаза, раскуривал свою насквозь прокопченную трубку.

Вдруг на поверхность реки выскочил рыбий хвост с ногами.

— Что за чушь? — удивился старшина, сунул трубку в карман и уставился на воду, но диковину разглядеть не успел: она, всплеснув, пропала.

Догоревшая спичка больно обожгла палец. Старшина, охнув, кинул ее за борт. И сразу же в том месте, где упала спичка, показался боком водолаз с каким-то белесым чудовищем в объятиях.

— Рыба! — вскрикнул Содомкин.

— Нет, гляди-ка: сом! — сказал старшина.— Эх, упустит! — и он изо всех сил потянул Никиту за сигнальную веревку к трапу.

— Сом! — не своим голосом заорал Содомкин.— Сом! На помощь, товарищи!

Сом хапал раскрытой пастью жаркий волжский воздух. И, рванись он еще хоть раз, ослабевший водолаз разжал бы руки. Через стекло видно было, как раздулись жилы на лбу Никиты, а лицо стало краснее клюквы. Переполненный воздухом костюм, раздутый как аэростат, мелко вздрагивал, потрескивал и гудел, угрожая лопнуть.

— Хватай под жабры! Накидывай петлю! — закричали водолазы.

Никиту затолкали со всех сторон. И он увидел через треснувший иллюминатор целый лес загорелых рук. Никита задыхался. Он нажал онемевшим затылком медную пуговицу клапана, выпустил из костюма воздух и, облегченно вздохнув, ушел под воду.

★

На дне Никита медленно стал приходить в себя. Наклонив шлем, он тупо уставился в ил. Натруженные руки висели как плети. Никита тихонько раскачивался, в такт дыханию выпуская через клапан табунки воздушных пузырьков.

А когда он поднялся на баркас, сома, обмотанного толстыми веревками, тянули к песчаному берегу человек двадцать. Пес Тайфун скакал, лаял, рычал, скреб лапами землю. Семь человек барахтались в воде, сбитые сомовьим хвостом. Восьмой — старшина баркаса — упал в воду нарочно: у него загорелся пиджак от сунутой в карман трубки, и теперь он, отфыркиваясь, вылезал из воды на сушу.

Сома вытащили. Поглазеть на него стеклась толпа народа. Сом лежал смирно. Содомкин сбросил веревку и сел на него верхом. Сом вздрогнул и, изгибаясь, пополз к реке.

— Везет! — закричали в толпе.

Сом проволок на себе Содомкина метра полтора. В береговом песке осталась за ними глубокая полосатая дорога.

Неожиданно мощный удар хвоста взметнул вверх песочную пыль. А когда пыль рассеялась, все увидели, что сом торопливо полз к воде, а далеко в сторонке поднимался Содомкин.

— Беги за седлом! — крикнули ему из толпы.

Сома кинулись ловить.

★

Часа через два воинственного сома распилили как бревно поперечной пилой.

Ухи было невпроворот — угощались все, кто только хотел. Мясо сома было мягким и жирным. Правда, пахло оно речной тиной и подводной сваей. Но водолазы с удовольствием ели свежую рыбу.

Никиту поздравляли.

Только старшина, у которого дотла сгорел карман, ворчал:

— Сплошные убытки! Шлем помят, в мастерскую отдал, стекло надо новое вставлять, ножовка на дне осталась, сваи не спилены! Завтра я тебя, Никита, на три часа раньше с постели подыму!

Никита мотнул головой в знак согласия,— рот его был занят большим куском сомовьей печонки.

Облокотясь о стол своими здоровенными руками, Никита жадно загребал с тарелки жирные куски. А когда съел все дочиста, запил полуведерной банкой воды, в которой плавал похожий на губку морской гриб — для здоровья. Затем внимательно посмотрелся в зеркальце, ущипнул себя за толстую красную щеку и с благодарностью взглянул на Содомкина.

Разукрашенный иодом, с малиновой шишкой на лбу, Содомкин сидел рядом со старшиной. Но о пари не заикался. На Пушкова он поглядел только одним глазом, второй у него заплыл от синяка.

— Ну, парень,— сказал Никита,— превеликое спасибо за совет! А то было прямо испугался: встретил подходящую рыбу, а взять не могу... Теперь малокровие у меня как рукой сняло. Вот это — средство!

Содомкин здоровым глазом подмигнул старшине.

Известия Географического общества читателей журнала «Пионер» № 30

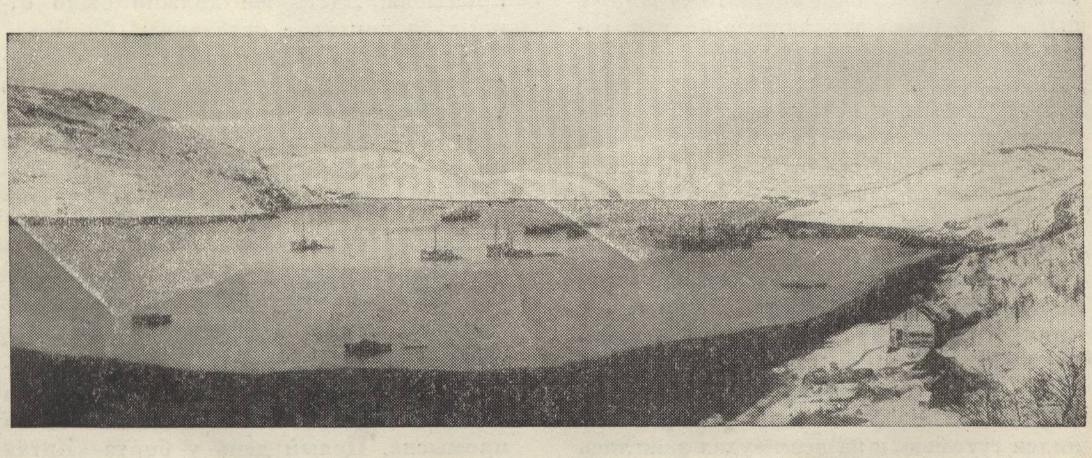
Ловля сельдей

Петр Сажин

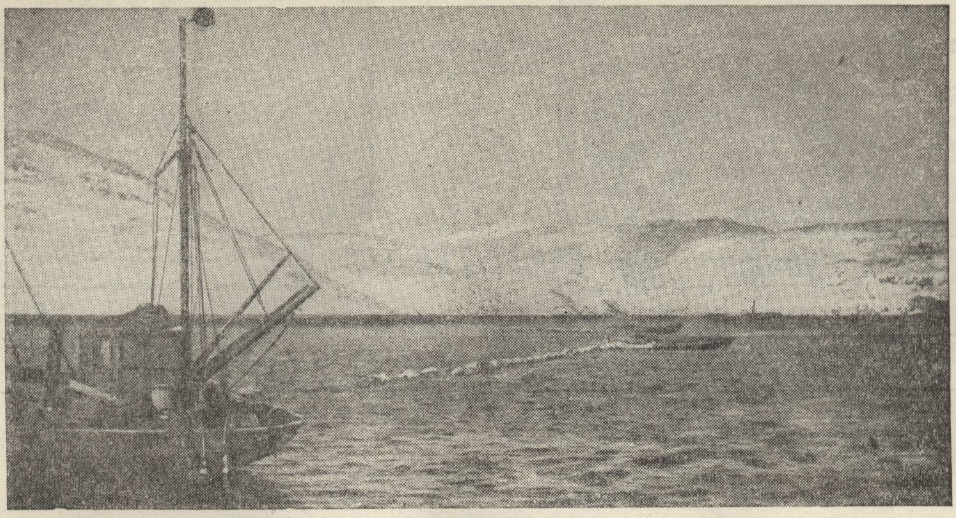
Пловучий город

В эту ночь мы так и не сомкнули глаз. Хотя утро здесь, на севере, в это время года—чисто астрономическое понятие: мы были уже под семидесятым градусом северной широты в царстве полярной ночи. Рассвет едва забрезжил в двенадцать дня. Небо было затянуто серой пеленой. Солнце было далеко — в южных странах, где в это время цветут магнолии. Суровые скалы, покрытые снегом, теснились кругом, и лишь кое-где в расщелинах чернели низкорослые кустарники. Это все, что могла скупая природа севера подарить взору путешественника.

Чем ближе «Маргот» подходил к фиорду Западная лица, тем чаще стали встречаться промысловые боты, парусные шхуны и большие рыболовные траулеры. В час дня мы были уже у «околицы» пловучего города, в губе Малая лопатка. Здесь стояла флотилия различных судов. Между ними шныряли шлюпки — «ахтерки», так их называют поморы. Тут же стоял спасательный буксир «Буревестник»—красавец с косо посаженной трубой, мощной овальной кормой и крепким стальным носом.

Губа Малая лопатка. На берегу — баня и сушильни для сетей.

Запор фиорда. Гигантская сеть перегораживает всю губу.

Мы подошли к знаменитому запору-гиганту — огромному неводу величиной в несколько гектаров, опущенному в воду для того, чтобы преградить выход миллионам сельдей, зашедшим в фиорд. О том, что вход в фиорд перегорожен гигантской сетью, можно было догадаться лишь по бочкам, на которых она держалась, по ботам, стоявшим у левого края этого морского забора, да еще по шлюпкам, на которых сновали вдоль запора рабочие с цепями, выброшенными за борт. В каждой шлюпке было по два человека. Один сидел на веслах, другой тряс цепи, создавая под водой шум. Из шлюпок выглядывали какие-то странные рыбы. Это были деревянные белуги, которых время от времени опускали в воду и таскали взад-вперед, отпугивая скоплявшуюся у невода треску. Трески было так много, что ее легко брали «на поддев», т. е. опускали бичевку с крючком, чуть-чуть подергивали его и тащили рыбину, поддетую крючком за брюхо.

Через час после прибытия в Малую лопатку открылись ворота запора и нас пропустили в фиорд. Обогнув остров, мы вышли на самое широкое место фиорда. Вдали открылся пловучий город. Короткий, полярный день быстро сменился сутемью, и на всех судах зажглись топовые огни. Тысячи огоньков заблистали в фиорде, отражаясь в гладкой поверхности воды. Дым из труб свечой уходил в небо. Это был редкий на севере день. Такие тихие дни обычны в апреле — мае, но никак не в ноябре. Ноябрь и декабрь — здесь время штормов, снежных бурь, дождей и пронзительных зюйдвестовых ветров.

Капитан взял направление к траулеру «Кит», стоявшему на мертвых якорях. Это был административный центр пловучего города. Здесь помещались редакция газеты «Полярная правда», центральный радиотелеграф, поликлиника, научно-техническая станция Полярного института океанографии, центральные мастерские по ремонту ботов и штаб промысла. Здесь же должно было открыться почтовое отделение.

На некотором расстоянии от «Кита» стояли четыре парусника. На одном из них была расположена столовая, на другом — «дом культуры» промысла и на двух остальных — магазин «Гастроном» и продмаг. Это был центр «города».

День „города"

Сапоги у рыбаков, покрытые чешуей, кажутся серебряными. Чешуя эта разносится повсюду. Особенно много ее на «Ките». Сюда сходятся люди со всего промысла. Целый день у борта «Кита» стоят боты и шлюпки. На палубе шум и стук кованых сапог. В амбулатории три доктора возятся с пациентами.

Большая очередь у сберкассы и почты. Почта завалена денежными переводами и письмами.

В магазине, расположенном в носовом трюме, бойко идет торговля. Рыбаки выносят из магазина окорока с коричневой корочкой, колбасы, конфеты, печенье. На баке молодые ученые во главе с профессором Граниным потрошат селедку. Тут же гидробиологи и гидрохимики возятся со своими планктонными сетками, термометрами и пробирками.

Жизнь на «Ките» замирает только глубокой ночью. Лишь вахтенные бродят по палубе. Крепкий сон сковывает усталых людей. Но уже на заре снова раздаются голоса. Люди наскоро освежают лица холодной водой, пьют чай, надевают обсушенную одежду. Начинается трудовой день.

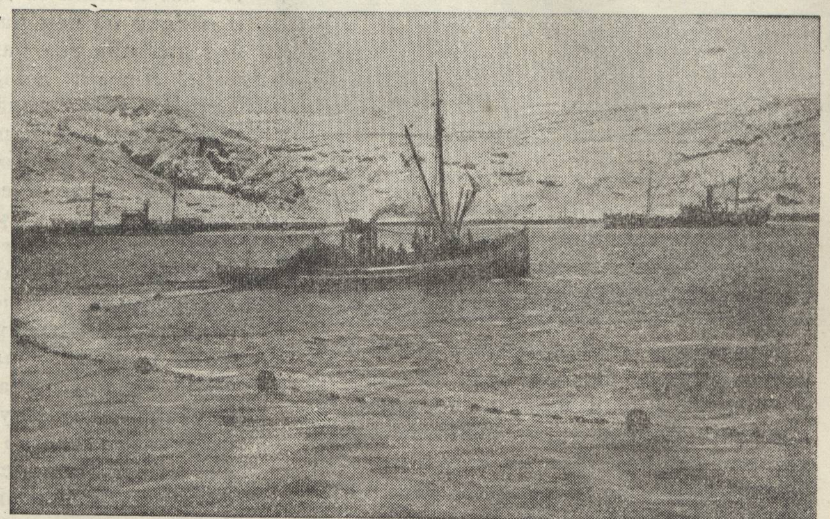
Один за другим выходят на лов боты. Впереди на шлюпках бригадиры со щупами ищут рыбу. Над ними летают чайки. Чайки — верный признак наличия сельди. Особенно там, где они садятся стаями на воду. Пискливо переговариваются они на своем птичьем языке и то и дело опускают голову в воду. Вытащив рыбину, тут же проглатывают ее в два приема, чуть-чуть поднимаясь от воды.

Как только бригадир найдет косяк сельди, он дает рукой знак капитану бота, и тот на малом ходу подходит к указанному бригадиром месту. По команде бригадира рыбаки с кормы бота, где на специальной площадке сложен невод, выбрасывают конец его в воду, а бот дает полный ход и начинает описывать круг. Когда весь невод уйдет в воду, на поверхности торчат лишь кухтыли—поплавки. Бригада на шлюпках вместе с бригадиром быстро стягивает низ невода, и рыба попадает в плен — в мешок.

Все работают быстро, ловко. Глаза горят. Настоящая охота! Потом начинается выборка невода. Рыбаки затягивают песню. По песне всегда можно узнать, где, в какой губе фиорда рыбаки начали тоню. Песня эта создана трудом. Ее поют все. Поют стройно и красиво, с припевкой «Да ой»:

«Раз поддалась,
Вот еще раз поддалась!
Еще разик, маленький разок!
Ну-ка, братцы, дружней!
Подберем веселей!
Дернем разок!
Еще дернем разок!
Еще разик, маленький разок!»

Большой невод выбирается быстро и дружно, пока не показывается сельдь. Словно расплавленное серебро она кипит в сетях невода. Сеть подтягивают все ближе и ближе — пока сельдь не ляжет своей тяжестью на дне образующегося мешка. Тогда сеть укрепляют на бортах трех шлюпок. Шлюпки эти связывают крепко вместе, и бот тянет их к траулеру, где сельдь вычерпывают каплерами. Траулеры набивают трюмы сельдью. А когда трюмы наполняются, ее насыпают на палубу. Нагруженные до фальшбортов, суда уходят в Мурманск, к рыбообрабатывающему комбинату.

Рыболовецкий бот «обметывает» косяк сельди.

Погрузка сельди на траулер.

Уловы сельди бывают колоссальные: за один замет рыбаки вынимали до 120 тонн сельди — это в среднем шесть вагонов.

Конечно, в открытом море таких уловов никогда не было, и едва ли они возможны. Только в фиорде доступен такой лов. Фиорд — это большая бухта, хорошо защищенная от ветра скалами. Сельдь большую часть своей жизни проводит в открытом море. Осенью же, сытая, ожиревшая после летней кормежки, она обычно направляется к берегам, где ищет себе спокойного убежища. За ней следуют: треска, зубатка, пикша, белухи, тюлени и даже большой охотник до жирной, осенней сельди — гренландский кит. Сверху сельдь преследуют чайки. Гонимая страхом, она заходит во все бухточки, заливы, а иногда выбрасывается даже на берег. Если попасть на такой косяк в шлюпке, то грести почти невозможно: весла застревают и выгребают кучами трепещущую рыбу.

Поиски сельди

Быстро наладив шлюпку, я с профессором Граниным отправились искать сельдь. Профессор оделся как рыбак. На нем были ватные штаны, такая же куртка, шапка с ушами и шерстяные рукавицы. На ногах высокие болотные сапоги-«бахилы». Вода была тихая, и от нее шел легкий пар. На чистом небе мерцали звезды.

— Сейчас сельдь к берегу ближе жмется. Держите вон под ту скалу. Будем там пробовать,— сказал профессор.

— Вы летом приезжайте сюда. Сейчас что? Летом глаз не оторвете — до того красиво! А народ какой здесь — крепкий, смелый! Лучших моряков как северяне не сыщешь. Здесь каждый мальчишка знает, как поставить парус и выгрести против волны. А насчет ветра лучше и не спорить с ними, каждый знает — зюйд-ост ли дует, зюйд-вест ли. Но вот железную дорогу не все видели, и яблоки на чем растут, не знают, а арбуз для них все равно, что для нас ананас... Левым, левым веслом табаньте! Так! Эх, сразу видать, с веслом вы мало имели дела... А народ здесь замечательный! Видели вы Дворкина, бригадира из колхоза «Северное сияние»? Здоровый такой парень — плечи как капитанский мостик на хорошем корабле, а ростом с грот-мачту. Молчаливый мужик, сосредоточенный, а, знаете, он «Горе от ума» наизусть декламирует. Недавно здесь была бригада ленинградских артистов. Один из них читал рассказ про деда Щукаря. Дворкину это так понравилось, он заказал себе по телеграфу в Мурманске «Поднятую целину». Получил, прочитал, очень понравилась, и теперь сам на память цитирует Щукаря. А как работает! Недавно он взял сто двадцать тонн сразу.

Ну и зарабатывает он большие деньги. За последний месяц восемь тысяч рублей получил. Между прочим, знаете ли вы что-нибудь о норвежских рыбаках? Нет? Так вот там чем больше вылов — тем хуже для рыбаков, потому что предприниматели при большом подвозе снижают цену, а у нас чем больше добыча — тем лучше рыбаку. Вот Дворкин со своей бригадой взял сто двадцать

тонн,— государство заплатило ему по двести пятьдесят рублей за тонну. А это будет тридцать тысяч рублей. Из них третья часть примерно идет колхозу, а остальное рыбакам. В бригаде четырнадцать человек. Вот и считайте — за сутки четырнадцать человек заработали двадцать тысяч. Здорово! А?! Ну, здесь мы остановимся и поищем ее, разбойницу...

Профессор взял щуп и начал потихоньку погружать его в воду. Я до этого дня никогда не видел, как ищут сельдь. Но не раз слышал, как специалисты говорили: там-то мы нашли большой косяк сельди — и даже на запрос Москвы отвечали, сколько сельди обнаружено: двадцать—тридцать тысяч тонн. Щуп— это обыкновенная стальная струна — такая же, какую натягивают на басовой лад балалайки. И вот восемьдесят метров этой самой струны наматывают на большую катушку, привешивают к концу грузило, и все. На каждых десяти метрах отметина вроде узелка. Вот эту-то струну опускают вниз и чуть-чуть подергивают. Если рыбы много, то она так бьет по струне, что трудно держать в руках щуп. А каждый опытный рыбак знает, что сельдь ходит большими плотными косяками. И вот он на лодке с этим щупом и ездит по определенному месту — измеряет и в глубь и в длину. И тогда уже прикидывает, сколько рыбы обнаружено.

Профессор размотал уже тридцать метров, но без результата. Прибавил еще десять — тоже. И мы уже собрались уезжать, как вдруг он решил опустить еще на десять метров. И не успел он раскатать и метра, как рука его задрожала и он радостно воскликнул: «Есть!» Он засуетился, встал на колени и начал энергично потягивать и опускать щуп.

— Тысяч двадцать будет,— заключил профессор.

Усталые, мы возвратились на «Кит». Разбудили диспетчера. Он сообщил рыбакам сведения профессора. А через полчаса на том месте, где мы работали, хлопотало несколько ботов.

Выборка невода после «обмета».

Сигналы в банке

Был знойный июльский день. Советские ученые на борту парусной шаланды изучали подводных обитателей залива Посьет (южное побережье Японского моря).

Улов был богатый. Попался также стройный с длинными, тонкими, но прочными клешами длиннохвостый рак альфеус. Длиной он был несколько более дециметра. Рака надо было посадить в банку с морской водой, а из нее переместить в банку с 70-градусным спиртом. Не успели посадить рака в банку с водой, как раздался резкий, отрывистый и очень громкий треск. Не лопнула ли банка?

Вторично раздался треск, а поверхность воды в банке на миг как бы вскипела ключом. Ученым удалось заметить, что треск исходит от правой, более мощной клешни краба. Клешня его при этом судорожно вздрагивала. Подвижной палец щелкающей клешни с силой ударяется по особому утолщению на неподвижном пальце, и при этом выбрасывается струйка воды. Это сигнал предостережения и угрозы для врагов рака.

Я. Г.

MONGOLIA
15 MUNG MUNG
POSTAGE
MONGOLIA
50 MUNG 50
MONGOLIA
POSTAGE
1924 1934
40 MUNG 40
MONGOLIA
MUNG
10 POSTAGE 10
MONGOLIA
5 MUNG 5 MUNG
MONGOLIA
MUNG POSTAGE
MONGOLIA
POSTAGE
MONGOLIA
POSTAGE
MONGOLIA
10 TUG POSTAGE 10 TUG
MONGOLIA
1 TUG
POSTAGE
MONGOLIA
2 MUNG
POSTAGE
MONGOLIA
20
POSTAGE
20 MUNG 20
MONGOLIA
POSTAGE

МАРКИ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Эти марки расскажут вам о Монгольской народной республике. Расположена она между СССР, Манчжурией, Китаем и Тувинской республикой. Это большая страна, больше Германии, Франции и Англии, вместе взятых. На две тысячи километров тянется общая граница между Монгольской народной республикой и СССР.

Живет в Монголии 900 тысяч человек. Основное занятие жителей — скотоводство. На первой марке в первом ряду вы видите монгола-скотовода, по-монгольски арата, с красным знаменем.

Когда-то Монголия была мощным и сильным государством. Потом его покорили китайские императоры. Свою новую историю монгольский народ начал в 1921 году. Тогда передовые трудящиеся Монголии во главе с бывшим наборщиком Сухэ-Батором и нынешним маршалом Монгольской народной республики Чойбалсаном создали Народно-революционную партию и Народно-революционную армию. Они попросили помощи у Советской республики и вместе с частями Красной Армии разгромили японо-белогвардейские банды барона Унгерна и отстояли независимость своей страны. Сухэ-Батор умер в 1923 году. В столице Монгольской республики — Улан-Баторе — ему поставлен памятник. Этот памятник изображен на второй марке в верхнем ряду. Рядом — портрет Сухэ-Батора.

Все органы власти в Монгольской народной республике выборные. Высшим органом власти является Великий народный хурал (съезд). Он избирает правительство. На первой марке во втором ряду — здание правительства Монгольской народной республики в Улан-Баторе.

При помощи Советского Союза преобразилось лицо Монголии: раньше она не имела своей промышленности, теперь там построены промышленный комбинат, механический завод, шерстомоечные фабрики, электростанции, кирпичные и деревообделочные заводы, угольные копи и т. д. На марках во втором ряду вы видите монгола-токаря у токарного станка в промкомбинате и типографию в Улан-Баторе.

По караванным тропам везут верблюды тюки с товарами в самые отдаленные аймаки (округи) страны (первая марка в третьем ряду).

До революции половина всего скота Монголии принадлежала князьям и монастырям. Теперь весь скот принадлежит трудящимся—скотоводам. На втором снимке в третьем ряду—стрижка овец.

В степях Монголии пасутся большие табуны диких лошадей. На первой марке в четвертом ряду изображен пастух, который при помощи длинного гибкого шеста ловит дикую лошадь.

Горы Монголии (вторая марка в этом же ряду) богаты полезными ископаемыми: золотом, железной рудой, углем, медью.

Раньше в Монголии грамотными были только князья да монахи. Теперь с каждым годом растет в Монголии количество школ, все больше становится грамотных. Всю страну связали телеграфные и телефонные линии. На марках в самом нижнем ряду монголы-телеграфисты у аппаратов и монголы на улицах Улан-Батора читают последние известия.

Японские хищники давно зарятся на богатства Монгольской народной республики. Они хотят захватить ее и отсюда напасть на СССР. Но все их попытки кончаются для захватчиков очень плохо. Монгольская народная республика и СССР заключили договор, по которому обязались помогать друг другу в случае нападения. Монгольская народно-революционная армия считает нашу Красную Армию своим старшим братом. Она учится у нее и при помощи Красной Армии с каждым годом становится все сильней. Не раз испытывали японские захватчики на своей шее силу оружия Монгольской народно-революционной армии. Недавно советско-монгольские войска вновь жестоко проучили японских бандитов, нарушивших границу Монгольской Народной Республики у озера Буир-Нор и на реке Халхин-Гол. На последней марке внизу цирик — боец Монгольской народно-революционной армии.

Конкурс на лучшее описание своей местности

Петя, Миша и Борис Александровы живут в Рожнове, Сафоновского района, Смоленской области. Они очень интересуются своим районом и изучают его. Мы печатаем их письмо, в котором они рассказывают о том, что интересного вокруг их дома. Очень хорошо, что они устроили у себя дома уголок «Наша местность».

Мы предлагаем всем членам «Компаса» устроить у себя дома такие уголки. Объявляем конкурс на лучшее описание своей местности. Члены «Компаса», давшие лучшие описания, будут премированы географическими библиотечками. Сопровождайте описания зарисовками и фотографиями.

Дома у нас есть уголок «Наша местность». В нем висит карта области, а также карта нашей местности, эту карту мы сделали сами. Летом мы исследовали свою местность и собрали много коллекций. Особенно хорошей получилась коллекция минералов. О ней есть что рассказать.

Вот, например, лежит осколок валуна. Его мы нашли в овраге, который называется «Каменным рвом». Овраг находится в двух километрах от поселка (на юговосток). Берега его обрывисты, глубина оврага достигает 2—3 метров. На дне его течет ручей, который пересыхает в жаркое лето. По правому берегу расположился бор, а по левому — молодой березнячок. В некоторых местах ниже по течению ручья пробиваются родники. На дне оврага часто попадаются валуны, от этого он и получил свое название «Каменный ров». Здесь когда-то шел ледник, и это его следы. Овраг впадает в другой овраг, называемый Мокрым. На дне этого оврага течет речка Каменка, которая вытекает из болота. Овраг тянется на три километра. Сперва он идет по лесу, а потом выходит в поле. Около совхоза Сергиевское построена плотина и река Каменка образует пруд.

Речка Каменка впадает в реку Вержу. Вержа — река неширокая (4—5 метров), но в ней попадаются глубокие места (5—6 метров). Берега Вержи обрывисты, дно по большей части песчаное, и на дне много беззубок. Вержа имеет долину, ширина ее достигает 50 метров. Берега реки немного болотисты, состоят из чернозема и торфа. Осенью прошлого года мы изучали берега Вержи и при срезе берега открыли какой-то интересный пласт. Мы взяли кусок его и показали преподавателю химии нашей школы. Нам сказали, что это бурый уголь. Изучить пласт подробно нам не удалось: земля замерзла, и выпал снег. Но в этом году мы его хорошо изучим.

Дальше по течению Вержи, у колхоза Осипово, мы сделали интересное открытие. Отец нам сказал, что там есть разрушенный городок, который закрыт землей. Только изредка, как мы увидели, попадаются развалины, состоящие из заросших камней. Почва там супесчаная. Под слоем почвы (от ¼ до 1½ метра) находится песок. Место это возвышенное. Люди находили там разные вещи, кувшины и др.

Вокруг нашего поселка растут леса (преобладают смешанные), которые рассеиваются к югу и сгущаются к северу. К северу от поселка в лесах есть торфяные болота, поросшие мохом. Летом на них зреют брусника и клюква.

В этом году у озера Нееловского, которое расположено в пяти километрах от поселка на запад, колхозники видали лося. Это у нас большая редкость. А несколько лет назад один охотник убил даже орла. Орел был большой, и мы удивляемся, как он к нам попал.

Озеро Нееловское образовалось при запруде реки Вонца. Когда построена плотина, никто не знает, и мы пока не могли узнать. На дне озера попадаются остатки леса, который когда-то был на месте озера. Озеро в ширину половина километра, а в длину около семи километров. Оно богато рыбой.

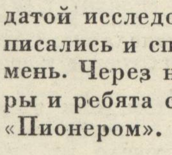
О своей местности мы знаем гораздо больше, но всего в одном письме не опишешь.

РАВИЛЬ КУДОЯРОВ (село Альшеево, Башкирия) рассказывает, как ребята обследовали остров «Пионер»:

— В пять часов утра нас разбудила мать Ахмета. Наскоро умывшись, мы тронулись в путь с мешками за спиной к берегу реки Дема. Недалеко от берега, посреди реки, виден был безыменный остров. Вот мы и пришли его изучать. Мы разделись и перешли на остров. Сначала мы измерили его величину: ширина его — 7 метров, длина — 9,5 метра. Растительность: в двух местах росли небольшие кустарники. Почва песчаная, еще были небольшие камешки. К сожалению, остальные работы пришлось отложить, так как приближалась ночь. Поджарили в чугунке сало, а скоро была готова и картошка. Поужинав, вымыли чугунок и легли спать. Рано утром опять взялись за работу. Еще нигде мы не встречали такого хорошего места. Закончив обследование, начали совещаться, какое название дать острову. Мы разом согласились, что нужно назвать его «Пионером». Взяли консервную банку, положили в нее схематическую карту с датой исследования острова, потом подписались и спрятали ее под большой камень. Через некоторое время все пионеры и ребята села стали называть остров «Пионером».

ОЛЕГ НАЗАРЕНКО (город Ромны, УССР) рассказывает о разведочной экскурсии по оврагу со своим другом Ю. Марченко:

— Во время одной из экскурсий мы залюбовались красивым видом: внизу текла небольшая речка, за ней огромная покатая гора, а в горе, к великому нашему счастью, был огромный овраг с крутыми желтыми склонами — обнажениями.

На другой день, утром, мы пошли к этому оврагу. С горем пополам мы спустились с горы к речке. Речка (вернее, ручеек) была в этом месте очень узенькой: метра 1,5—2. Наконец, после долгих поисков, мы нашли место, где ручей суживался, и перепрыгнули его. Без долгих приключений на этом берегу мы дошли, наконец, до оврага. На дне его было грязно и вязко, и поэтому мы решили пойти сначала по правому краю оврага. Уже с первых шагов мы решили, что потратили столько сил не напрасно: склоны оврага были очень крутые и довольно высокие, метров 20—25, и имели много огромных обнажений. Самый овраг походил на ущелье: такой же глубокий, узкий, прямой. Склоны оврага имели только травянистую растительность, и, как мы потом заметили, на них были посажены для укрепления молодые акации. Видно было, что начало оврага образовалось в эту весну, под действием талых вод. Овраг растет. С его ростом борется человек: мы видели в начале (если можно так выразиться, в истоке) оврага, как его загородили когда-то плетнем. Теперь этот плетень метра за четыре от начала оврага.

ВИТЯ СТЕЛЬМАХ (село Хорошее озеро, Черниговской области, УССР) сообщает об интересном явлении:

— В нашей местности было северное сияние. Оно было видно в ночь с 24 на 25 февраля. Началось северное сияние приблизительно в 11 часов 30 минут и продолжалось минут 40. Зрелище было очень красивое. На небе стояли три столба, которые переливались всеми цветами радуги. Свет от них был довольно сильный. Северные сияния в нашей местности бывают видны очень редко.

Жюль Верн

Необыкновенные приключения экспедиции Барсака

(Окончание)

Перевод с французского А. Волкова

Рис. П. Митурича

XIII. Кровавая ночь

Потрясенные только что пережитой ими ужасной сценой, Жанна и Льюис долго еще стояли обнявшись. Потом понемногу слезы их высохли, и они вернулись к сознанию внешнего мира.

Первое, что их поразило, это — ощущение тревожной тишины. Дворец казался мертвым. Снаружи, напротив, крики, ружейные выстрелы, смятение увеличивались с минуты на минуту. Жанна вдруг поняла значение этого непонятного шума.

— Можешь ты идти? — спросила она.

— Попытаюсь.

— Идем!

Они вышли из каземата и проникли в вестибюль, где дежурил тюремщик. Вестибюль был пуст: тюремщик исчез.

С трудом поднимались они от площадки к площадке. Ключом, похищенным у Вильяма Фернея, Жанна открыла дверь и оказалась вместе с Льюисом в той же комнате, где незадолго перед этим оставила страшного безумца, еще не зная, что он ее брат. Как и вестибюль, эта комната была пуста. Жанна усадила брата, ноги которого подгибались, и тогда только почувствовала странность своего положения. Что значит это безлюдье и эта тишина? Куда девался их палач? Повинуясь внезапному побуждению, она осмелилась оставить брата и дерзко отправилась осматривать дворец.

Она начала с первого этажа. Проходя перед наружной дверью, она заметила, что та была заботливо закрыта. Но все внутренние двери были широко распахнуты, очевидно, обитатели дворца бежали сломя голову. С возрастающим удивлением она прошла остальные три этажа и также нашла их пустыми. Невероятно, но дворец был покинут.

Оставались лишь центральная башня и терраса, над которой она возвышалась. У подножия лестницы, ведущей на террасу, Жанна остановилась на мгновение и стала медленно по ней подниматься.

Нет, дворец не был покинут. Когда она поднялась по лестнице, до нее снаружи донесся шум голосов. Она прошла последние пролеты и осторожно, защищенная тенью, осмотрела террасу, освещенную лучами заводских прожекторов.

Все население дворца собралось тут. С дрожью ужаса Жанна узнала Вильяма Фернея. Она различила также советников, нескольких людей из Черной Стражи и дворцовых прислужников-негров.

Наклонившись над парапетом, они что-то показывали друг другу вдали, возбужденно жестикулируя. Что так волновало их?

Внезапно Вильям Ферней выпрямился, отдал громовым голосом какой-то приказ и, сопровождаемый своими людьми, устремился к лестнице, на верхних ступеньках которой находилась Жанна. Все они яростно размахивали револьверами и ружьями.

Еще секунда — и убежище Жанны будет открыто. Что сделают тогда с ней эти люди? Она погибла.

Испуганно оглянувшись, Жанна вдруг увидела дверь, отделявшую лестницу от террасы. Инстинктивно она толкнула ее. Дверь с шумом захлопнулась.

Крики ярости и страшные проклятия донеслись к Жанне извне. Она еще не успела закинуть последний засов, как люди с тер-

расы стали наносить удары прикладами по неожиданному препятствию, появившемуся перед ними.

Испуганная ревом, ударами, всем этим шумом, Жанна стояла неподвижная, дрожащая. Она не могла сделать ни одного движения даже для спасения своей жизни. Устремив глаза на дверь, она ожидала, что та с минуты на минуту упадет под ударами страшных врагов.

Но дверь не падала. Она даже не дрожала от яростных ударов, которые ей наносили. Тогда Жанна понемногу успокоилась и разглядела, что эта дверь, как и все двери на заводе и во дворце, была сделана из массивной, обитой железом доски, способной выдержать любой натиск.

Успокоенная, она пошла к брату и тут заметила, что лестница от нижнего дворца этажа и до террасы была последовательно преграждена пятью дверьми. Все предвидел Вильям Ферней, устраивая себе убежище. Его дворец был разделен заграждениями на многочисленные секции, которыми пришлось бы овладевать одной за другой. Но теперь его предосторожности обернулись против него.

Жанна заперла все эти пять дверей, как и первую, и спустилась в нижний этаж.

Окна дворца были защищены крепкими решотками и железными ставнями. Не теряя ни минуты, Жанна закрыла ставни во всех этажах, от первого и до последнего. Откуда явилась у нее сила ворочать эти тяжелые металлические створки? Она действовала, как будто в лунатическом сне, ловко и быстро. В какой-нибудь час работа была закончена. Она была в центре настоящей крепости из камня и стали, совершенно неприступной.

И только тогда почувствовала Жанна усталость. Ноги ее дрожали. С окровавленными руками, истомленная, она едва спустилась к брату.

— Что с тобой?— беспокойно спросил он, видя ее в таком состоянии.

Отдышавшись, Жанна рассказала ему, что она сделала.

— Мы хозяева дворца,— заключила она.

— Но нет ли другого выхода, кроме этой лестницы?— спросил брат, который никак не мог поверить такому повороту дела.

— Нет, я в этом уверена. Вильям заперт на террасе и не выйдет оттуда.

— Но зачем они все там собрались?— спросил Льюис.— Что тут происходит?

Этого Жанна и сама не знала. Она не видела всех приготовлений к защите. Надо было взглянуть наружу. Они поднялись в верхний этаж и полуоткрыли один из ставней. Тут они сразу поняли возбуждение Вильяма Фернея и его компаньонов. У их ног, темная и молчаливая, лежала эспланада, зато на правом берегу Красной Реки они увидели яркие огни, оттуда к ним донеслись свирепые крики. Все хижины негров пылали. Центр города, невольничий квартал, представлял один огромный костер.

Пожар свирепствовал и в Гражданском Корпусе, начал загораться уже и квартал Веселых Парней. Там слышались крики, проклятия, стоны, смешанные с беспрестанной пальбой.

— Это Тонганэ!—сказала Жанна.—Невольники восстали.

— Невольники? Тонганэ? — переспросил Льюис, для которого в этих словах не содержалось никакого смысла.

Сестра коротко объяснила ему устройство Блекланда, рассказала, как она очутилась в этом городе, зачем предприняла путешествие, как ей удалось установить невиновность их брата Джорджа Бакстона. Она показала ему завод, освещенный огнями прожекторов, и назвала своих товарищей, которые укрывались в нем.

— А что же нам делать теперь?— спросил Льюис.

— Ждать,— ответила Жанна,— невольники нас не знают и в суматохе не различат нас от других. К тому же мы оказали бы им слабую помощь: ведь у нас нет оружия.

Когда Льюис заметил, что все же полезно было бы иметь оружие, Жанна пошла на поиски и вернулась с ружьем, двумя револьверами и небольшим количеством патронов.

В это время положение уже изменилось. Негры нашли проход и наводнили эспланаду, их было на ней более трех тысяч. Они взяли приступом казармы Черной Стражи, перебили людей и напали на ангары. Показались снопы пламени. Невольники мстили за свои долгие страдания, и было очевидно, что их ярость удовлетворится не прежде, чем они разрушат весь город и перебьют всех его обитателей.

Наблюдая это зрелище, Вильям Ферней, должно быть, бесился от бессильной ярости. Слышны были его дикий рев и проклятия. С террасы беспрерывно трещали выстрелы, и пули, попадая в плотную толпу негров, находили в ней многочисленные жертвы, но другие, казалось, этого не замечали. После казарм и ангара, пламя от которых освещало эспланаду, как гигантский факел, восставшие атаковали самый дворец, напрасно пытаясь разбить дверь.

В это время со стороны Красной Реки раздались частые ружейные залпы. Организовав отряд, Веселые Парни перешли мост и, развертываясь на эспланаде, стреляли в толпу наудачу. Скоро трупы валялись на земле сотнями.

Невольники с яростными криками бросились на противников. Началась жестокая битва. Не имея огнестрельного оружия, негры дрались врукопашную, сражались топорами, ножами, пиками и даже зубами. Веселые Парни отвечали ударами штыков и выстрелами в упор. Исход битвы был ясен. Превосходство оружия восторжествовало над численностью. Скоро поредевшая толпа негров отступила и разбежалась по правому берегу. Победители устремились за неграми, чтобы спасти все, что можно, то есть центр квартала Веселых Парней, еще не охваченный пожаром.

Когда они по пятам беглецов переходили мост, раздался чудовищный взрыв. С высоты дворца Жанна и Льюис видели, что он произошел в самой отдаленной части Гражданского Корпуса. При свете пожаров они увидели, как часть этого квартала и некоторая часть стены обрушились.

Взрыв открыл широкий выход в поля. Побежденные негры могли теперь бежать через брешь и скрыться в кустарниках. Впрочем, преследование начало ослабевать. Четверть часа спустя белые оставили правый берег Красной Реки и возвратились на эспланаду. Их устрашили новые взрывы.

Что было причиной этих взрывов? Никто не знал. Но было ясно, что они происходят не случайно, что их направляет чья-то воля. Первый взрыв произошел, как известно, на окраине города, в самой удаленной от дворца части полуокружности, образуемой кварталом Гражданского Корпуса. Пять минут спустя послышались два других взрыва, справа и слева от этого пункта. Потом, после второго пятиминутного перерыва, еще два новых, слышнее, ближе. Взрывы приближались к дворцу по дуге Гражданского Корпуса. И вот тогда-то Веселые Парни, преследовавшие негров, стали искать убежища на эспланаде.

Необъяснимые взрывы продолжались с правильными промежутками. Через каждые полчаса слышался грохот, и новая часть Гражданского Корпуса превращалась в развалины.

Еще остававшееся в живых белое население Блекланда, столпившись на эспланаде, с тупым изумлением смотрело на эти необъяснимые явления. Казалось, какая-то высшая и ужасная сила занялась методическим разрушением города. Бандиты, такие смелые против слабых, дрожали от страха. Прижавшись к дворцу, они безуспешно пытались разбить дверь, кричали Вильяму Фернею, которого они видели на террасе, но не могли понять, почему он их покинул. Ферней бесполезно пытался объясниться с ними жестами, которых они не понимали, слова же терялись в оглушительном шуме.

Так прошла ночь. Рассвет осветил ужасное зрелище. Эспланада была буквально усыпана трупами черных и белых. Белые одержали победу, но дорого за нее заплатили. Едва ли осталось четыреста здоровых людей из тех восьмисот, которые еще накануне составляли Гражданский Корпус и Корпус Веселых Парней. Остальные погибли или в начале восстания, при неожиданном нападении, или на эспланаде.

Невольники рассеялись по окрестным полям. Многие из них ушли. Одни удалились на запад, направляясь прямо к Нигеру, от которого их отделял песчаный океан. Дойдут ли они без провизии, без оружия? Другие, предпочитая путь более длинный, но более верный, шли по течению Красной Реки и исчезали на югозападе.

Но большинство не решалось удалиться от Блекланда. Они бродили кучками и с растерянным видом смотрели на город, обращавшийся в кучу дымящихся развалин.

Взрывы происходили каждые полчаса. Когда взошло солнце, весь Гражданский Корпус и половина невольничьего квартала были лишь грудами обломков.

В это время гулкий выстрел раздался на террасе дворца. За ним последовали другие. Льюис Бакстон в тревоге схватил руку сестры.

— Это Вильям разбивает пушечными выстрелами дверь террасы,— сказала Жанна.

— Но тогда они спустятся?— и Льюис сжал револьвер.— Лучше умереть, чем снова попасть к ним в лапы!

Жанна остановила его.

— Их еще нет здесь,— спокойно сказала она.— Там пять таких дверей и три последние расположены так, что против них нельзя поставить пушку.

Выстрелы, в самом деле, прекратились. Донесшийся с террасы глухой рев, сопровождаемый яростными проклятиями, показал, что Вильям Ферней и его подчиненные пытались установить пушки против второй двери.

Но эта работа была брошена. Ее прервало новое происшествие, которое отвлекло внимание бандитов. Раздался взрыв особенно сильный и гораздо более близкий. Могущественный разрушитель напал теперь на левый берег, это уже был сад завода. К небу взлетел сноп земли и камней.

Пыль от взрыва еще носилась в воздухе, когда Льюис и Жанна увидели толпу, стремившуюся на набережную из широко открытых дверей завода. Жанна узнала эту толпу. Там были ее товарищи по плену, были рабочие Камарэ, сбившиеся в плотную группу с женщинами и детьми в центре. Почему же они покинули свое убежище и бегут на эспланаду, где столкнутся с рассвирепевшими Веселыми Парнями?!

Последние еще не замечали новых противников, которых скрывала стена эспланады. Но Вильям Ферней с террасы увидел их и показывал на них рукой. Его жестов не поняли. Беглецы с завода беспрепятственно достигли двери, соединявшей набережную с эспланадой, и проникли на эспланаду.

Веселые Парни схватили оружие и с криками понеслись на них. Но теперь пришлось иметь дело уже не с невольниками. Вооруженные чем попало: кузнечными молотами, щипцами, тяжелыми полосами железа,— рабочие сами устремились вперед. Битва была ужасной. Потоки крови текли по эспланаде.

Закрыв глаза руками, Жанна Бакстон старалась не смотреть на страшное зрелище. Среди сражающихся у нее было столько друзей! Она дрожала за Барсака, за Амедея Флоранса, за чудесного доктора Шатоннэ и особенно за Сен-Берена, которого так нежно любила.

Но свирепые крики начали умолкать. Численность и лучшее оружие торжествовали. Отряд, вышедший из завода, раскололся. Часть с боем отступала к набережной, защищая каждый свой шаг, а другая, среди которой находились Барсак и Амедей Флоранс, была отброшена ко дворцу.

Этим не было никакой надежды на спасение. Прижатые к стене, они видели перед собой Веселых Парней, а с высоты террасы Вильям Ферней и его компаньоны без всякого риска для себя расстреливали несчастных, которым даже некуда было бежать.

Вдруг дверь, у которой они столпились, открылась и на пороге появилась Жанна Бакстон. Теснимые врагами, беглецы устремились во дворец, в то время как Жанна и

Льюис выстрелами задерживали наступающих.

Изумленные этим вмешательством, в котором ничего не могли понять, Веселые Парни колебались одно мгновение. Опомнившись, они бросились на приступ, но было поздно. Тяжелая дверь снова захлопнулась.

XIV. Конец Блекланда

Накрепко заперев дверь, беглецы занялись многочисленными ранеными. С помощью Барсака и Амедея Флоранса, который сам получил легкую рану, Жанна заботилась о тех, кого насмешливая судьба заставила искать убежище в жилище их неумолимого врага.

Когда перевязки были кончены, другая забота встала перед девушкой — накормить этих несчастных, уже в продолжение нескольких суток жестоко страдавших от голода. После тщательных поисков пищи во всех этажах людей кое-как накормили. Но положение все же оставалось крайне серьезным, неизбежная развязка, казалось, лишь оттянулась на несколько часов.

Было одиннадцать часов утра. Взрывы все продолжались; на эспланаде слышался крик Веселых Парней, которые время от времени напрасно штурмовали дверь, а с террасы доносились проклятия Вильяма Фернея и его компаньонов, но беглецы сознавали, что их крепость почти неприступна.

Как только нашлось время, Жанна Бакстон спросила Амедея Флоранса, почему они покинули завод и приняли бой на эспланаде в таких неравных условиях. Репортер рассказал, что случилось после ее ухода. Он рассказал, как Тонганэ, наконец, подал долгожданный сигнал и как Марсель Камарэ переправил в центральный квартал несколько пачек динамита и большое количество холодного оружия. Потом осажденные собрались около двери, готовые вмешаться в битву, как только она начнется. Вот в это самое время было обнаружено отсутствие Жанны Бакстон.

Амедей Флоранс описал молодой девушке отчаяние Сен-Берена, который теперь, несомненно, переживал страшное беспокойство, если только уцелел во время последней битвы.

Полчаса спустя после отправки оружия раздался взрыв. Это Тонганэ разрушил одну из дверей черного квартала. Хижины запылали, а рабы рассыпались по Гражданскому Корпусу, все опустошая. Остальное Жанна знала. Она знала, что негры были так быстро отброшены с эспланады, что им не успели придти на помощь. Рабочие, правда, вышли с завода, но им пришлось быстро отступить, так как большинство негров уже бежало с эспланады.

Вынужденные снова укрыться на заводе, осажденные провели томительную ночь. Неудача восстания не позволяла им надеяться, что они сумеют покончить с Гарри Киллером. И им пришлось быть свидетелями тех беспрестанных взрывов, причины которых Жанна не могла понять.

Амедей Флоранс объяснил ей, что они были делом Марселя Камарэ, который окончательно сошел с ума.

Камарэ, гениальный изобретатель, всегда был на грани сумасшествия, как показывали многочисленные его ненормальности, несовместимые со здравым, уравновешенным умом. Происшествия последнего месяца привели его к сумасшествию.

Разоблачения, сделанные пленниками Гарри Киллера, бежавшими на завод, нанесли первый удар. Вторым, еще более жестоким ударом были признания Даниеля Франа. Узнав всю истину, Камарэ день ото дня приближался к безумию. Жанна помнила, с каким мрачным видом ходил он по мастерским.

Посылка оружия Тонганэ была его последним сознательным действием. Когда раздался взрыв и пламя осветило невольничий квартал и Гражданский Корпус, те, кто были около инженера, видели, как он побледнел и поднес руку к горлу, как будто задыхался. В то же время он быстро бормотал бессвязные слова. Можно было только понять: «Гибель моего дела! Гибель моего дела!» — без конца повторяемые тихим голосом. Долгое время, может быть, целую четверть часа, Марсель Камарэ произносил эти слова, беспрестанно качая головой, потом вдруг выпрямился и, ударив себя в грудь, закричал: «Бог проклял Блекланд!..»

В его сознании богом, очевидно, был он сам, судя по жестам, которыми он сопровождал свои слова.

Его не успели остановить, и он убежал, громко повторяя: «Бог проклял Блекланд!.. Бог проклял Блекланд!..»

Он укрылся в башне, поднявшись на самый верх и закрыв за собой все двери. Защитная система башни была такой же, как во дворце, и добраться до него было так же невозможно, как Гарри Киллеру невозможно было спуститься с террасы, где он был заперт. Пока Камарэ поднимался на башню, был слышен его голос, все повторявший: «Бог проклял Блекланд!..»

И почти сейчас же раздался первый взрыв. Под предводительством Риго несколько рабочих, несмотря на свою слабость, бросилось на завод и попыталось изолировать башню, выключив ток. Но у Камарэ был запас энергии и даже динамо, работавшие на жидком воздухе, и этого ему было достаточно на несколько дней. Взрывы не прекращались. Зато осы прекратили свой защитный хоровод и попадали в ров. Тогда снова дали ток в башню, и Камарэ, несмотря на свое безумие, тотчас привел ос в действие.

Так прошла ночь. На рассвете Марсель Камарэ показался на площадке башни. Он говорил оттуда длинную речь, но уловить из нее можно было только отрывочные слова: «божий гнев», «небесный огонь», «всеобщее разрушение». Камарэ закончил криком, слышным во всех концах завода: «Бегите!.. Бегите все!..» — и снова скрылся в башне.

И тогда прогремел первый взрыв уже на левом берегу. Этот взрыв на самом заводе испугал его обитателей. Они решили испытать судьбу, так как выбирать приходилось только между двумя видами гибели.

К несчастью, на эспланаде они столкнулись с Веселыми Парнями, и, разбитые на две части, одни искали убежища во дворце самого Гарри Киллера, а другие принужде-

Марсель Камарэ поднес руку к груди.

ны были отступить на набережную, закрыв за собой дверь, соединявшую ее с эспланадой.

Эту группу рабочих видно было из дворца. Не осмеливаясь на новое выступление и не решаясь вернуться на завод, где они снова очутились бы во власти сумасшедшего, умирающие с голоду, бессильные, они лежали на земле, подвергаясь атакам неприятелей, которые без всякого риска для себя могли расстреливать их с правого берега реки или с возвышенной террасы дворца.

Жанна Бакстон узнала среди них Сен-Берена и доктора Шатоннэя. Никто из ее друзей, и особенно тот, кто был ей всего дороже, не погиб еще в этом ужасном приключении.

Едва лишь Жанна испытала это относительное утешение, как в верхних этажах дворца послышались глухие удары. Эти удары доносились с террасы, пленники которой пытались поднять ее каменные плиты. Но постройка была крепка. Без сомнения, если бы Вильям Ферней и его компаньоны не ослабли от голода, они скорее преуспели бы в своих намерениях. И все же около шести часов вечера пол террасы был пробит и они спустились в четвертый этаж.

Осажденные укрылись в третьем этаже, тщательно закрыв за собой блиндированные двери, и стали ждать.

Жанна Бакстон воспользовалась моментом, чтобы рассказать Барсаку и Амедею Флорансу свои приключения после того, как она покинула завод. Она познакомила их с Льюисом и рассказала им о своей семье, о том, какое печальное открытие она сделала, узнав в Гарри Киллере другого своего брата, давно исчезнувшего Вильяма Фернея. Если не придется Жанне вернуться в Англию, Амедей Флоранс и Барсак отныне могли быть свидетелями невиновности Джорджа и Льюиса Бакстонов, обвиняемых в преступлениях, которых они не совершали.

Около семи часов потолок третьего этажа начал дрожать от глухих ударов. Вильям Ферней и его шайка, отдохнув, принялись за работу. Пришлось опять спускаться.

Пробить второй потолок было так же трудно, как и первый. До двух часов утра непрестанные удары разносились по дворцу. Потом последовало двухчасовое молчание. Гарри Киллер спустился из четвертого этажа в третий, и утомленные бандиты отдыхали.

Удары в потолок второго этажа начались в четыре часа утра. Не ожидая, пока он будет пробит, все укрылись в первом этаже. Это было последнее убежище осажденных. Когда Вильям Ферней пробьет два потолка, еще отделявшие их от бандитов, и когда ружейные стволы покажутся над их головами, им останется или укрыться в казематах подвального этажа или отступать шаг за шагом до наружной стены дворца, а потом умереть.

Пока Вильям Ферней силился разбить препятствия, преграждавшие ему путь, солнце взошло на ясном небе. И теперь можно было отдать себе отчет в размерах катастрофы. Отныне блекландский деспот будет царствовать только над развалинами. Город был совершенно разрушен. Только два дома оставались еще в квартале Веселых Парней, как раз напротив дворца. Но через несколько минут после восхода солнца взлетели и они, довершая полное разрушение правого берега.

Но взрывы не кончились, нет, они стали еще чаще. Разрушив правый берег, Марсель Камарэ напал на левый, и теперь пришла очередь завода. Но Камарэ управлял делом уничтожения осторожно и ловко. Он взрывал дома рабочих, мастерские, склады понемногу, как бы для того, чтобы продлить удовольствие, но не трогал важных частей завода, например машин, дававших энергию для его ужасного дела.

Веселые Парни с эспланады, проводившие последние часы ночи в относительном спокойствии и как будто оставившие бесполезные нападения на дверь, снова с криками стали ее штурмовать.

Их ожесточение удивило осажденных. Почему они упорствуют? Ведь Блекланд уже не существует, на что же они могут надеяться? Не лучше ли было бы им покинуть этот мертвый город и пуститься к Нигеру?

Обрывки разговоров, долетевшие с эспланады, объяснили поведение Веселых Парней. Они и не думали освобождать своего начальника, которого обвиняли в измене; они стремились лишь к тому, чтобы оставить этот разрушенный город, но прежде хотели овладеть сокровищами, которыми, по их мнению, Гарри Киллер наполнил дворец. Разделив их, они сбегут и будут искать счастья под другими небесами.

Осажденные охотно доставили бы им это удовольствие. К несчастью, они сами не знали, где эти сокровища, если только они были, и потому не могли отделаться таким способом от своих врагов.

К девяти часам утра положение не изменилось, если не считать все более и более частых взрывов со стороны завода. Вильям Ферней пробивал потолок второго этажа, а Веселые Парни продолжали атаки на дверь. Но вдруг последние изменили тактику. Устав напрасно ломиться в дверь, они обратили внимание на окружавшую ее каменную кладку. В продолжение часа слышен был шум их орудий, долбивших камень, потом сильный взрыв заставил разлететься в куски нижнюю часть правого косяка. Дверь еще держалась, но следующий заряд динамита должен был неминуемо ее разрушить. Через дыру уже показались угрожающие дула ружей.

Осажденным пришлось укрыться в одной из самых отдаленных комнат первого этажа, а Веселые Парни начали долбить дыру для второй мины.

Почти в то же время шум обвала показал, что потолок второго этажа пробит. Несколько минут спустя осажденные услышали шаги во втором этаже и удары загремели прямо над их головами.

Положение начинало становиться отчаянным. Снаружи три или четыре сотни Веселых Парней, которые ворвутся через полчаса. Наверху два десятка свирепых бандитов, которые уже теперь могут стрелять в

первый этаж через потолок. Несчастные не могли больше бороться с судьбой. Жанна и Льюис Бакстон, Амедей Флоранс и Барсак напрасно пытались их утешить. Растянувшись на полу, они обреченно ждали последнего удара.

Но вдруг все переменилось. И Веселые Парни и Вильям Ферней одновременно прервали свою работу. Раздался гулкий звук, который нельзя было смешать со взрывами, происходившими по соседству. За выстрелом, повидимому, произведенным из пушки, последовали другие, и не прошло пяти минут, как в стене, отделявшей юговосточную часть эспланады от полей, открылась обширная брешь.

С ужасными проклятиями некоторые из Веселых Парней бросились к бреши. Очевидно, то, что они увидели за ней, не пришлось им по вкусу, потому что они отбежали обратно и стали совещаться. Затем все они в беспорядке поспешили на правый берег, а Вильям Ферней, отказавшись от мысли проникнуть в первый этаж, поспешно поднялся на башню.

Веселые Парни еще не достигли правого берега, как взрывы, стоившие жизни полусотне людей, сразу разрушили Дворцовый и Садовый мосты. Сообщение с правым берегом было прервано, те из Веселых Парней, которые еще не достигли моста в момент взрыва, бросились вплавь.

В одно мгновение эспланада опустела, и, если не считать взрывов, гремевших через правильные промежутки времени, глубокая тишина внезапно сменила смятение и шум. Осажденные в удивлении не знали, что им делать, как вдруг обрушился угол дворца. Марсель Камарэ доканчивал свою разрушительную работу. Надо было бежать.

Они выбежали на эспланаду и, желая узнать причину паники, охватившей Веселых Парней, бросились, в свою очередь, к бреши. Они ее еще не достигли, как ясный звук трубы раздался снаружи. Не веря в освобождение, которое им несла эта труба, они остановились в нерешительности.

И вот капитан Марсенэй — это был он, как, безусловно, отгадал читатель, — пушечные выстрелы и звуки трубы возвещали его прибытие — увидел несчастных, собравшихся на эспланаде, бледных, истощенных, бессильных, дрожащих от голода и слабости.

Они же, увидев стрелков, показавшихся в бреши, хотели побежать им навстречу, но так велики были слабость и волнение этих бедных людей, что они могли только протягивать руки к своим спасителям, а некоторые без чувств свалились на землю.

Печальное зрелище представилось капитану Марсенэю, когда он во главе своих людей вступил на эспланаду. За рекой огромное пространство в развалинах, откуда вырывались клубы дыма; справа и слева от капитана два огромных сооружения, частью разрушенных; перед ним обширная площадь, усыпанная сотнями тел. Среди площади небольшая группа живых. К ним и направился капитан Марсенэй. Выпадет ли ему счастье найти ту, кого он искал, кого хотел спасти прежде всех?

Он скоро успокоился. Заметив капитана Марсенэя, Жанна Бакстон поднялась и побежала к нему. В этом несчастном создании, с мертвеннобледным лицом, с ввалившимися щеками, с лихорадочно блестевшими глазами, капитан едва узнал ту, которую он оставил меньше трех месяцев назад в расцвете сил и здоровья. Он бросился к ней как раз вовремя, чтобы подхватить ее, лишившуюся чувств, в свои объятия.

Пока он старался ей помочь, раздались два ужасающих взрыва, потрясшие почву эспланады. Завод и дворец разрушились одновременно. Среди развалин одиноко стояли две башни — высокие, крепкие, нетронутые. На вершине дворцовой башни видны были Вильям Ферней, его восемь советников, девять слуг и пять человек из Черной Стражи, всего двадцать три человека; наклонившись над парапетом, они звали на помощь.

На вершине другой был только один человек. Три раза подряд этот человек обежал вокруг платформы, выкрикивая в пространство непонятные слова и широко размахивая руками. Этот человек кричал во весь голос; несмотря на расстояние ясно послышалось два раза подряд:

— Горе!.. Горе Блекланду!..

Эти слова услышал и Вильям Ферней; он схватил ружье и, не целясь, послал пулю на башню завода, от которой его отделяло четыреста метров. Пущенная наугад пуля нашла свою жертву: Марсель Камарэ поднес руки к груди и, шатаясь, исчез в башне.

И почти тотчас же раздался двойной взрыв, более сильный чем все предшествующие, и обе башни рассыпались одновременно с чудовищным грохотом, погребая под своими обломками одна — Вильяма Фернея и его компаньонов, другая — самого Марселя Камарэ.

После оглушительного грохота наступила глубокая тишина. Пораженные зрители долго смотрели, когда уже не на что было смотреть, долго слушали, когда нечего было слушать.

Все было кончено. Блекланд, разрушенный до основания тем, кто его создал, был только грудой обломков. Чудесное, но несчастное творение Марселя Камарэ больше не существовало.

XV. Заключение

Так погибли Марсель Камарэ и Вильям Ферней, он же Гарри Киллер. Так погиб удивительный город Блекланд, созданный втайне от всего мира.

От города осталась куча развалин, которые скоро исчезнут под песчаным покровом. Тучи перестанут посылать живительный дождь, Красная Река иссякнет, поля пересохнут, и пустыня скоро изгладит малейшие следы человеческих дел.

Дело Камарэ по воле его создателя погибло целиком, и ничто не передаст грядущим векам имени гениального и безумного изобретателя.

Капитан Марсенэй сделал все возможное, чтобы сократить свое пребывание в этих опустевших местах. Но прошел месяц, прежде чем он мог пуститься в обратный путь. Нужно было похоронить сотни трупов, дождаться, пока раненые смогут вынести пу-

Жанна склонилась у постели старика, приговоренного к вечной неподвижности.

тешествие, и пока вернутся силы к тем, кого он спас в самую последнюю минуту от гибели.

Многие из рабочих не увидят больше родины. Погибло около двадцати мужчин, три женщины и двое детей. Но судьба благоприятствовала членам экспедиции Барсака. За исключением легко раненого Амедея Флоранса, все они остались невредимы, вплоть до Тонганэ и Малик.

Пока спасенные отдыхали от испытанных потрясений, а раненые выздоравливали, капитан Марсенэй собирал разбежавшееся население Блекланда. Бандиты, уцелевшие от пуль, были задержаны. Негров собрали и успокоили. Потом их отвели к Нигеру, и каждый из них вернулся к домашнему очагу.

Колонна тронулась в путь 10 июня, набрав провизию среди развалин города и в окрестных полях. Нескольких раненых пришлось нести на носилках, поэтому путешествие совершалось медленно, и хотя было трудным, но закончилось без серьезных происшествий. Шесть недель спустя по выступлении из Блекланда отряд капитана Марсенэя прибыл в Тимбукту, а еще через два месяца герои этих драматических приключений высадились в Европе, одни в Англии, другие во Франции.

Потребуется немного слов, чтобы рассказать читателю об их дальнейшей судьбе. Г-н Понсэн возвратился в министерство. Доктор Шатоннэй снова лечит своих больных. Депутат Барсак опять в парламенте.

Малик и Тонганэ поженились.

Сен-Берен... Но Сен-Берен не имеет истории. Он ловит рыбу, охотится, он называет «мадам» своих усатых собеседников и «сударь» лиц женского пола. Таковы его главные занятия. Но, помимо всего, история Сен-Берена — это история Жанны Бакстон, а так как история Жанны Бакстон тесно соединена с историей ее брата Льюиса и капитана Марсенэя, мы одновременно расскажем о судьбе всех четверых.

Понятно, что капитан Марсенэй, вернувшись в Тимбукту, снова просил отпуска у полковника Аллегра и, получив его на этот раз без всяких затруднений, сопровождал Жанну Бакстон, Льюиса и Сен-Берена в Англию.

В продолжение месяца, проведенного на развалинах Блекланда, он рассказал своей невесте, каким сверхъестественным случаем телеграмма Марселя Камарэ прибыла по его адресу через эфир, как он обращался к полковнику Аллегру и как тосковал, получив от него категорический отказ. К счастью, на другой же день пришел ответ от полковника Сент-Обана. Полковник объявил приказ фальшивым и предписывал срочно идти на помощь депутату Барсаку. Немедленно была организована экспедиция. Спустившись вниз по Нигеру до Гао, капитан Марсенэй пересек пустыню, и несмотря на огромные трудности, вовремя достиг Блекланда.

Едва высадившись в Англии, Жанна и Льюис Бакстон, капитан Марсенэй и Сен-Берен поспешили в замок Гленоров, куда была послана телеграмма.

Прошел почти год, как Жанна покинула замок. Она возвращалась с успехом, восста-

новив честь своей семьи. В каком состоянии найдет она отца? Нашел ли в себе силы восьмидесятичетырехлетний старик выдержать отсутствие дочери, вынести новый стыд при известии о грабеже в агентстве Центрального банка и исчезновении второго сына? Впрочем, газеты, раньше наделавшие столько зла, теперь всячески старались его исправить. Благодаря стараниям Амедея Флоранса всему миру были провозглашены невиновность Джорджа и Льюиса Бакстонов. Но читал ли газеты лорд Гленор, и не придет ли к нему счастье слишком поздно?

Жанна прибыла, наконец, и склонилась у постели старика, приговоренного к вечной неподвижности. Но глаза его блестели умом.

Жанна Бакстон, окруженная Льюисом, Сен-Береном и капитаном Марсенэем, рассказала отцу о своем путешествии. Она назвала свидетелей, показала протокол, написанный у могилы в Кубо, она открыла то, о чем газеты еще молчали, эту ненависть презренного Вильяма Фернея к семейству Бакстон и те способы, которыми он так ужасно ее насытил.

Все было ясно. Лорд Гленор не мог больше сомневаться. Если один из его сыновей погиб, то честь обоих спасена.

Старик, устремив глаза на дочь, внимательно слушал. Когда она кончила, кровь прилила к его лицу, губы задрожали, легкая дрожь потрясла его с головы до ног. Его воля боролась с тяжестью оков, связавших истощенное тело.

И воля, более сильная, восторжествовала! В первый раз после стольких месяцев лорд Гленор сделал движение. Он заговорил!

Его лицо повернулось к Жанне, и пока его дрожащая рука искала руку преданной неустрашимой девушки, его губы пробормотали: «Спасибо!»

Потом, как будто утратив с этого мгновения всякую волю к жизни, он испустил глубокий вздох, закрыл глаза и перестал дышать. Лорд Бакстон Гленор умер.

Здесь кончается эта история.

Читатель уже знает судьбу всех действующих лиц. Что же касается меня... Ну! Я раньше времени раскрываю секрет! Что касается Амедея Флоранса, он снова начал работать в «Экспансьон франсез», где опубликовал рассказ о своих приключениях, оцененный редактором по тридцать сантимов за строчку. Чтобы убить одним ударом двух зайцев, репортер попытался сделать из этих приключений роман.

Роман, скажете вы? Какой роман? Тот самый, который вы, друг-читатель, только что кончили читать.

Как глубокий психолог, Амедей Флоранс рассудил, что если он просто расскажет истинные факты, читатель будет зевать во весь рот, тогда как те же факты, изложенные в форме романа, займут читательское внимание.

И вот, плохая или хорошая, скучная или занимательная, книга перед вами. И ваш покорный слуга может подписать свое имя — Амедей Флоранс, репортер «Экспансьон франсез».

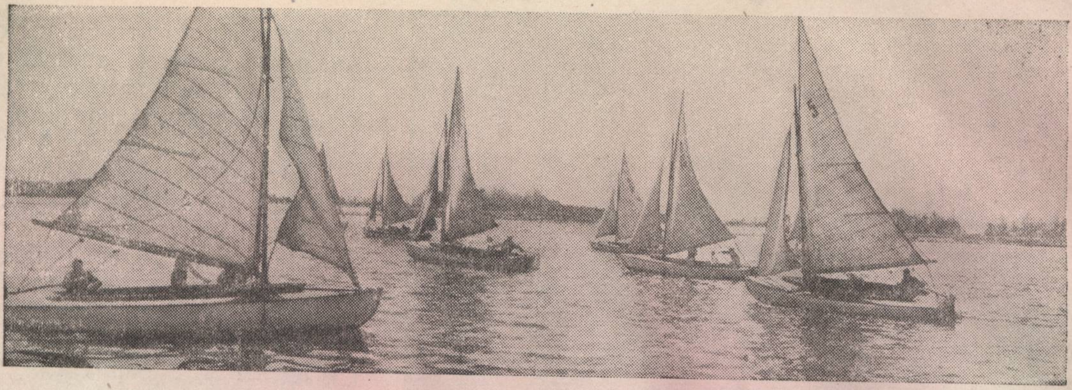
КОНЕЦ

ОСЕНЬ

Вот проходит по дубравам,
Шелестя седой травой,
Август яблочный, медовый,
Спелым солнцем налитой.
Протянули сетку
Паутинки цепкие,
Яблоки на ветке
Круглые и крепкие,
Пахнет сыростью лесной,
И грибами, и сосной.
Милости просим,
Молодая осень,
С зернами тяжелыми,
С песнями веселыми!

Ек. Ровинская

Парусные гонки на Химкинском водохранилище в Москве.

ПАРУС

А. Некрасов

Море в первый раз я увидел сверху, с горы. Неожиданно, как в сказке, оно открылось передо мной огромным сверкающим полукругом, и я долго смотрел туда, где кончался этот полукруг, сливаясь с небом Было уже за полдень. Солнце нагрело воздух, невидимыми потоками он поднимался вверх, и от этого горизонт стал зыбким и неясным. И хотя стоял полный штиль, казалось, что там, на краю моря, ходят огромные волны.

И вот среди этих выдуманных волн одинокий, неподвижный и стройный, как башня, стоял белый парус... Это был первый парус, который мне удалось увидеть.

В то время мне было 13 лет. Я бредил машинами, я хорошо учился по физике и по математике и выше всего в жизни ставил технику. Паруса я презирал. Мне казалось, что в наше время, когда огромные боевые корабли обгоняют поезда, когда торпедные катера быстрее автомобиля несутся по воде, когда пароходы, пыхтя машинами, спокойно и безопасно пересекают океаны, паруса отжили свое время... И, может быть, на всю жизнь осталось бы это презрение к парусам, если бы в тот раз у меня были другие попутчики.

А тогда получилось вот как: пока от Байдарских ворот мы спускались к Симеизу, этот парус маячил перед нами все на том же месте, один на всем море. И не удивительно, что, в конце концов, он крепко засел нам в голову и о парусах пошли разговоры. Вспоминали стихи, вспоминали картину Айвазовского, рассказы Станюковича... А меня заинтересовало в парусе другое: во всем, что касалось техники, для меня не было секретов. Я знал, как работает любая машина, а вот тут, на парусе, я споткнулся. Я читал, конечно, что под парусами можно ходить и по ветру и против ветра Но как? Этого я не знал и попутчики не сумели мне объяснить. А я был упрямым, и раз уж меня заинтересовало что-нибудь, я до тех пор не бросал этого дела, пока не разбирался в нем до конца. Вот так было и с парусом

Я спрашивал у всех направо и налево, но, как назло, толком мне никто ничего не объяснил. Тогда я пошел к Панайёту. Старый грек Панайёт был хозяином и капитаном такой же старой, как и он сам, шлюпки с косым турецким парусом. В штилевую погоду Панайёт грелся на солнце; когда дул ветер, Панайёт набирал в шлюпку курортников (по рублю с человека) и катал вдоль берега. Объяснить, как работает парус, он мне тоже не смог. Он вообще мало говорил. Но зато сам он владел парусом неплохо, и я стал его добровольным юнгой. Я бегал за табаком для Панайёта, мыл банки на его шлюпке, а за это он стал брать меня с собой, и через неделю я уже сам тянул шкоты, ставил и убирал парус и научился по цвету воды узнавать, откуда бежит шквал.

Гонки моделей парусных яхт, построенных ребятами Архангельска.

Кое-как, своим умом я придумал теорию паруса и, должно быть, придумал неплохо. Когда осенью мы возвращались в Москву и в Севастополе зачем-то пришлось ехать через бухту, я так уверенно сел к рулю, что перевозчик, не моргнув глазом, доверил мне управление и сбоку лениво посматривал, как я справляюсь. Я выбрал шкот, парус взял ветер, неуклюжий баркас накренился, нос его отвалил от пристани, а румпель у меня в руке напружился, заиграл, и я всем существом почувствовал, что судно идет и что я командир этого судна.

После, много лет спустя, мне приходилось командовать настоящими большими кораблями, но этой минуты я все равно никогда не забуду, и, должно быть, именно в эту минуту я стал моряком.

Потом всю зиму я доставал книжки о море, о парусах, читал, придумывал, чертил, а весной подбил двух товарищей, и мы решили сами построить парусник. Над нами смеялись, но мы кое-как починили гнилую лодку, сшили парус из зеленого коленкора и целое лето играли в пиратов. Река у нас была мелкая, парус тянул плохо, лодка текла, но для нас наш корабль был дороже самой роскошной яхты, потому что мы от начала до конца сделали его своими руками и ходили на нем, как хотели и куда хотели.

И как-то так получалось, что мы незаметно, между делом, стали понимать ветер и воду, заговорили на морском языке, научились вязать узлы и читать флажные сигналы. Не то что бы мы специально учились этому, нет. Мы просто все лето с утра до вечера болтались на реке, загорали и ждали ветра. А когда задувал ветер, поднимали свой зеленый парус и шли куда-нибудь, все равно куда.

Мы играли, но если налетал шквал, он всерьез рвал наш ветхий парус, и нам всерьез приходилось брать иглы и долго возиться с заплатами. Это было скучно и неприятно, и мы по приметам привыкли узнавать, когда будет шквал, и вовремя убирали парус. Если рвались снасти, их волей-неволей приходилось связывать не простым узлом, а разгонным сплеснем, потому что новых концов взять было неоткуда, а никакой другой узел не пролезал в блоки. Если нужно было сговориться о чем-нибудь через реку, мы сначала просто махали руками, стараясь знаками объясниться друг с другом, а потом узнали про морской семафор и за два дня научились говорить, как настоящие сигнальщики.

Осенью мы разъехались. Наша лодка, должно быть, сгнила, а я много лет не садился за руль. Но стоило мне взглянуть на воду, и я невольно вспоминал и узлы, и азбуку флагов, и наш зеленый парус, и Панайета. Что-то тянуло меня назад, к морю, и я тосковал, бродя по пыльным московским улицам. Кончилось тем, что я оказался в Мурманске на палубе корабля и тут, наконец, почувствовал себя как дома. В месяц я стал настоящим моряком.

Архангельские ребята сами отремонтировали яхту.

Мне посчастливилось. Я попал на спасательный парусный бот. Это был замечательный корабль. В любую погоду он выходил в море и на всех парусах несся на помощь рыбачьим суденышкам, когда им доставалось от шторма. Наш бот делал волшебные повороты, он, как птица, носился по гребням, гулко ударяясь прочной деревянной грудью в холодные волны Баренцова моря. Вот тут, на боте, я понял до конца, что парус — не пустая забава, а настоящее нужное дело, без знания которого моряк—не моряк. За погодой, за ветром, за картой, за приливом, за всеми повадками моря нам приходилось следить в сто раз внимательней чем тем, кто плавал на пароходе. Ведь пароход, когда ему нужно было идти с Кильдина в Иоканьгу, так и шел прямым курсом, а нам, если ветер дул встречный, приходилось обманывать его, забираться на север, спускаться к югу, снова забираться на север... Когда бот становился на якорь, мы всегда выбирали место так, чтобы при шквале с любой стороны нам было где развернуться. А пароход мог встать где угодно, лишь бы был пар в котлах и машина в порядке. Но зато ни угля, ни воды не нужно было нашему кораблю. Он всегда стоял наготове, и, стоило закрепчать ветерку, мы снимались с якоря и ходили вдоль берега, поглядывая с мачты, не нужна ли кому наша помощь.

Парад яхт.

Я так привык разбираться в капризах моря, что потом, когда плавал помощником капитана на пароходе, по старой парусной привычке, перед вахтой поглядывал на горизонт, нюхал ветер, глядел на чаек и, если что предвещало бурю, предупреждал капитана, прежде чем радист приносил сводку погоды.

Вот уже пять лет, как я ушел с моря. Пять лет под ногами у меня не качалась палуба, пять лет я не ловил солнце в секстант и не смотрел на хронометр, чтобы узнать, где находится мое судно; я уже разучился носить форму, и мне как-то неудобно надевать фуражку с «крабом»... Но парус я не бросил, и, может быть, именно поэтому я не очень скучаю о море.

Раньше нам приходилось идти к морю, а теперь море пришло к нам: под Москвой, на Клязьминском водохранилище, хватает простора, и там у меня есть яхта. Стоит только подуть ветерку, меня уже тянет туда. Я поднимаю парус, и один на один играю с ветром. Бывает так, что ветер обманет меня, бывает так, что я обману ветер. Но, сколько бы мы ни обманывали друг друга, эта игра никогда не надоедает, и я всегда с сожалением возвращаюсь в гавань и ставлю яхту на якорь.

И всегда с завистью я смотрю на ребят, которые с утра до ночи носятся взад и вперед по нашему водохранилищу, кру-

тят смелые повороты, кладут яхты на борт и наперегонки вырезаются к поворотному бую. Им некуда торопиться, а главное — у них все впереди. Еще год — два—три, и они пойдут во флот. Они встанут у штурвалов боевых кораблей, они выйдут в широкое море, увидят полярное сияние и огромные, как фонари, звезды тропиков. Они побывают во всех портах всего мира...

Я тоже кое-где побывал и видел немало, но у меня все это уже позади, а у них впереди и близко — «прямо по носу», как говорят моряки.

Есть еще одно преимущество у наших ребят, которому я завидую: когда мы строили свою шлюпку и шили свой зеленый парус, на нас смотрели как на больных. Ни совета, ни помощи мы не видели и не ждали ниоткуда. Нам приходилось зубами отрывать свое право поиграть в моряков. А сейчас в любом отряде, на любой ДТС стоит только сорганизоваться, будет и помощь, и совет, и материал, и инструменты... И вовсе не нужно бегать за табаком старому Панайёту, чтобы понять, как устроен парус. В любой библиотеке есть книги об этом, а в любом морском кружке можно пройти полный курс морских наук.

Недавно в Архангельске я видел такой кружок. Там ребята начали с того, что научились строить модели. Сначала модели получались неважные, неуклюжие, потом стали получше. Ребята стали кроить и шить паруса, научились делать расчеты, устраивали гонки моделей, а потом им отдали старую яхту, они отремонтировали ее и пошли на ней в море.

Теперь они сами строят яхты и шлюпки, ходят на них по Двине и по Белому морю и столько знаний выносят из своего кружка, что, окончив школу, поступают сразу на третий курс мореходного техникума.

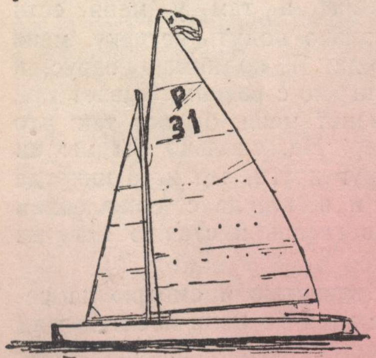
Я говорил с этими ребятами и видел, как они работают. Это настойчивые и крепкие ребята. Когда я был у них на ДТС, не хватало гвоздей. Думаете, они приостановили работу? Ничего подобного, они сами стали делать гвозди. И я уверен, что из этих ребят вырастут настоящие моряки, командиры настоящих кораблей, которые справятся с любыми трудностями и выполнят любое задание, которое поручит им родина.

Во флот они придут уже обученными, и им не придется тратить дорогое время на то, чтобы изучать азбуку морского дела, они еще сами научат товарищей, которые придут во флот с берега. А пока они весело и интересно проводят время на своих яхтах, швerботах и шлюпках.

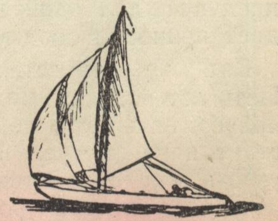
Когда я вернулся из Архангельска, я стал думать, как устроить побольше таких кружков, чтобы побольше ребят подержалось за шкоты и за румпель, чтобы побольше готовых моряков пришло в Красный Флот. Я набрал команду на свою яхту из ребят-школьников. Ребята очень довольны этим, доволен и я, но это же капля в море. И вот что я придумал, ребята: давайте всюду, где есть хоть немного воды: какой-нибудь пруд, река, озеро,— давайте сделаем парусные лодки, боты, яхты — кто что сумеет. Сделать это нетрудно Напишите: сколько вас, какая у вас вода, что у вас есть и чего у вас нет. Только пишите скорее, а мы вам ответим.

И не только мы поможем, вам поможет вся страна, потому что в этой игре из вас вырастут моряки, а моряки нам нужны.

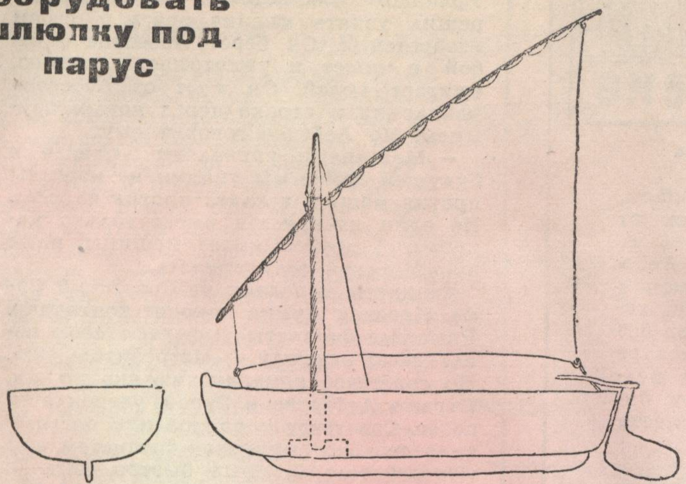
Ведь три четверти наших границ упираются в море. 39 тысяч километров морского берега, два океана, десятки морей, большие озера, многоводные реки — это все пути для наших кораблей, пути, которые мы должны до конца изучить и освоить. А может быть, на этих же водах нам придется встретиться с врагом и тогда пусть враг почувствует всю силу лучшего в мире Красного Флота.

Слева — гоночный швербот типа Р-20, идет почти против ветра; справа — тот же швербот идет с попутным ветром, поднял добавочные паруса.

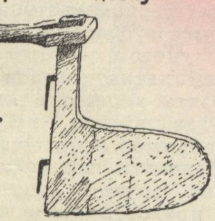

Так можно оборудовать шлюпку под парус

Оборудовать любую шлюпку под парус нетрудно. Вот что нужно для этого: в скамейке (банке) шлюпки нужно сделать отверстие для мачты, а на дне лодки прочно укрепить колодку — «степс»,— в которую вставляется нижний конец мачты (шпор).

Мачту ставят приблизительно на расстоянии ⅓ длины корпуса от носа лодки. Очень хорошо, если удастся под килем лодки прибить доску —

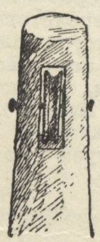
Руль и румпель.

фальшкиль. Затем нужно увеличить перо руля и на головке его прочно укрепить румпель для управления.

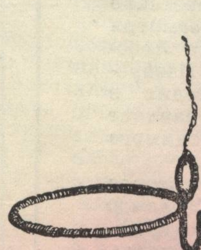
На этом, собственно, подготовка самой лодки заканчивается. Теперь можно готовить парус, рангоут и такелаж. Самый простой парус, который я для начала предлагаю сделать, устраивается так.

На мачту надевается кольцо с петлей и крючком — «раксбугель». В верхушку мачты врезается блок, сквозь который пропускается снасть, служащая для подъема паруса. На крючок раксбугеля надевается кольцо, прочно привязанное к рею, поддерживающему парус. В края паруса вшиваются тонкие веревки (шкаторины), а в углы вставляются кольца. Верхняя кромка паруса пришнуровывается к рею, нижний передний угол небольшой веревочкой привязывается к кольцу, укрепленному в носовой части лодки, а в заднее нижнее кольцо ввязывается шкот — веревка для управления парусом. Вот и все. Указать размеры паруса очень трудно, не зная размеров лодки. Приблизительно, они должны быть пропорциональны тем, что указаны на чертеже. Если лодка пошире, можно относительно увеличить парус, если лодка узкая и невысокая, лучше сделать парус поменьше.

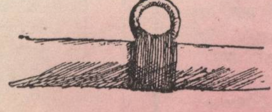
Теперь, когда все готово, попробуем пройтись на нашей шлюпке: садитесь за руль, берите в руку шкот и смотрите за ветром. Если ветер в корму,— рей встанет почти вертикально, а парус раздуется пузырем.

Блок в верхушке мачты.

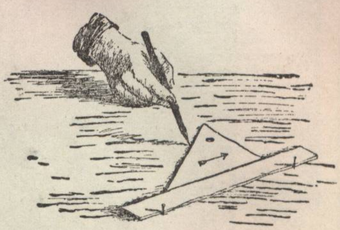
Раксбугель.

Кольцо на рее.

Лодка, понятно, пойдет вперед, а вы рулем направляйте ее, куда вам нужно. Теперь попробуйте «приводиться»: постепенно направляйте лодку в ту сторону, откуда дует ветер (только не повертывайте в ту сторону, где парус, а повертывайте в ту, где мачта), в то же время выбирайте шкот. Парус постепенно расправится и встанет сбоку лодки вертикальной выгнутой стеной. Идите еще круче к ветру, и вы заметите, что лодка идет уже почти против ветра. Вот так, поэкспериментировав, вы очень быстро научитесь управлять своей шлюпкой. Но только для первых опытов выбирайте не очень ветренную погоду.

Теперь я попробую дать вам самое элементарное объяснение работы паруса. Возьмите обыкновенный чертежный угольник, положите его на столе

катетом рядом с линейкой, а в гипотенузу упритесь карандашом. Угольник пойдет в направлении, противоположном тому, в котором движется ваша рука. Вот так же примерно работает парус при встречном ветре. Ветер — это ваш карандаш, парус — гипотенуза угольника, а линейка — фальшкиль — та самая доска, которую мы прибивали под дном лодки. Вперед по ходу лодки доска пойдет легко и почти не будет тормозить ее движение, а вбок пойдет очень трудно, ведь, для того чтобы пойти вбок, доска должна погнать перед собой очень много воды.

Сейчас теория паруса разработана очень подробно. Оказывается, что так, как я рассказал, работал бы совершенно плоский парус, а парус имеет некоторую выпуклость— «пузо»,— и от этого взаимодействие его с ветром резко меняется. Появляются пустоты— «подсосы», завихрения, ускорение воздушных течений на различных частях паруса и т. д. Нам все это пока не так уж важно, лишь бы ходила наша шлюпка, а что она пойдет,— в этом я уверен.

Наша библиотека

„Истребитель 2Z“

194.. год.. Точно года мы не знаем, но, вероятно, он не очень далек от нас.

Знаменитый советский летчик Лебедев со своим учеником штурманом Гуровым готовится к перелету. Он хочет пролететь 30 тысяч километров без посадки. На карте перелета в центре Тихого океана Лебедев отмечает желтым карандашом кружок и сбоку пишет: «Гиблые места». В этом месте исчезло много самолетов.

Фашистской разведке нужны открытия советских ученых. Фашисты хотят использовать их для разрушений, для войны.

Фашистские шпионы под видом туристов проникают в СССР. Советские ученые Бутягин и Груздев несмотря на предупреждение своего друга Лебедева работают очень открыто. Изобретатель-фашист Урландо приходит в гости к советским ученым, отравляет их и похищает расчеты необходимого ему приемника электроэнергии.

В том месте Тихого океана, которое отмечено Лебедевым кружком, Урландо соорудил пловучую лабораторию и построил летающий танк. «Истребитель 2z» вооружен страшными лучами, сжигающими все, что попадет в поле их действия.

Лебедев летит. Но в районе «Гиблого места» самолет его исчез. Тщательные поиски не приводят ни к чему: Лебедев и Гуров бесследно пропали.

Никто не знает, что они в руках Урландо. Фашистский изобретатель решил узнать мнение врага о своем изобретении. Он берет Лебедева с собой в полет и уничтожает деревню, сжигает людей. Он ждет от Лебедева удивления и страха перед новым оружием. Но Лебедев говорит ему:

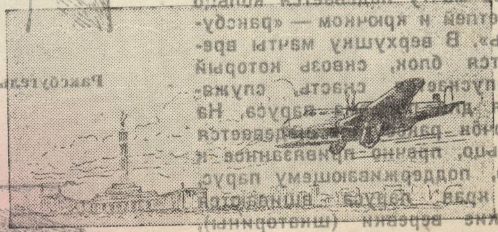
— Машинами управляют люди, и в будущей войне мы увидим не машины против машин, а класс против класса... Но один из классов имеет только машины. А другой имеет машины, плюс пролетарская солидарность...

Фашисты нападают на Советский Союз. Красная Армия наносит контрудар. Разбитые фашисты вызывают свою последнюю надежду — «Истребитель 2z». Но советское командование знает о нем. Стража Лебедева и Гурова устроила им побег. Советское командование подготовило столько сюрпризов фашистам, что «Истребитель 2z» был быстро сбит.

Все это очень краткий пересказ научно-фантастического романа Сергея Беляева «Истребитель 2z», выпущенного Детиздатом ЦК ВЛКСМ. Конечно, это только незначительная часть тех приключений, которые содержатся на 278 страницах книги. Автор заглядывает в самое ближайшее будущее. Очень многое из того, что он описывает, возможно, вы увидите сами. Тогда интересно будет вспомнить этот роман и сравнить действительность и фантазию.

Два мира — Советскую страну и ее людей, занятых строительством замечательной жизни, и фашизм с его варварством и гнетом, — столкновение представителей этих миров автору удалось показать хорошо и интересно. Правда, кое-где автору не хватило фантазии. Например, описывая приготовления Лебедева к перелету, он рассказывает, как друзья закупали для него вещи и продовольствие. А ведь и сейчас летчики снабжаются всем необходимым правительственной комиссией. Через несколько же лет снабжение перелетов будет настолько стандартно, что, вероятно, можно будет достать его с помощью простого телефонного звонка.

Но это все мелочи. Книжка Беляева читается с большим интересом. Советуем прочесть ее каждому. *Н. Ш.*

Рисунки из книги «Истребитель 2Z»
Худ. Ф. Бочков.

Книга о борьбе и дружбе*

Это книга о большой дружбе белых и черных людей, ребят и взрослых, о борьбе, которую много десятилетий ведут лучшие люди Америки за право негров на жизнь, на свободный труд.

Загляните в школу нищей окраины Нью-Йорка. Дождь пробивается через крышу, по углам зеленая плесень, она растет здесь так хорошо, что изобретательный Тони Фейн раздумывает, нельзя ли тут разводить настоящие грибы. В этой школе учатся и белые ребята и негритянские. У них хорошая, ласковая учительница Флора Аткинс. Она тоже негритянка. Ребята живут дружно: худенький вспыльчивый поляк Стан Скаржинский, и сын слесаря Тони, и шустрый итальянец Бенно Манигетти, и мальчики учительницы, белозубые Чарли и Нил.

Не думайте только, что эта школа — тихий островок, куда не долетают шум борьбы, забастовок и митингов, грохот тюремных дверей и стук полицейских дубинок. Борьба кипит и вокруг этой маленькой школы и даже под ее полуразрушенной кровлей. На каждом шагу ребята сталкиваются с бесправием негров. Вот миссис Аткинс ведет своих воспитанников в цирк, чтобы порадовать их за прилежную учебу. Она протягивает уже билеты важному раззолоченному капельдинеру.

— Цветные в ложи не допускаются, — говорит он. — Неграм придется уйти.

Значит, вход в цирк закрыт для любимой учительницы. И для Чарли. И для Нила. Нет, без черных друзей не пойдут в цирк и белые. Горячий Стан разорвал уже билеты, и розовые обрывки усеяли лестницу. Ребята рабочих всегда вместе. Так начинается повесть о сегодняшнем дне. А в нее вплетается рассказ о прошлом Америки, о временах рабства и геройской борьбе за освобождение негров. Бабушка Нила и Чарли, черная Салли, помнит еще эту борьбу. Маленькой девочкой она видела Джона Брауна, того самого Джона Брауна, о котором и сейчас поют:

«Спит Джон Браун в могиле сырой
Но память о нем ведет нас в бой».

Она видела этого бесстрашного белого человека, который стал на защиту негров и поднял восстание против рабовладельцев. Она видела, как убит был в бою сын Джона Брауна, и подавала командиру патроны, пока не выронил ружье второй его сын. Смерть заглянула уже и ему в глаза, но мужественный боец успел еще позаботиться о том, чтобы спасти маленькую черную девочку Салли. Она осталась жива, только ногу ей проткнул саблей враг, когда увозили ее в повозке под соломой. Вот почему и сейчас хромает старая бабушка Нила и Чарли. Так все время переплетается в книге прошлое с настоящим.

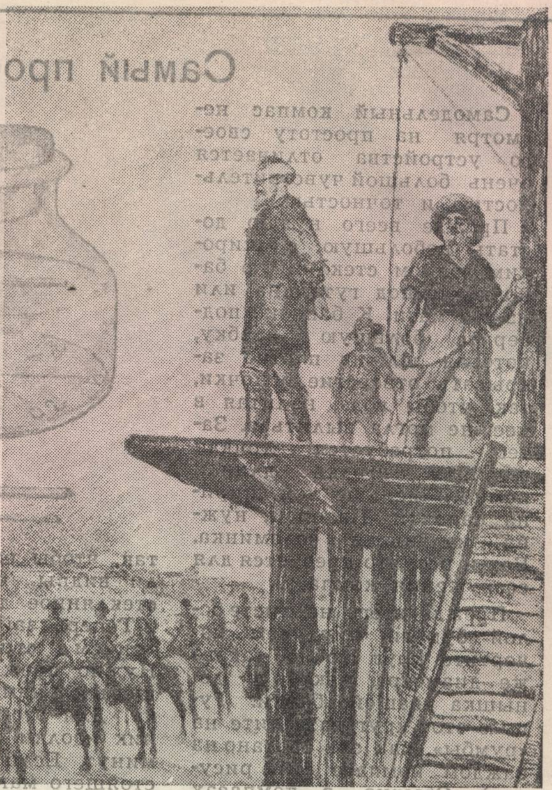

Рисунок из книги «Черная Салли». Худ. Н. Жуков.

Н. Кальма — молодая писательница, и она никогда не была в Америке. Но она прочла много исторических записок о борьбе за освобождение рабов в Соединенных штатах Америки; о многом рассказали ей американские рабочие, приехавшие к нам, в Страну советов, и белые и негры. И ей удалось написать увлекательную, правдивую книгу о больших и хороших чувствах, о беззаветной борьбе за свободу, о великой дружбе людей разных национальностей, связанных общим делом и одной мечтой — мечтой о счастливой жизни всех трудящихся.

В этой повести есть недостатки, но о них не хочется говорить, потому что книга не может оставить читателя равнодушным. Читатель будет горевать и радоваться вместе с героями повести, на несколько часов эта книга станет для читателя жизнью. А это — самое большое, чего может добиться писатель.

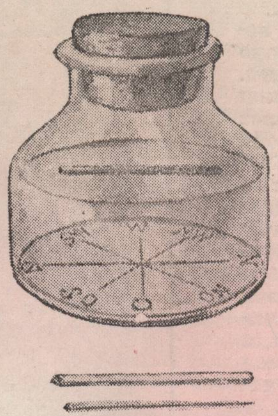
М. Гершензон

* Н. Кальма «Черная Салли». Детиздат ЦК ВЛКСМ. 1939. 144 стр. Цена 3 р. 75 к.

Самый простой компас

Самодельный компас несмотря на простоту своего устройства отличается очень большой чувствительностью и точностью.

Прежде всего нужно достать небольшую, с широким горлом стеклянную баночку из-под гуталина или из-под мази. К баночке подберите большую пробку, которая должна плотно закрывать отверстие баночки, так, чтобы вода, налитая в нее, не могла вылиться. Затем потребуется тонкая швейная иголка длиной немного меньше чем ширина баночки. Наконец, нужна маленькая соломинка. Вот и все, что требуется для сооружения компаса.

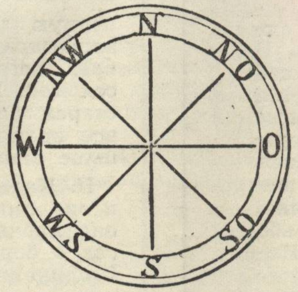

Прежде всего на листе белой бумаги циркулем начертите круг точно такого же диаметра, какой у донышка вашей банки. Тушью этот круг разделите на «румбы», как это сделано на каждом компасе (см. рисунок). Обычно в компасах приняты следующие обозначения: *N* означает север, *S* – юг, *O* – восток, *W* – запад.

Промежуточные направления обозначаются двойными буквами, например: NO – северовосток, SW – югозапад, SO – юговосток, NW – северозапад.

Когда все надписи просохли, вырежьте из бумаги ножницами весь круг, смажьте его гуммиарабиком и наклейте лицевой стороной на донышко баночки так, чтобы все надписи были видны сверху, сквозь стеклянное дно банки.

Теперь займемся изготовлением стрелки компаса. Нужно прежде всего хорошенько намагнитить иголку. Для этого потрите кончик иголки о магнит 5—10 минут. Если у вас нет настоящего магнита, то можно воспользоваться магнитами, находящимися в каждых радионаушниках. Отвинтите осторожно крышечку одного из наушников и потрите кончиком иголки о магнит. Когда иголка достаточно намагнитится, крышку наушника нужно опять крепко завинтить.

Теперь отрежьте от соломинки прямой кусочек, равный по длине иголке, и вставьте иголку внутрь соломинки так, чтобы она целиком помещалась в соломинке, как в футляре. Тот конец соломинки, где находится намагниченный конец иголки, слегка закоптите над спичкой для того, чтобы его всегда было видно.

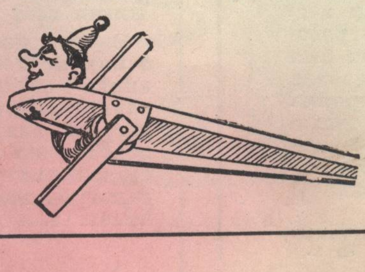
Пользоваться компасом нужно так. Налейте баночку наполовину водой. Затем поставьте ее на какое-нибудь ровное место и положите осторожно в баночку на поверхность воды соломинку с находящейся внутри иголкой. Через некоторое время соломинка перестанет колебаться и твердо направит свой закопченный конец на север. Теперь осторожно вращайте баночку до тех пор, пока буква *N* не будет точно приходиться против закопченного конца соломинки. Тогда все остальные буквы будут точно показывать все страны света.

Во время путешествия соломинку с иголкой следует вынуть из воды и положить отдельно в спичечную коробку с ватой.

Г. Дасманов

Клоун-пловец

Возьмите дощечку в 20—25 сантиметров длины, 5 сантиметров ширины и 1 сантиметр толщины. Закруглите один конец дощечки, а другой ее конец заострите. На расстоянии 1,5 сантиметра от переднего, закругленного конца вбейте в дощечку небольшой крючок, можно использовать для этого гвоздь. Затем вырежьте из фанеры «голову клоуна», прикрепив ее впереди, как это показано на рисунке. Позади головы по бокам вашей плавающей фигуры привинтите (или прибейте) две полукруглые подпорки с отверстиями посредине. Вставим в эти отверстия ось. Затем насадим на нее катушку. К концам оси снаружи боковых подпорок плотно прикрепим деревянные брусочки размерами 8—10 сантиметров, чтобы они были направлены в разные стороны. Эти брусочки должны изображать «руки» плывущего клоуна. Теперь давайте закрепим на катушке один конец резины, а другой завяжем на крючке в конце лодочки. Закрутив несколько раз «руки» слева направо, спустим клоуна-пловца с его лодочки на воду. И вы увидите, как клоун-пловец быстро-быстро начнет загребать руками воду и поплывет.

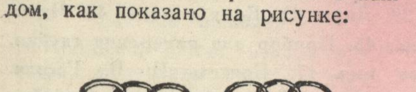

Загадки

Порванная цепочка

В мастерскую принесли для починки часовую цепочку из пятнадцати звеньев. Эта цепочка была порвана на пять кусков, по три звена в каждом, как показано на рисунке:

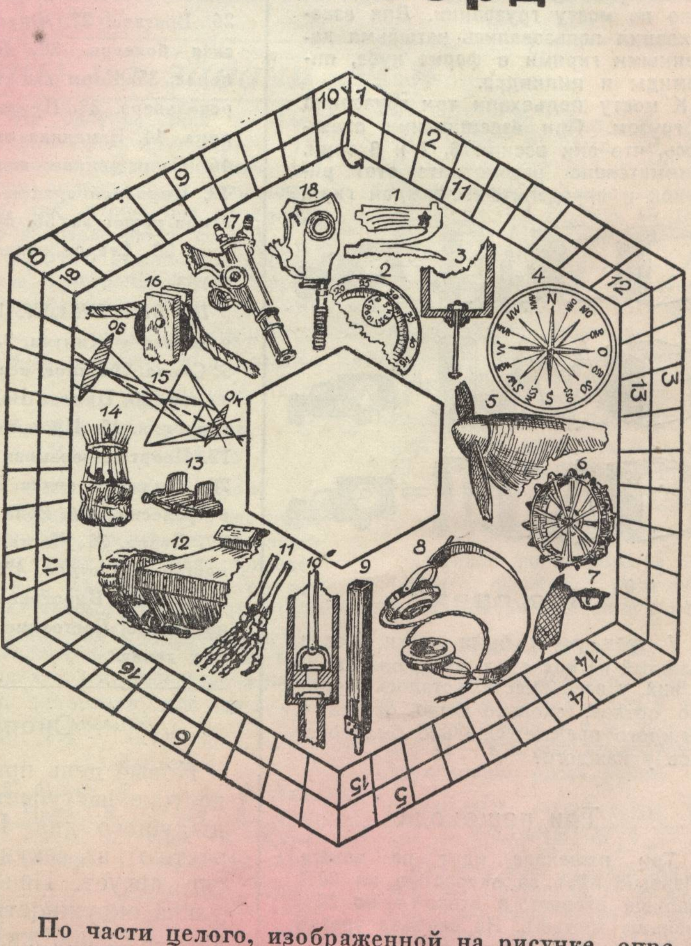

Цепь починили и в счете поставили стоимость разрезки и спайки четырех звеньев. Однако владелец цепочки заявил мастеру, что с него взяли лишнюю плату, ибо цепь можно было починить, разрезав и соединив всего лишь три звена, а не четыре, как это сделал мастер. Тут же он показал мастеру способ, каким надо было чинить цепь. Попробуйте и вы найти этот способ.

Шуточный ребус

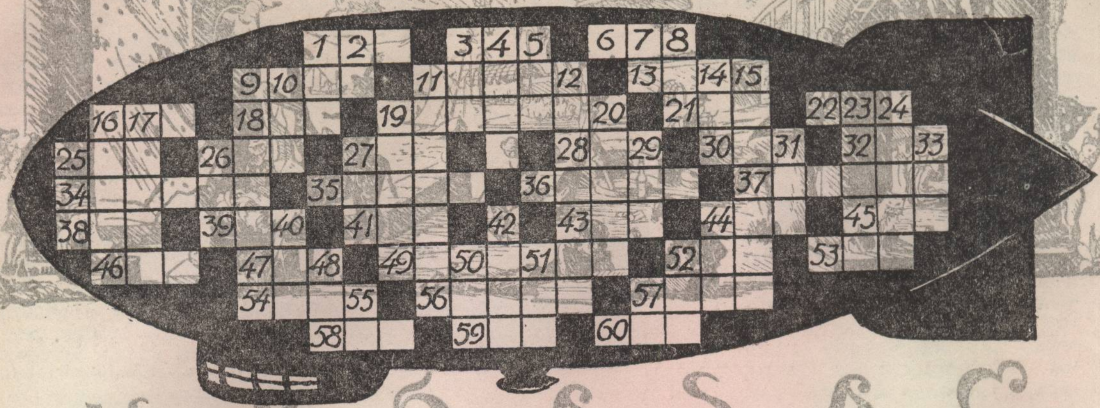
Чайнворд

По части целого, изображенной на рисунке, определите целое и название его введите в цепь слов.

Кроссворд

(Прислал Нинел Горнаков из города Гжатска, Смоленской области).

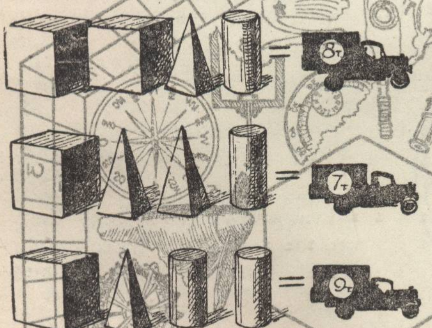
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Латинская буква. 3. Занятие рыбака. 6. Древняя легенда. 9. Река, впадающая в Каспийское море. 11. Прибор ученика. 13. Отверстие в бильярде. 16. Партия в игре. 18. Произведение И. С. Тургенева. 19. Плата за труд. 21. Мужское имя. 22. Мужской голос. 25. Состояние воды. 26. Возглас. 27. Фруктовое насаждение. 28. Клык. 30. Конская болезнь. 32. Бесформенная масса. 34. Полезный минерал. 35. Корм для скота. 36. Обувь. 37. Футляр для хранения револьвера. 38. Призыв. 39. Лицо. 41. Крик ворона. 43. Часть лица. 44. Земляная насыпь. 45. Прибор для измерения глубин. 46. Сокращенное женское имя. 47. Повесть Н. В. Гоголя. 49. Цирковой артист. 52. Рыба. 53. Сосуд. 54. Мельчайшая частица вещества. 56. Мера веса драгоценных камней. 57. Кустарник. 58. Старое название реки Урала. 59. Посуда. 60. Высота звука.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Название каждого человека. 2. Двойник человека у египтян. 3. Техническая культура. 4. Приток Амура. 5. Смола. 7. Нанос, осадок. 8. Английская мера длины. 9. Изображение. 10. Приток Волги. 11. Дар. 12. Больница. 14. Марка автомобиля. 15. Пустыня в Южной Америке. 16. Домашнее платье. 17. Неорганизованная группа. 19. Помещение для автомобилей. 20. Усилитель звука. 23. Морской хищник. 24. Число. 25. Выемка в древесине. 26. Река в Казахстане. 27. Разветвление на дереве. 29. Лодка. 31. Часть комнаты. 33. Шахматный термин. 40. Домашнее животное. 42. Забава. 44. Нагруженная телега. 48. Растение. 50. Иностранное мужское имя. 51. Отверстие под изгородью. 52. Состояние покоя. 55. Нота. 57. Изобретатель бумажных денег.

ТРИ ГРУЗОВИКА

Мост через реку мог выдержать нагрузку не более 10 тонн. Поэтому перед ним были устроены весы, на которых взвешивались проезжавшие по мосту грузовики. Для взвешивания пользовались четырьмя каменными гирями в форме куба, пирамиды и цилиндра.

К мосту подъехали три грузовика с грузом. При взвешивании оказалось, что они весили 8, 7 и 9 тонн. Внимательно рассмотрите этот рисунок и определите вес каждой гири.

Про орехи

У трех ребят были орехи. Когда каждый из них съел по 10 орехов, то у них, у всех вместе, осталось столько орехов, сколько было орехов у каждого прежде. Сколько было орехов у каждого?

Три пешехода

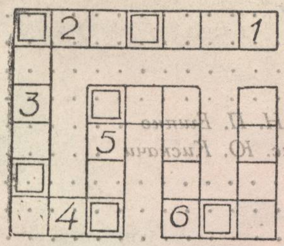
Три пешехода идут по дороге. Первый идет со скоростью на 50% больше второго, а второй — на 20% меньше третьего. На сколько третий идет медленнее первого?

Скорость месяца августа

Новый день приходит к нам с востока. Во Владивостоке наступает утро, когда в Москве вечер предыдущего дня. Попробуйте узнать, с какой скоростью в секунду приближался к Москве месяц август. При выяснении этого запомните, что длина окружности земного шара по параллели Москвы — 22 500 километров.

Географический чайнворд

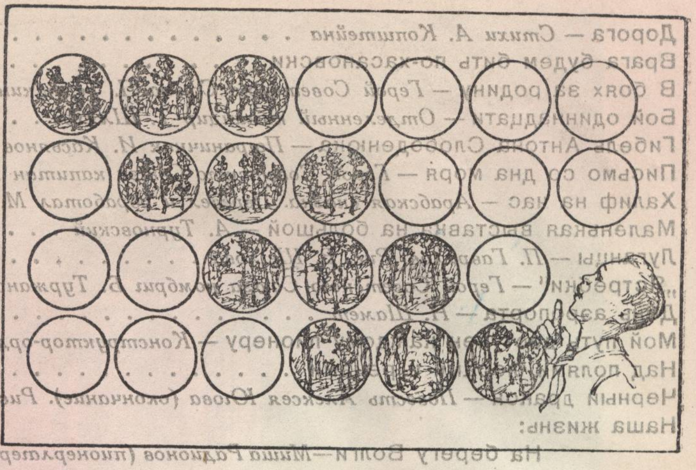
(Прислал Боря Пульвер, Москва)

1. Горный хребет в СССР. 2. Деление по климату, растительности и т. п. 3. Географическое пособие. 4. Приток Волги. 5. Часть света. 6. Приток Енисея.

Если вы верно решите чайнворд, то в выделенных клеточках сможете прочесть фамилию знаменитого путешественника.

Поставьте буквы

Рисунки в клетках обозначают один и тот же слог, о котором вы легко можете догадаться, смотря на рисунки. Проставьте в пустых клетках буквы, чтобы по горизонтали получились слова, в которые входили бы нарисованные слоги.

Ответы на задачи № 6

В чем ошибка?

Мальчик пишет правой рукой, а зеркало отражает его также пишущим правой рукой. Это неправильно: зеркало должно отражать мальчика пишущим не правой, а левой рукой.

На ветке листья розы, а плоды дуба (жолуди).

Закраины (реборды) паровозных и вагонных колес, которые не позволяют колесам сойти с рельсов, всегда расположены с внутренней стороны рельсов, а не с наружной, как показано на рисунке.

На рисунке надводная часть айсберга гораздо больше подводной части. В действительности подводная часть айсберга всегда гораздо больше части, выступающей над поверхностью воды.

Солнце находится у горизонта, а следовательно, в это время часы не могут указывать 12 часов и 5 минут, как показано на рисунке. Часы на рисунке не стоят, а идут (это можно узнать по положению маятника).

Направление ветра, на которое указывают на рисунке облака и дым от парохода, противоположно направлению ветра, на которое указывают паруса парусной лодки.

На рисунке тени деревьев параллельны друг другу. По правилам же перспективы, эти тени должны быть расположены так, чтобы они сходились по направлению к солнцу.

Собачка револьвера нарисована неправильно: она направлена в обратную сторону.

Анаграмма

Рагу — угар

Ребус

В-о-круг да около
Вокруг да около

Что будет с шаром?

Поднимаясь по лестнице, аэронавт произведет добавочную силу, которая приведет шар в движение вниз по направлению этой силы. Шар медленно будет опускаться или замедлит подъем. После того как аэронавт взберется в кабину, подъемная сила шара станет нормальной.

Головоломка

1. Сокол. 2. Лимит. 3. Тан. 4. Нант. 5. Тракт. 6. Тир. 7. Рион. 8. Нок. 9. Курс. 10. Самара. 11. Арка. 12. Акр. 13. Ротор. 14. Ром. 15. Марат. 16. Трое. 17. Сон. 18. Нос. 19. Сак. 20. Кот. 21. Трио. 22. Отит. 23. Тенор. 24. Род. 25. Дек. 26. Код. 27. Дом. 28. Мрак. 29. Кас. 30. Сок. 31. Кортик. 32 Короб. 33. Бри. 34. Ивняк. 35. Крот. 36. Тмин. 37. Норд. 38. Доктор. 39. Рона. 40. Апаш. 41. Шар. 42. Рур. 43. Род. 44. Двина. 45. Ара. 46. Анонс. 47. Сан. 48. Носок. 49. Конус. 50. Си. 51. Икра. 52. Азот. 53. Трава. 54. Аист. 55. Том. 56. Монитор. 57. Рыбак. 58. Кама. 59. Аня. 60. Яна. 61. Алеко. 62. Он. 63. Нил. 64. Лассо. 65. Особняк. 66. Комар. 67. Ра. 68. Артек. 69. Кнут. 70. Тик. 71. Кон. 72. Ном. 73. Молот.

Разместите фигуры

Порядок фигур должен быть таким: флажки, полумесяц, треугольники, лестница и ромб.

Сложи и вычти

Три + дров — а + ор — ел — г — уба на т — о — рех + двор + ах + дрова — т + руба — а п + ят — ь = три дроворуба на трех дворах дрова рубят.

ПЕРВЫМИ ОТВЕТИЛИ НА ЗАДАЧИ № 5

Козлова Оля, Ларина Лида — Москва; Григорьев М. — Саратов; Гальперин Боря — Чернигов; Соколова Мая — Горький; Огурцов Л. — Владивосток.

Типография газеты „Правда" имени Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Зак. № 2217. Тираж 90 000

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке: картина художника Ю. Коровина „Юный ворошиловский стрелок".

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комната 822, тел. Д 3-30-73

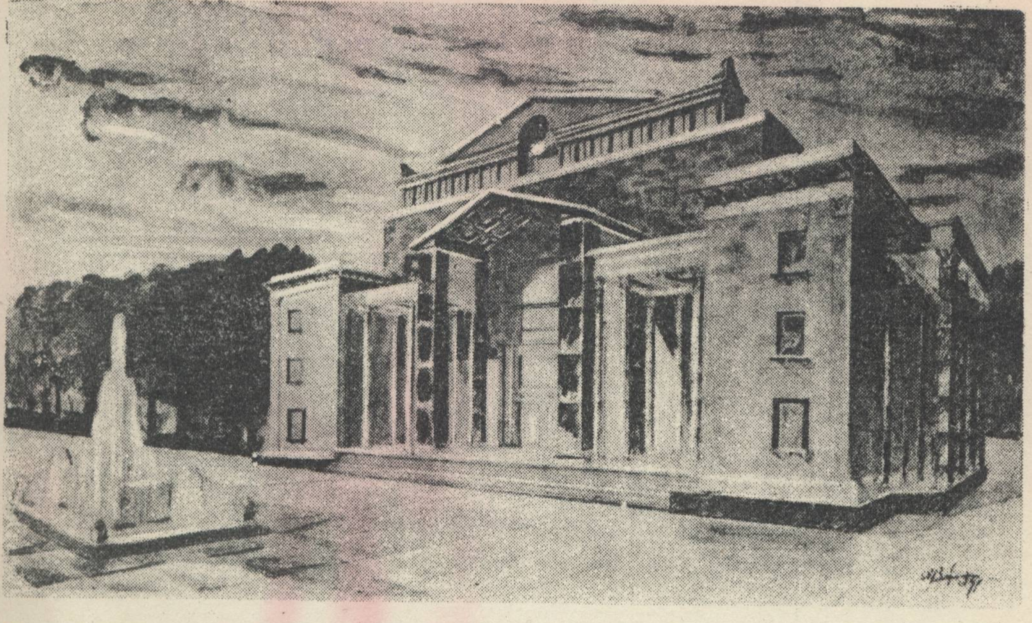
Отв. редактор **П. К. ШАРИ.** Отв. секретарь **В. А. Поддубная.**
Зам. редактора **Н. В. ИЛЬИНА.** Худ. редактор **М. З. Аскинази.**

Сдано в набор 2/VII 1939 г. Подписано к печати 17/VIII 1939 г. Изд. № 821

Уполномоченный Главлита № А — 16862. 82×110. 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 8 п. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Зак. № 2217. Тираж 90 000

СТРОИМ ГОРОД НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В каждом квартале нашего города будет построен свой кинотеатр. Жителям города не надо будет ходить далеко для того, чтобы посмотреть интересный фильм. Я уже составил проект одного кинотеатра. Это — красивое здание, внутри которого имеются большой концертный зал, помещение для библиотеки и выставки картин из лучших фильмов. Очень удобно построен зрительный зал. Он просторный, а кресла расставлены так, что, где бы вы ни сели, вам все равно хорошо будет виден экран.

Лева Капилюш
Москва

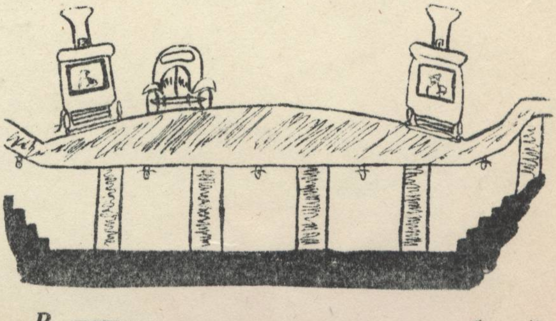
Дом занимательной науки

Мы считаем, что в нашем новом городе обязательно должен быть Дом занимательной науки. Мы пока что придумали только внешний вид этого дома. Дом двухэтажный, на углах его стоят колонны, а у главного входа колонны ввиде пальм.

На плоской крыше Дома занимательной науки разбит сквер, посреди сквера, на стальной подставке, укреплен большой земной шар; из-под подставки земного шара бьет фонтан. По вечерам переливающиеся разноцветным огнем брызги фонтана образуют красивое зрелище.

Что находится внутри Дома занимательной науки, сказать пока что не можем. Мы об этом подумаем и напишем. Пусть об этом подумают и другие ребята.

Витя Сендельский,
Артем Майский
Киев

В нашем городе тысячи автомобилей, троллейбусов, мотоциклов, велосипедистов будут мчаться по широким улицам. Для того чтобы машины могли ходить быстро, а пешеходы без задержки переходить улицы, я предлагаю на перекрестках главных магистралей города, там, где уличное движение особенно оживленно, прорыть под улицей тоннели.

В том месте, где железная дорога пересекает реку, надо тоже построить тоннель.

Валя Филатов
город Алма-Ата

Цена 1 руб. 50 коп.